

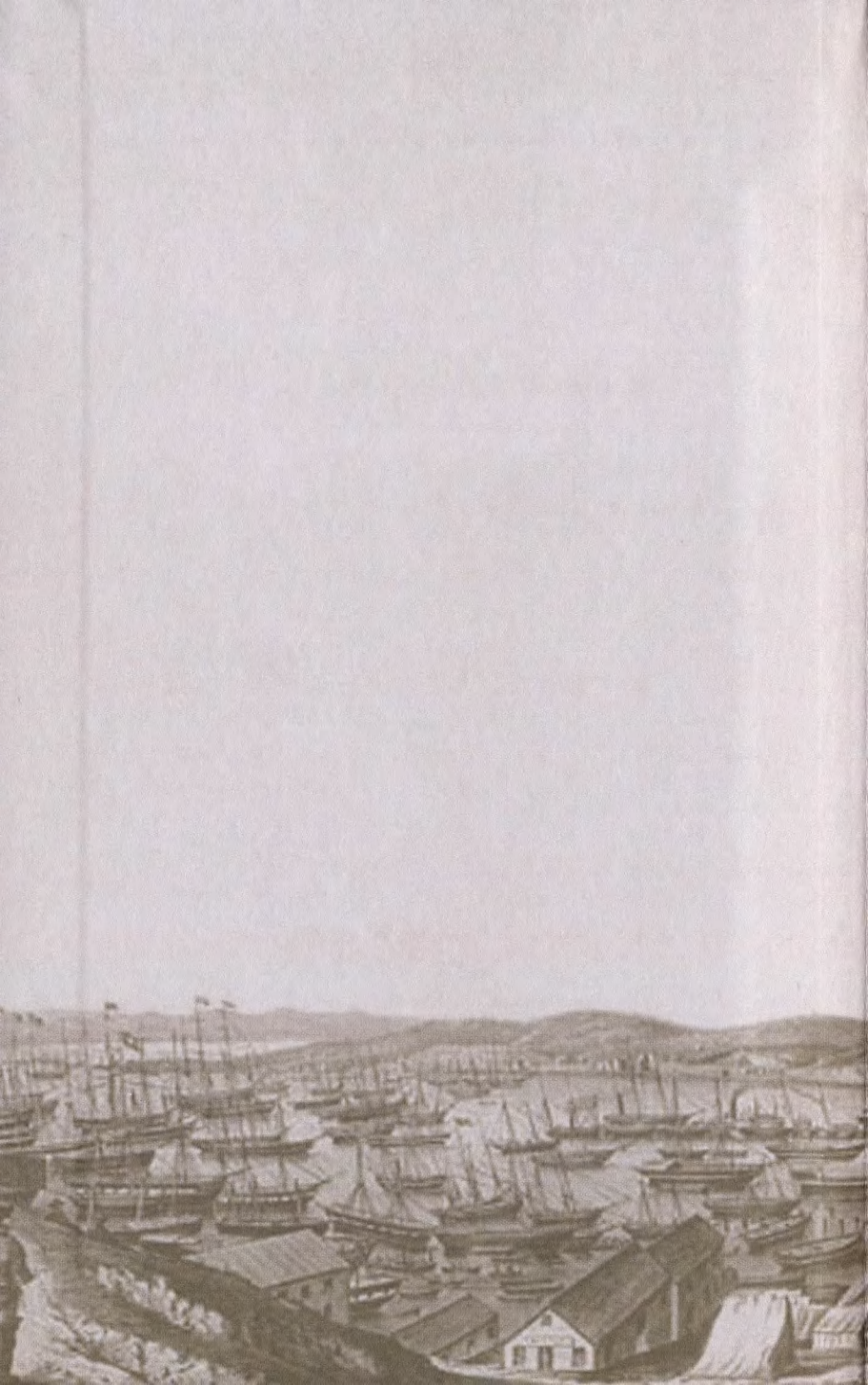
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

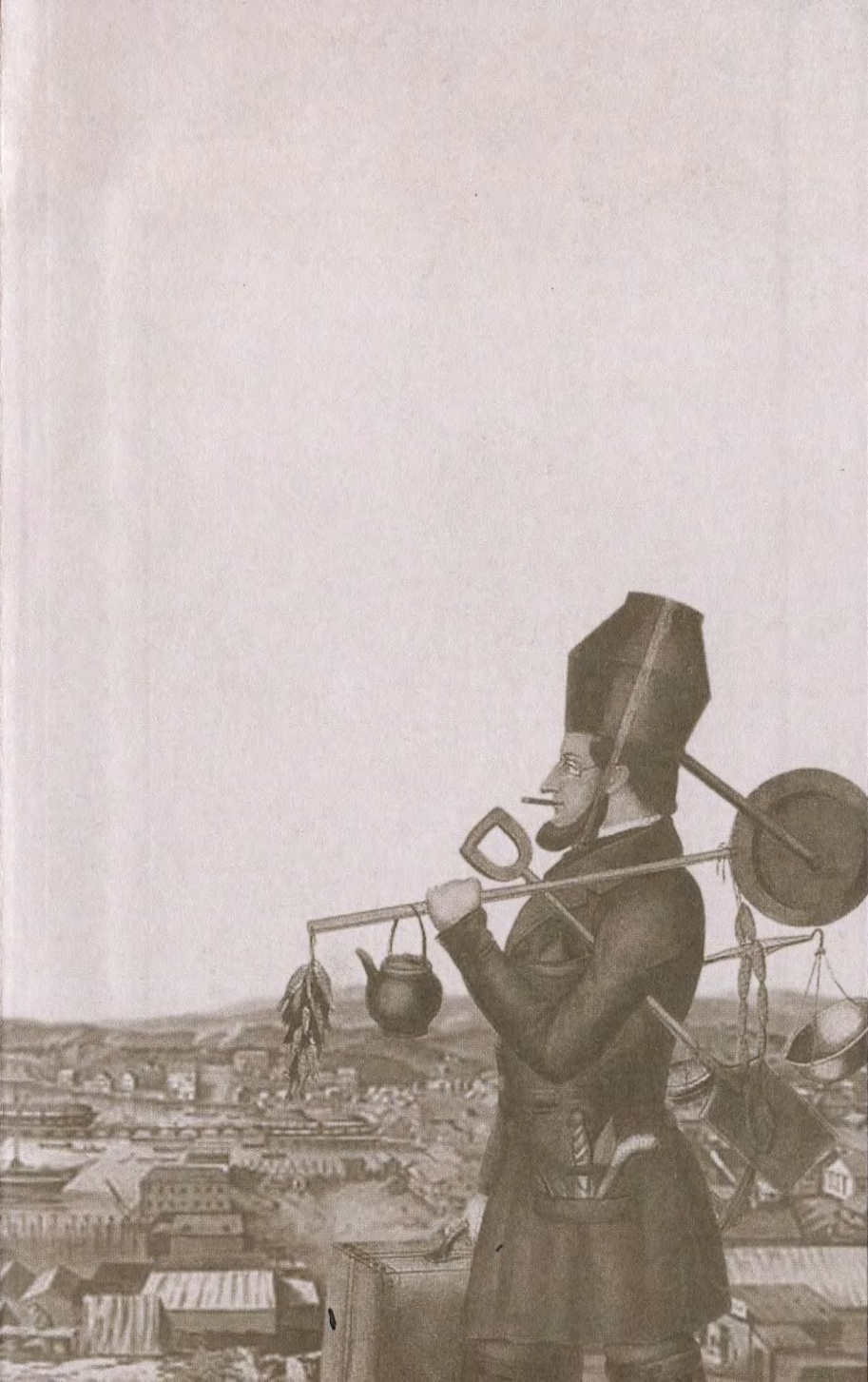
Лириан Крете

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

КАЛИФОРНИИ ВО ВРЕМЕНА «ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ»

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Лилиан Крете

Liliane Créte
LA VIE QUOTIDIENNE
EN CALIFORNIE AU TEMPS
DE LA RUÉE VERS L'OR
(1848—1856)

HACHETTE

ЖИЗНЬ

КАЛИФОРНИИ
ВО ВРЕМЕНА
«ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ»
1848—1856

УДК 94 (7) «654»
ББК 63.3(0)5
К 80

Перевод с французского
Г. Г. КАРПИНСКОГО

Предисловие, научная редакция
доктора исторических наук, профессора
А. И. УТКИНА

Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture –
Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Перевод осуществлен по изданию:
Liliane Crété.
La vie quotidienne en Californie
au temps de la ruée vers l'or (1848–1856)
Paris, Hachette, 1982

ISBN 5-235-02640-3

© Hachette, 1982
© Карпинский Г. Г., наследники, перевод, 2004
© Издательство «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2004
© «Палимпсест», 2004

В двадцати километрах к северу от Сан-Франциско стоит деревянная крепость, при виде которой замирает русское сердце. Бревенчатые стены, вырубленные бойницы, знакомый силуэт часовни. Путник, остановись на секунду – это крайняя точка продвижения наших соотечественников, удалившихся от Руси на другой конец земли. Небольшая крепостица – Форт-Росс, а великий знак: полземли прошагали и проплыли наши предки, чтобы остановиться в этой малонаселенной части земли. Даже на русской Аляске было больше людей.

На дворе стоял 1841 год, император Николай уже опробовал чудо железной дороги и готовился соединить ею две российские столицы. Добраться же до крепости в Калифорнии было крайне сложно, поэтому приняли решение продать бревенчатый форт. Покупателем выступил некто Саттер (так несколько сот американцев окрест переименовали немецкую фамилию Шуттер). Русские ушли к Аляске, но негоже и забыть нечестное – Саттер так и не заплатил за русскую крепость в Северной Калифорнии.

Не этим Саттер войдет в историю. В ручейке, пробежавшем по его землям, блеснет металл, заморозивший наш мир. Найдет золото Джеймс Маршалл на берегах Американской реки в январе 1848 года. Слишком долго Колумб и его наследники искали золото в Америке, чтобы Маршаллу и Саттеру поверили сразу и легко. Девять меся-

цев понадобилось, чтобы новость пересекла континент. Только 19 августа 1848 года газета «Нью-Йорк геральд» оповестила о находке восточное побережье. Но и тогда газете, несмотря на всю ее солидность и заслуженную репутацию, не поверили. Лишь когда первое лицо в государстве – президент Полк 5 декабря 1848 года подтвердил сообщение о находке золота в Калифорнии, воображение людское воспламенилось по-настоящему.

Первое судно с золотоискателями причалило к девственному берегу 28 февраля 1849 года. Удивителен путь этого суденышка. Носящее название «Калифорния», оно вышло из гавани Нью-Йорка пустым. Ее будущие пассажиры бросились к панамскому перешейку, и здесь «Калифорния», обогнувшая мыс Горн, подобрала полторы тысячи самых нетерпеливых.

Если вы, читатель, желаете знать, что было дальше, не закрывайте книгу, которую вы держите в руках. Чтобы написать эту книгу, нужно было, во-первых, много знать; во-вторых, правильно взглянуть на проблему алчности. Во всей этой истории две стороны.

Первая – *как слаб человек и как легко корысть убивает его лучшие качества*. Из месяца в месяц нарастала враждебность американцев к иностранцам. Особенно косо смотрели они на чилийцев, сколотивших солидные капиталы. Недолгоблюдали бывших каторжников, прибывших из Австралии, а также ирландцев – пьяниц и дебоширов. Самыми мудрыми считались немцы. Что касается французов, то они не находили взаимопонимания со всеми другими золотоискателями, кроме мексиканцев.

«Через два или три месяца, – сообщает Лаперуз, – возникли разногласия, взаимное непонимание, вынуждавшие золотоискателя разрабатывать свой участок самостоятельно, не имея шансов на, казалось бы, вероятную удачу».

Алчность преодолевала все: люди стояли по пояс в ледяной воде, с головой, открытой обжигающему летнему солнцу, с постоянной болью в спине от изнурительной работы киркой и лопатой. В этой борьбе выживали только самые выносливые. К смертельной усталости от работы на россыпях прибавлялись еще и цинга, дизентерия, лихорадка, пьянство, раны от пуль,

стрел и ножей. Многие золотоискатели накладывали на себя руки, не в силах перенести трудности и одиночество. Люди становились циничными и безразличными друг к другу. «Одной из характерных особенностей золотых россыпей был ужасающий, жесточайший эгоизм, охвативший решительно все души», – пишет, исходя из личного опыта, Леонард Кип.

Приведем один эпизод, о котором повествует один из первых золотоискателей Дж. Кэрсон. «Умер золотоискатель, которого все любили. Могила была вырыта в нескольких сотнях метров от лагеря, и пастор прочитал длинную главу из Библии. Дело затянулось, и по ходу похорон окружающие заметили, что в отброшенной земле сверкнуло золото. Пастор остановился, чтобы видеть, что же взволновало его аудиторию. Очень спокойно спросил: «Золото? Боже правый! Это та земля, которую мы искали». Нет нужды говорить, что бедняга Джордж Б. не был погребен в этой могиле, что его вынули из богатой ямы и вырыли новую могилу, высоко на склоне горы. Корысть убила все человеческое. Да, дьявол силен, и ничто, кажется, не способно остановить низменное в человеке.

Но это только на первый взгляд. История «золотой лихорадки» имеет и *другую сторону*. Англичанин Т. Уорвик-Брукс пришел к выводу, что Калифорния была «дикой страной солнца и цветов, безумных надежд и отчаяния, грубости – где все недостатки природы многократно усугубляются – в то же время страной нежной, почти рыцарской преданности, где все хорошее, что есть в человеке, становится лучше».

История «золотой лихорадки» свидетельствует также и о том, что даже последний европейский сапожник и ненужный этому миру китайский кули могут при определенных обстоятельствах открыть в себе бездонную героическую сущность.

В этом плане французская писательница Лилиан Крете сумела за внешними атрибутами «золотой лихорадки» увидеть внутреннюю силу человеческой натуры. Из невежества и ошибок, из глупых материальных устремлений, из заблуждений и абсолютного перекоса сознания человек творит сагу о самом себе. Этой истории не видно начала и ей нет конца. Оседлав очередного Росинанта, глупое человечество на пути на-

чинает удивительно умнеть. И часто неважно то, что человек борется с ветряными мельницами, важно, что он вступает в схватку со всеми вольными и невольными силами зла. В порыве к очередной мечте люди проявляют свою внутреннюю героическую природу. Пожалуй, это и есть лейтмотив книги.

Автор книги рисует поразительную картину массового безумия людей, жаждущих быстрого обогащения. Текст словно слиток – блестит на солнце нашего внимания к авантюрам. Он тяжел, как та неведомая сила, что выбросила многие тысячи на край ойкумены середины девятнадцатого века. Он драгоценен как металл, что стал всеобщим эквивалентом, потому что даже в заблуждениях своих велик человек. Ведь преодолели все – от желтой лихорадки до желтого безумия. И остались людьми.

Было ли в истории менее привлекавшее homo sapiens место, чем Калифорния до 1848 года? Представьте себе – всего пятнадцать тысяч жителей размещались между брошенных францисканцами монастырей там, где ныне пейзаж двадцать первого века, где разместился самый могучий штат современной Америки.

И все же обыденная жизнь побеждает. Не может высокий накал – алчности или жажды чуда – держать человеческую душу в подвешенном состоянии бесконечно. И мы при помощи Лилиан Крете проникаем в палатки копателей и мечтателей всего мира. Может быть, эти зарисовки, а не восхитительные самородки больше останутся в памяти человечества, испытавшего помутнение в 1848 году. В конечном счете именно обыденность и есть наша жизнь, и второй закон Ньютона неизбежно восстанавливает инерцию.

Эта книга для тех, кто хотел бы однажды перевернуть жизнь, бросить все и погнаться за удачей. Разве не в российской ли это традиции? Ведь именно россияне заселили самую обширную часть Земли. Им ли не знать о быте первопроходцев, если в 1584 году восточной границей Государства Российского был Тобол, а столетием позже – Тихий океан. Предки двух третей нашего населения сто лет назад жили не в тех местах, где живут их дети. Потому нам так интересен строго документированный и в высшей степени интересный рассказ о том, как однажды мир отбросил насиженные

места и заселил не всем нравившуюся тогда Калифорнию, ныне живущую, как многим кажется, не в нашем времени, а уже в будущем. В 1848 году здесь не могли избрать шерифа, а сейчас самый густонаселенный штат Америки дает Вашингтону более 50 конгрессменов, самое большое число выборщиков.

Не золото подняло Калифорнию, а те люди, которые пришли за золотом. Далеко не всем им достались тяжеловесные слитки, но они удивительно изменили жизнь самой дикой окраины западного мира, превратив его в авангард науки, индустрии. Все, что делает Америку великой, начинается на земле «золотой лихорадки» – в Калифорнии. Здесь больше нобелевских лауреатов, чем шерифов накануне «голдэн раш» – погони за желтым металлом. Значит, имел свой исторический смысл этот бег энергичных людей, их энергия перекинулась на все сферы жизни. Неостановимой жизни. Новой обыденной жизни.

А. И. Уткин

24 января 1848 года местный строитель мельниц по имени Джеймс Маршалл обнаружил в Американской реке, притоке Сакраменто, золотые самородки. Через несколько месяцев слух об этом золоте распространился по всей стране, а затем достиг Гавайских островов, Перу, Чили, Аргентины, Европы и даже Китая.

За восемь последующих лет некогда безлюдная и необитаемая Калифорния, населенная немногочисленными переселенцами из Латинской Америки и разрозненными индейскими племенами, превратилась в один из самых быстро развивающихся штатов Америки и в символ американской мечты.

В Калифорнии началась так называемая «золотая лихорадка». По морю и по суше сюда устремились тысячи иммигрантов с бодрими песнями на устах и с надеждой на скорое и легкое обогащение. Они грезили золотом, невзирая на все опасности многомесячных странствий. Им приходилось проходить через тяжелые испытания, а нередко навсегда терять при этом здоровье.

Старатели вручную перекапывали, перемывали, просеивали тонны земли и песка в поисках золота. Повсюду возникали города, становящиеся центрами шумных низменных развлечений, где ни в грош не ставится человеческая жизнь, где царят коррупция властей и разврат горожан, которые вынуждены были жить в тес-

ном соседстве с крысами и блохами, размножающимися неслыханными темпами.

Постепенно крупные горно-рудные компании стали вытеснять с приисков старателей-одиночек. Добыча калифорнийского золота, принесшая в 1848 году 245 301 доллар, в 1850-м выросла до 41 273 106 и до 81 938 232 долларов в 1852-м – это был пик добычи. Затем она начала ежегодно сокращаться, вплоть до почти полного истощения золотоносных жил.

Современные историки считают, что «золотая лихорадка» закончилась в 1856 году. Но золотой мираж начал рассеиваться еще в 1851 году. Именно тогда многие золотоискатели, разуверившись в своей счастливой звезде, переживая крушение всех радужных мечтаний, начинают покидать Калифорнию. Но жизнь и приключения этих первопроходцев, подчас отъявленных пьяниц, мошенников, преступников, по которым, как говорится, виселица плачет, была опозитизирована и романтизирована кинематографом и литературой, став легендой западного мира.

До нас дошло бесчисленное количество воспоминаний, путевых заметок, дневников, газет, писем, хроник – документов, повествующих об этом периоде американской истории. Так что исследователи не испытывают недостатка в источниках.

Свидетельства участников событий, изложенные в мемуарах, убеждают, что действительность намного превосходит вымысел в описаниях пороков и жестокостей, процветавших в среде золотоискателей. И все же я хочу не только поведать читателю об их судьбах, но и описать жизнь различных калифорнийских общин того времени. Было бы несправедливо обойти молчанием жизнь самих калифорнийцев, переживающих последние времена «эпохи ранчо», или же – индейцев, полсотни племен которых жили в условиях полной политической и культурной разобщенности, хотя составляли в 1846 году 90% населения. И те и другие, бессильные повлиять на ход истории, стали участниками коренного политического и социального перелома, который внесет диссонанс в древние извечные ритмы и разрушит традиционные ценности. Невозвратимое подавление приведет либо к их исчезновению, либо к ассимиляции.

В культурном плане Калифорния времен «золотой лихорадки» представляла собой пирамиду, состоящую из трех слоев: древнейшей индейской культуры, уходящей корнями к временам зарождения человеческой цивилизации; испанской – застывшей в пышности средневековой империи; американской – смелой, оптимистичной, индивидуалистской, прагматичной, верящей в своеобразную богоизбранность США, самоуверенно считающей самого Творца англосаксом по происхождению.

«С географической точки зрения положение Калифорнии является одним из лучших в мире, так как она простирается вдоль Тихоокеанского побережья, следуя американскому пути в Азию, и пользуется всеми преимуществами своего исключительного географического положения».

Дж. Чарлз Фримонт

В начале XVI века испанец Гарсия Ордонес из Монтальво, будил воображение европейцев: «Знайте, что справа от Индии, совсем близко к этому земному раю, находился остров Калифорния, образованный немислимо громадными скалами. На этом острове жили, почти как амазонки, крепкие черные женщины с пылким сердцем, наделенные недюжинной силой, без единого мужчины среди них... Руки их были унизаны золотом...»

И далее он пишет: «На острове гнездились множество не дававших людям покоя грифов, и он был полон диких зверей, не встречавшихся ни в одной другой части земли»¹.

Кортес поверил в существование сказочной Калифорнии и долго не оставлял попыток ее разыскать. В 1532 году он снарядил на ее поиски два корабля под командованием Диего Уртадо де Мендосы. Испанцы установили крест, подняли кастильский флаг на длинном полуострове, ныне носящем название Нижняя Калифорния, и вернулись в Испанию с известием о том, что открыли «остров, изобилующий самым прекрасным жемчугом». В 1535 году сам Кортес зашел в небольшой залив, названный им Санта-Крус. То была обширная, безлюдная, выжженная солнцем песчаная местность. Он провел там целый год, но не нашел ни золота, ни драгоценных камней. По его приказанию в 1539 году в очередную экспедицию отправился мореплаватель Франциско де Ульоа, обследовавший оба побережья

«моря Кортеса». Он обнаружил, что «остров Кортеса» в действительности был полуостровом, но тем не менее на карте 1632 года Калифорния по-прежнему значилась как остров.

Верховный главнокомандующий Новой Испании покинул Мехико, но изыскания продолжались. Вицекороль Антонио де Мендоса, подстегиваемый мифом о городах, стены которых сцементированы золотом и инкрустированы изумрудами, в 1542 году организовал еще одну экспедицию, на этот раз под началом португальского моряка на испанской службе Хуана Родригеса Кабрильо. Кабрильо обогнул западное побережье и 28 сентября бросил якорь в великолепном заливе, названном им Сан-Мигель (ныне Сан-Диего).

Испанцы продолжили исследования в северном направлении, открыли залив Санта-Монику, а также все три больших острова, расположенных недалеко от Санта-Барбары и Кабо де Лос Рейес (Пойнт Рейес), и, не заметив их, прошли мимо Золотых ворот (так назовут вход в Сан-Францисскую бухту. – *Ред.*). В районе нынешнего Орегона они повернули обратно в Мексику, чтобы отчитаться об экспедиции.

Отчет этот был разочаровывающим: к северу от Мексики не было «никакой богатой страны, и никакого судоходного пути... между Атлантическим и Тихим океанами». Мадридский двор потерял интерес к Калифорнии, где жили каких-то 133 тысячи² голых благодушных индейцев.

В этот период испанцы были озабочены дерзкими действиями британца сэра Фрэнсиса Дрейка, легендарного и отважного пирата, который первым побывал на северном побережье Калифорнии. Он отправился из Англии 13 ноября 1577 года в кругосветное плавание, намереваясь пройти через Магелланов пролив. Дрейк поднялся вдоль американского тихоокеанского побережья до 48-й параллели, откуда был вынужден повернуть обратно «из-за сильного холода», спустился до 38 градусов 30 минут и 17 июня 1579 года бросил якорь в глубоком заливе, окруженном высокими белыми скалами. Эту неизведанную землю Дрейк назвал Новый Альбион, «в честь Ее Светлейшего Величества Королевы Англии», – читаем мы в одном из текстов того времени³.

Холод был не единственной причиной возвращения: суровый климат – ветер, «густые и неприятные» туманы – и неласковая природа неизвестной земли, белые обрывистые скалы напоминали ему Англию, пишет капеллан экспедиции. Дрейк провел шесть недель в порту Новый Альбион, ремонтируя свой корабль. Ему удалось наладить такие теплые отношения с индейцами, что те «плакали, когда он отплывал, буквально раздирая до крови свои тела и принося человеческие жертвы»⁴.

Как и Кабрильо, Дрейк проплыл мимо Золотых ворот.

Для изыскания «портов, где могли бы укрываться галионы», испанцами были организованы специальные экспедиции. В 1602 году Себастьян Вискаино поднялся до мыса Мендосино. Он целый год исследовал побережье и дал новые названия местам, открытым во время предыдущих разведывательных экспедиций: Сан-Диего, Санта-Каталина, Санта-Барбара, Пунта де ла Консепсьон, Пунта де Лос Рейес и Монтерейский залив, который был назван в честь вице-короля Гаспара де Цуниги Асеведо, графа Монтерейского. Но и на этот раз Золотые ворота – вход в восхитительную Сан-Францисскую бухту, остался незамеченным мореплавателями.

Завоевание души

Первыми колонизаторами этих мест были иезуиты. Они обосновались в Нижней Калифорнии на свои собственные средства, чтобы нести слово Божие коренным жителям, и в 1701 году отец Кино переправился через Колорадо в районе Юмы, где и основал миссию и стал проповедовать Евангелие среди индейцев Примериа Альгты. Кино, который был в большей степени исследователем, нежели священником, также установил, наконец, что Калифорния не остров.

Для испанцев она в любом случае была лишь местом для промежуточного захода галионов, возвращавшихся с Филиппинского архипелага. Они были больше озабочены присутствием на Аляске датского исследователя на русской службе Витуса Беринга. А что, если

русские продолжают освоение Северо-Американского континента, спустившись на юг?

Испанцы чувствовали опасность также и со стороны англичан. Семилетняя война в Северной Америке закончилась британской победой. Французам пришлось уйти из Канады и оставить весь западный берег Миссисипи. В Орегоне уже обосновывались североамериканские охотники, пробиравшиеся туда через леса и горы. И если испанцы собирались сохранить за собой Калифорнию, им нужно было колонизировать ее без промедления. Эта задача выпала на долю Хосе Гальвесы, чрезвычайного посланника императора Карла III, прибывшего в 1766 году в Мексику в качестве Visitador General. Он реорганизовал администрацию Новой Испании, навел порядок в финансах, разделил Калифорнию на Нижнюю и Верхнюю и принял меры для «проведения морской экспедиции с целью заселения заливов Сан-Диего и Монтерея».

Так началась настоящая история Калифорнии.

Для того чтобы добраться до Монтерея, энергичный Гальвес организовал не одну, а целых две экспедиции – морскую и сухопутную. В начале января 1769 года из портов Ла Пас, Сан-Лукас и Лорето вышли три корабля, до отказа нагруженные предметами домашнего обихода, семенами, сельскохозяйственными орудиями, церковной утварью и священническим облачением, так как францисканцы, направлявшиеся в Верхнюю Калифорнию на смену иезуитам, которых Карл III решил изгнать в 1767 году, должны были основать там три свои миссии. Путешествие, увы, закончилось трагедией. Корабль «Сан-Хосе» затонул со всем грузом, а среди моряков «Сан-Карло» и «Сан-Антонио» разразилась жестокая эпидемия цинги, «и от всей экспедиции, состоявшей из 90 человек, – сообщает хроникер, – осталось в живых всего восемь солдат и столько же матросов...»⁵.

Сухопутная экспедиция оказалась более удачной. В целях безопасности ее разделили на две колонны: одна была вверена капитану Фернандо де Ривере, другая – губернатору Нижней Калифорнии дону Гаспару де Портоле, офицеру столь же храброму, сколь и красивому, как говорили о нем современники. Кроме испанских солдат и офицеров в каждой колонне были

индейцы, монахи, а также стадо скота. Портолу сопровождал отец Хунеперо Серра, председатель францисканских миссий в Калифорнии.

Ривера без приключений добрался до Сан-Диего 15 мая, а Портола и отец Серра, путь которых оказался не столь гладок, прибыли туда лишь 1 июля. 14-го Портола во главе группы продолжил путь на север, оставив большую часть экспедиции в Сан-Диего, где была организована первая францисканская миссия. Он вышел к заливу Монтерей 2 октября, но не разгадал в открывшейся его взору береговой линии «хороший порт», открытием которого хвастался Вискаино, и направился дальше. Он стремился дойти до Пунта де Лос Рейес и по пути открыл громадный залив, настоящее внутреннее море, соединявшееся с океаном лишь узким проходом. Это был залив Сан-Франциско.

Портола вернулся в Сан-Диего и через два месяца отправился в Монтерей, которым официально завладел 3 июня 1770 года. Под громадным дубом отец Серра отслужил здесь молебен.

Прошло несколько лет. Из Мексики в Монтерей отправилась новая экспедиция. Ее возглавлял смелый путешественник Хуан Батиста де Анса. Вначале он открыл дорогу через гористую местность, съерру, а потом провел 240 первых колонистов. Из Монтерея он дошел до «порта Нашего Неземного Отца Святого Франциска»⁶ и у выхода, на высокой скале, выбрал место для строительства *presidio*^{*}, а внутри залива присмотрел уютную бухточку, которой было дано название Йерба Буэна.

Вдоль залива располагались поселения индейцев.

Хроникер калифорнийских экспедиций брат Франциско Палоу рассказывал, что у местных индейцев была светлая кожа, они носили бороды, выщипывали себе брови и ходили «совершенно голыми, как и остальные язычники, но некоторые для защиты от холода надевали небольшую накидку из кожи или из травы, доходившую до талии и оставлявшую открытым то, что особенно следовало бы прикрыть»⁷.

^{*} Presidio (исп.) – военная крепость, форт.

В период с 1769 по 1823 год были основаны 23 миссии от Сан-Диего до Сономы, на расстоянии одного дня пути одна от другой. Вокруг некоторых из них образовались *pueblos** – скромные деревни, заселенные бывшими солдатами и их индейскими женами, и *presidios*, где размещались небольшие гарнизоны. У каждой миссии были свои поля, огороды, пастбища, на которых трудились новообращенные христиане-индейцы, жившие в *ранчериях* – небольших поселениях. Францисканцы не только преподавали им основы веры, но и учили возделывать землю, содержать скот, изготавливать мыло, делать из винограда вино, а из зерна хлеб.

Многие офицеры, соблазненные красотой этой страны и мягким климатом, принимали решение остаться здесь по завершении армейской службы. Они получали от правительства землю в аренду, привозили свои семьи и проводили счастливые дни в комфортабельных *гасиендах*, живя беспечной и веселой жизнью, тогда как аборигены пасли громадные стада, составлявшие их богатство. В самом Монтерее, столице этого края, жили в основном военные да некоторые чиновники.

Французский мореплаватель Ж.-Ф. де Лаперуз высадился в Монтерее в 1786 году. Он пишет: «В Новой Калифорнии нет ни одного местного жителя. Всего несколько солдат, женатых на индейских женщинах, живущих на территории фортов, да конные полицейские, разбросанные группами по различным миссиям, до сих пор единственные представители испанской нации в этой части Америки»⁸.

Его мнение о жизни аборигенов в миссиях крайне сурово: индейское население Сан-Карлоса, говорит он, живет в условиях самого отвратительного рабства. К сожалению, апостолическое рвение, которое выказывали францисканские монахи, слишком часто сопровождалось жестокостями. Они не столько убеждали, сколько навязывали свою веру. Лишь немногие восставали против этого, но множество спасалось бегством. Индейцы оказывались не только лишенными своей самобытности и свободы, но и зараженными болезнями белых. Сифилис уносил буквально каждого десятого из населения миссий⁹.

* *Pueblos* (исп.) – поселения.

В противоположность своим собратьям – жителям больших равнин – калифорнийские индейцы отнюдь не были воинственными. Отец Мигель Венегас описывал их как народ «мягкий и добрый», совершенно лишенный каких-либо амбиций. «Их самое большое желание, – пишет он, – найти себе пищу на сегодня, без того чтобы слишком устать, и не думать о пище завтрашней». Они «ненавидят работу, и жизнь их проходит в постоянном безделье»¹⁰. При францисканцах их жизнь стала проходить в молитвах и трудах. Хотя французский путешественник г-н Сент-Эман писал о том, что францисканцы «жили в изобилии за счет труда аборигенов, суля им блага милосердия и христианских откровений»¹¹; документы, оставленные мексиканцами, обличают францисканцев: индейцы этих миссий были рабами, их били кнутом за малейшую провинность и ошибку.

Ветер революции

Однако американская революция снова растревожила Испанию. Суверенитет Соединенных Штатов в начале XIX века был признан во всем мире, и можно было не сомневаться, что американцы вскоре начнут теснить испанцев. В 1789 году первый американский корабль появился близ калифорнийского побережья. Английские и французские корабли вошли в его порты. С начала XIX века бостонские охотники на тюленей, морских котиков и китобои регулярно посещали калифорнийское побережье. Между пришлыми и местными шла бойкая торговля шкурами и салом, несмотря на формальный запрет мадридского правительства. Возвращаясь домой, бостонские промысловики взахлеб рассказывали о богатой Калифорнии, и немало смельчаков отправлялось в благодатный край. Когда в 1823 году был открыт горный перевал в Сьерра-Неваде, началась американская миграция. В числе первых переселенцев были трапперы*, в том числе знаменитый Джидидайя Стронг Смит, агент Пушной Компании скалистых гор. За ними последовали канад-

* Траппер (*англ.* trapper) – охотник на пушного зверя в Северной Америке, пользующийся чаще всего западнями.

ские французы из Компании Гудзонова залива. Пушной зверь был здесь в изобилии; индейцы дружелюбны. Некоторые трапперы решили остаться. На севере Калифорнии обосновались русские, занявшиеся охотой на котиков. Вскоре на холме, господствующем над Йерба Буэной, уже процветала небольшая колония. Испанцы выступили с протестом, оставшимся без последствий.

Звезда Испании как великой морской державы к этому времени уже закатилась. Ветер революции, пронесшийся по странам Латинской Америки в начале века, обрушил эту империю. В 1821 году от Испании окончательно отделилась Мексика, а в 1825-м калифорнийцы согласились с присоединением их провинции к Мексиканской республике. Но в Калифорнии господствовала полная анархия. За время недолгой автономии калифорнийцы успели вдохнуть воздух свободы. Они открыли свои порты для иностранной торговли, повысили налоги на импорт и экспорт, создали вооруженные силы. Приказы Мехико принимались калифорнийцами далеко не безоговорочно.

Во всех миссиях, а особенно в северных, росло недовольство аборигенов. В феврале 1824 года взбунтовались новообращенные христиане Пуриссима Консепсьон, Санта-Инеса и Санта-Барбары, уставшие от жестокостей испанцев. В 1829 году потребовалось не менее сотни солдат, вооруженных мушкетами и пушками, чтобы разбить силы индейского вождя Эстанислао, бежавшего из миссии Сан-Хосе и собравшего вокруг себя как новообращенных, так и «независимых дикарей».

Одним из последствий провозглашения новой Мексиканской республики стало закрытие калифорнийских миссий. Мексиканская конституция 1824 года предоставила гражданство обращенным в христианство индейцам. Под давлением либеральных и антиклерикальных элементов правительство Мехико, хотя и с некоторым опозданием, приняло решение об изъятии у многочисленных «святых отцов» их земли. Половина наделов должна была быть отдана индейцам, а другая — уступлена местным землевладельцам или новым колонистам. Но предоставленные самим себе индейцы бы-

стро вернулись к прежней жизни. Если в 1830 году число новообращенных достигало 24 634 человек, то в 1840-м их оставалось не более 6 тысяч. К 1846 году были полностью ликвидированы все миссии.

Испанская Калифорния закрыла свои порты и границы для иностранцев, а Мексиканская Калифорния их открыла. Для ускорения заселения и освоения природных богатств края мексиканское правительство даже приняло решение о предоставлении иностранцам права собственности на недвижимость. В период с 1830 по 1840 год в Калифорнию иммигрировали американцы и европейцы, в особенности из Англии, и в их руках сосредоточилась торговля.

В 1835 году некий англичанин, У. М. Ричардсон, уже несколько лет живший в Саусалито, разбил свою палатку в небольшом порту Йерба Буэна и занялся торговлей шкурами и салом. Через некоторое время там же обосновался юный американец Джейкоб Б. Лиз. Он построил в Йерба Буэне первый деревянный дом из досок, привезенных из Монтерея. В 1844 году будущий Сан-Франциско насчитывал уже 20 домов и 50 жителей, большей частью англосаксов.

Некоторые иностранцы породнились с богатыми калифорнийскими семьями и переняли их нравы и обычаи. Другие лишь принимали мексиканское гражданство. В их числе было несколько примечательных персонажей, чьи имена вошли в историю Калифорнии. Таким был Джон Саттер из Бадена, прибывший в Калифорнию после долгих мытарств по Орегону и по Сандвичевым островам. Он убедил губернатора Альваро предоставить ему возможность построить форт и основать сельскохозяйственное предприятие в районе устья Американской реки. Поместье свое он назвал Новой Швейцарией, но более известно оно стало как Форт Саттера. Это было логово заговорщиков.

Под стать Саттеру был и Исаак Грэхем, колонист из Теннесси, построивший винокуренный завод под Сан-Хуаном, в долине Паджэро. Неоценимую услугу оказал он калифорнийцам во время революции 1836 года, благодаря ему Хуан Батиста Альваро одержал победу.

Калифорнийцы уже не хотели терпеть опеку со стороны Мехико. Обстановка накалялась. Как только губернаторы начинали демонстрировать свою власть,

их отправляли обратно в Мексику. Именно в этот период двадцатисемилетний, наделенный живым умом Альварадо, уже десять лет занимавшийся делами провинции, решил захватить власть. 4 ноября 1836 года он возглавил небольшой отряд из 75 калифорнийцев, к которому присоединилась группа индейцев и американцев бандитского толка во главе с Грэхемом, и выступил на штурм губернаторской резиденции в Монтерее. Мятежники располагали всего одним ядром, подходящим к калибру их пушек. К счастью восставших, ядро попало в цель, и губернатор Гутьерес тут же сдался. Его посадили на корабль и отправили в Мехико, а Альварадо 7 ноября провозгласил независимость Верхней Калифорнии.

Но до перемирия было далеко. Калифорнийцы юга вскоре взбунтовались против нового губернатора. В Сан-Диего и в Лос-Анджелесе прошли бурные выступления против восстановления мексиканской власти. И хотя Хуан Батиста Альварадо счел за благо повиноваться Мехико, калифорнийцы на севере и на юге готовились выйти на тропу войны. Сражение произошло в Сан-Буенавентуре. Хотя обстрел вели издалека, все же был убит один человек из армии севера. Южане отошли. Северяне преследовали их, и при Сан-Хуане Капистрано обе «армии» схватились снова. Было сделано еще несколько выстрелов из пушки, но на этот раз обошлось без жертв.

Альварадо управлял Калифорнией до 1842 года. Интриги и заговоры между южанами и северянами не прекращались. Его преемник – генерал Мануэль Микельторено, назначенный правителями Мехико, был свергнут в 1844 году в результате государственного переворота, совершенного Пио Пико, калифорнийцем с юга, сразу же объявившим себя губернатором и провозгласившим столицей Калифорнии Лос-Анджелес. Тем не менее таможенная канцелярия, являвшаяся важным источником доходов, оставалась в Монтерее. В начале 1846 года стало ясно, что дело идет к новому мятежу.

Иностранцы с нескрываемым интересом следили за развитием местных событий и побуждали свои правительства воспользоваться случаем подмять Калифорнию под себя. Французский обозреватель Дюфло

де Мотра в 1844 году писал в Париж, что, по его мнению, Джон Саттер поддержал бы французов, если бы они захотели завладеть Калифорнией, заключая свое послание следующими словами: «Калифорния будет принадлежать той нации, которая пошлет сюда военный корабль и 200 солдат»¹². По мнению британского посланника в Мехико, Великобритании следовало бы «принять» Калифорнию за 50 миллионов долларов задолженности английским держателям обесцененных мексиканских облигаций. Что касается американцев, то они уже давно бросали вожаемые взгляды на прекрасную мексиканскую провинцию, ожидая лишь удобного случая для ее захвата.

Тридцать первая звезда

Президент Эндрю Джексон неоднократно пытался склонить мексиканцев к уступке Сан-Франциско и параллельно с дипломатическим взаимодействием с Мексикой склонял молодую Техасскую республику к расширению ее границ до Тихого океана. При правлении президента Тайлера переговоры возобновились, но горячность командующего американской тихоокеанской эскадрой резко их оборвала. Плохо информированный коммодор Томас Джонс решил, что между Мексикой и США началась война. Встретившись на траверзе Перу с британским флотом, он посчитал, что англичане держат курс на Калифорнию, и, желая выиграть время, устремился к Монтерею. 19 октября 1842 года он, не встретив сопротивления, овладел этим городом. Несмотря на то, что опомнившийся Джонс принес Мексике свои извинения и оставил город, у мексиканцев зародилось беспокойство.

Теперь многие пути вели к Тихому океану. Уже несколько лет дерзкие смельчаки регулярно пробирались через равнины и горы в Орегон, простиравшийся тогда, напомним, до Аляски. В 1843 году орегонские американцы приняли следующий документ: «Мы, народ... ради нашей безопасности и поддержания мира, принимаем следующие законы до того времени, когда Соединенные Штаты Америки распространят на нас свою юрисдикцию...»

Соединенным Штатам только того и было нужно. Новый президент Джеймс Полк был ярким экспансионистом. Он хотел не только аннексировать Орегон и Техас, но купить у Мексики Калифорнию и Новую Мексику.

С Великобританией, которая не без оснований считала, что имеет права на Орегон, после долгих споров был заключен договор и определена новая граница, проходившая по 49-й параллели. Нерешенным оставался вопрос о мексиканских провинциях. Еще до вступления в должность президента Полка Техас, независимый со 2 марта 1836 года, был допущен в Союз как рабовладельческий штат, несмотря на то, что правительство в Мехико заявило, что считает аннексию Техаса фактическим объявлением войны. Но война президента не пугала, так как он видел в ней способ приобретения Новой Мексики и в особенности желанной Калифорнии.

В ожидании развязки стороны довольствовались дипломатическими маневрами. Американский консул в Монтерее Томас Ларкин получил из Государственного департамента инструкции по «пробуждению» у калифорнийцев «любви к свободе и независимости, такой естественной для американского континента...». В том же году путешественнику Джону Фримонту была поручена новая миссия в Калифорнии. Он прибыл туда во главе экспедиционного корпуса, руководимого знаменитым Китом Керсоном. Роль, которую он играл в последовавших событиях, не ясна. Однако можно утверждать, что именно по его подсказке банда американцев 14 июня 1846 года захватила небольшой городок Соному, взяла в плен генерала Мариано Вальехо, провозгласила «Калифорнийскую Республику» и подняла флаг, на котором были изображены медведь и звезда. Отсюда, собственно, и появилось название «Бунт медвежьего флага», закрепившееся за этим восстанием. Фримонт поспешил на помощь бунтовщикам.

Время переговоров и сделок прошло. 13 мая в результате незначительного пограничного инцидента Соединенные Штаты объявили войну Мексике. Американцы одерживали одну победу за другой и 13 сентября 1847 года они заняли «дворец Монтецумы». Согласно Гваделупо-Идальгскому договору от 2 февраля 1848

года Мексика отказывалась от всяких претензий на Техас, признавала в качестве границы реку Рио-Гранде и уступала Соединенным Штатам за 15 миллионов долларов Калифорнию и всю территорию, расположенную между этой провинцией и Техасом.

В Калифорнии этот передел был осуществлен без лишнего шума. Как только стало известно о войне американским военно-морским силам на Тихом океане, были захвачены все калифорнийские порты. И в декабре 1846 года генерал Кирни после легкого захвата Новой Мексики продвинулся на юг Калифорнии, где встретил небольшую армию калифорнийцев, храбро вступившую в сражение. Вскоре калифорнийцы почетно капитулировали и вернулись к своим повседневным занятиям.

После некоторого периода неразберихи, в течение которого Калифорния управлялась по испанским и американским законам и по законам военного времени, была принята Конституция, определены границы (после продолжительных словопрений законодатели согласились на «маленькую» Калифорнию) и создано временное правительство. Затем Калифорния потребовала вступления в Союз в качестве свободного штата. Эта просьба вызвала жаркие препирательства в конгрессе. Южные штаты опасались принятия нового не рабовладельческого штата, чей голос ослабил бы их влияние. Споры бушевали целый год. Наконец дело закончилось компромиссом: Калифорния будет допущена в Союз как свободный штат, в остальных же уступленных Мексикой землях, которые были разделены на две территории – Новую Мексику и Юту, принятие решения о рабовладельчестве предоставлялось колонистам. 9 сентября 1850 года Калифорния принимается в Союз.

На американском флаге была вышита золотом тридцать первая звезда. А за неделю до подписания Гваделупо-Идальгского договора в долине реки Сакраменто обнаруживается месторождение золота. В момент, когда мексиканцы теряли свои северные провинции, одной из них, Калифорнии, выпала судьба стать новым Эльдorado, о котором когда-то мечтали конкистадоры.

НОВОЕ ЭЛЬДОРАДО

Ее назвали Золотым штатом, но не из-за ее золотых рудников, а за преобладающий цвет: желтый. Задолго до обнаружения самородков в долине Сакраменто вход в Сан-Францисский залив называли Золотыми воротами.

Калифорния простиралась тогда от Тихого океана до Новой Мексики. С юга она граничила с Нижней Калифорнией и с провинцией Сонорой, а с севера – с Орегонем. Весной 1846 года на этой громадной территории¹ кроме индейцев жили всего каких-нибудь 10 тысяч человек, в том числе 2 тысячи иностранцев, главным образом американцев. На юге преобладали калифорнийские дворяне – идальго, на севере – североамериканцы. Испанская Калифорния была разделена на четыре округа: Сан-Франциско, Монтерей, Санта-Барбара и Сан-Диего. 28 февраля 1850 года американцы разделили ее на 27 графств.

В 1848 году, еще до начала «золотой лихорадки», здесь насчитывалось до 14 тысяч белых жителей, из которых 6500 были иностранцами². Численность янки быстро увеличивалась: страну оккупировали 2 тысячи солдат – регулярной армии и добровольцев. Здесь же обосновались 200 эмигрантов-мормонов, авангард мормонского батальона Соединенных Штатов, с опозданием прибывший сюда для участия в за-

воевании. Из 350 человек этого батальона многие здесь и остались.

Калифорния – страна больших расстояний и очень контрастного рельефа. На востоке высится горная цепь Каскадов и Сьерра-Невада, на западе – длинный скалистый барьер Костал Рэндж, отделяющий центральную Большую Долину от тихоокеанского побережья. На севере, как и на юге, Сьерра и Костал Рэндж соединяются, отрезая Большую Долину от внешнего мира. 41 вершина Сьерра-Невады достигают высоты 3 тысячи метров. Самая высокая гора Уитни – 4418 метров. Мертвая Долина, самая низкая точка континента, – 85 метров ниже уровня моря – тянется почти до подножия горы Уитни. На востоке к небу вознеслись вершины Сьерра-Невады, похожие на громадные сахарные головы из гранита. Местами горы уступают пространство обширным холмистым и пустынным плато. Это Большой Бассейн, доходящий на юге до Мохавской пустыни. Эта негостеприимная земля считалась непригодной для освоения. Именно поэтому, говоря о Верхней Калифорнии, подразумевали главным образом длинную полосу земли шириной около 250 километров между Тихим океаном и Сьерра-Невадой.

Ни в одном американском штате не найдешь такой разноликостью природы и разнообразия климатических условий: высокие вершины, покрытые шапками вечных снегов, богатые степи, усыпанные дикими цветами; чарующие озера, в водах которых отражаются ели, сосны, кедры и секвойи; узкие ущелья, прорезающие скалы, заросшие лесами каньоны; округлые холмы, леса самых крупных и самых старых на свете деревьев; огнедышащие пустыни, усеянные кактусами; отвесные склоны, падающие в бурные ледяные воды Тихого океана; пляжи золотого песка; тихие реки с прозрачными водами и бурные потоки, в которых целых 130 лет поблескивали огнем золотые чешуйки и самородки.

Путешественнику, прибывшему сюда через Сьерру или же через обширные южные пустыни, Калифорния казалась неприступной, неприкосновенной и неподдающейся освоению. Ее нужно было завоевать и стать достойным ее.

Внутренняя Калифорнийская долина в начале 1848 года все еще была заселена почти исключительно краснокожими. Простирающаяся на 600 километров в длину при ширине около 80 километров, она включала в себя долины реки Сакраменто на севере и Сан-Хоакина на юге. Сан-Хоакин, в который впадают Фресно, Мерсед, Туолумн, Станислаус, Калаверас, Мокелумн и Сонкумнес, течет с юга на север и впадает в Сан-Францисский залив у пролива Каркинес. Воды его прозрачны, читаем мы в тексте, предназначенном для золотоискателей, «изобилуют лососем и другой рыбой», а по обширной равнине, омываемой этой рекой, «бродят табуны диких лошадей, мулов, лосей, оленей, медведей-гризли и других животных»³. Долина эта была «охотничьим угодем калифорнийцев», добывающих здесь «благородных лосей» и оленей. «Эти люди приезжают сюда большими группами, с конным отрядом, и ловят животных с помощью лассо, как быков на побережье», – писали очевидцы⁴.

В оценке климата этой равнины они были единодушны: «Сырой сезон длится с ноября по март – пять месяцев в году. В этот период целыми днями, а то и неделями безостановочно льет дождь и низины превращаются в “ожерелье озер”». А в апреле начинается сорокаградусная сушь, затопленные луга пересыхают, превращая «озера, образовавшиеся в сезон дождей, в гнилые болота, источающие зловоние, и огромная долина становится полем смерти». Автор этого описания, впрочем, добавляет, что «нигде в мире нет такого целебного климата, как на калифорнийском побережье... Атмосфера здесь так чиста, что от туш животных, оставленных на земле в разгар солнечного лета, не исходит никакого скверного запаха»⁵.

Долина Сакраменто казалась тогда наиболее подходящей для обитания. Могучая река Сакраменто, которая шире Сан-Хоакина, также впадает в Сан-Францисский залив. Эту реку питают снега с горы Часты, в нее впадают воды рек Пита, Макклуда, Фезера, Индианы, Юбы и Американской. Живописные берега реки от самого устья до слияния с Американской рекой восхищали путешественников. «Трудно найти слова для

описания красоты и всех достоинств этой части долины Сакраменто»⁶, – пишет современник. Вдоль реки тянулись роскошные дубравы, увитые диким виноградом, перемежаемые смоковницами и другими фруктовыми деревьями; за этой стеной деревьев по обе стороны реки виднелись макушки высоких рощ, словно островки среди лугов, зеленеющие в зимнюю пору и вызолоченные солнцем летом.

Едва отступив от реки, местность становится холмистой.

«Низины постепенно поднимаются среди речушек и лесов, словно готовясь к штурму вершины, и теряются в кущах сосен и дубов, чьи гигантские стволы добиваются по горным склонам до района вечных льдов»⁷.

В декабре 1847 года Джон Саттер представил доклад о составе местного населения. Оно состояло из 289 белых, 16 чернокожих и гавайцев смешанных кровей, 479 «цивилизованных» индейцев и большого числа «язычников», которых насчитывалось 21 873 человека...⁸. В долине Сономы, к северу от Сан-Францисского залива, проживало около 260 человек. В Долине Напа было несколько изолированных ранчо.

Город падших ангелов

Величественный в своей суровой красоте вид на дикий северный берег и высокие прибрежные скалы открывался взору каждого путешественника, ищущего счастья в краю, где большую часть года дует холодный пронизывающий ветер, а по утрам все окрестности утопают в густо-молочном тумане.

Всякий, кто прибывал морем из Орегона осенью 1847 года, описывает Пунта де Лос Рейес как «величественный высокий остроконечный мыс». Здесь он в восхищении обнаруживает знаменитые мамонтовые деревья – гигантские секвойи, «диаметр ствола которых достигает порой от 4,5 до 6 метров». Когда перед глазами путешественника Дж. Кинна Торнтонна раскинулся Сан-Франциско, дул сильный бриз, и воспользовавшись приливом, корабль быстро подошел к «прекрасному и романтичному входу в залив. Справа от этого входа на высокой скале притулился старый ис-

панский форт. Проходя мимо его батарей, можно видеть пресидио Сан-Франциско де Ассизи примерно на милю внутрь». В то время здесь размещались две роты 7-го нью-йоркского волонтерского полка. Торнтон «не без волнения увидел звездный флаг, развевавшийся над бараками под черепичной крышей»⁹. К югу от залива он заметил «небольшую бухту Саусалито – это название переводится как маленькая верба, – представляющую собою превосходную гавань для кораблей. Именно поэтому она и стала излюбленным местом встреч китобойных и других судов»¹⁰. Южнее залива, приблизительно в 6 километрах от Золотых ворот, на берегу другой бухты располагалась деревня Йерба Буэна, получившая 30 января 1847 года по приказу алькальда* имя Сан-Франциско¹¹.

Дж. Кинн Торнтон предоставляет нам точные сведения о составе населения Сан-Франциско. Согласно переписи, проведенной в конце июня 1847 года, там проживало всего 459 человек, в том числе 375 белых (247 мужчин и 128 женщин), 34 индейца, 40 канаков или гавайцев и 10 чернокожих. Больше четырех пятых населения составляли люди моложе 40 лет. 5 белых жителей родились в Канаде, 38 – в Калифорнии, 2 – в других мексиканских провинциях, 2 – в Чили, 1 – в Дании, 22 – в Англии, 3 – во Франции, 27 – в Германии, 14 – в Ирландии, 1 – на Мальте, 1 – в Новой Голландии, 1 – в Новой Зеландии, 1 – в Перу, 1 – в Польше, 1 – в России, 1 – на Сандвичевых островах, 14 – в Шотландии, 1 – в Швеции, 6 – в Швейцарии, 228 – в Соединенных Штатах, 1 – в западной Индии, 4 – в море. Среди них было 3 врача, 1 пастор, 3 адвоката, 7 булочников, 7 мясников, 26 плотников, 1 садовник, 22 моряка, 6 печатников, 4 каменщика, 4 портных, 2 оружейника, 3 трактирщика, 13 канцелярских служащих, 2 столяра, 1 часовщик. 237 человек умели читать и писать, 13 – только читать, 89 были неграмотными¹².

15 марта 1848 года население города составляло 850 человек¹³, и все новости они узнавали из двух местных газет: «Калифорниэн» и «Стар».

* Алькальд (*исп.* alcalde от *араб.* аль-кади – судья) – городской голова, городской судья.

С 1847 года Сан-Франциско, благодаря активности жителей-англосаксов и исключительно удобному географическому положению близ богатых внутренних долин по рекам Сакраменто и Сан-Хоакину, становится главным городом Калифорнии. Как справедливо заметил наш путешественник, «Монтерей никогда не сможет превзойти Сан-Франциско».

Монтерей, Сан-Хосе, Санта-Барбара, Лос-Анджелес, Сан-Диего были маленькими сонными городками. Монтерей карабкался вверх по склону лесистого холма южнее великолепного залива. Здесь не бывало ни туманов, ни холодного ветра, ни частых дождей. Пейзаж радовал глаз. Его климат был настолько целебным, что часто говорили: «*El que quiere morir que del pueblo se vaya*»,¹⁴ что в переводе означало: «Чтобы умереть, нужно покинуть эти места».

В 1850 году в городе было всего две улицы, а несколько усадеб составляли пригород. Первый капитолий, именуемый Колтон Холл, в честь преподобного Уолтера Колтона, бывшего морского священника, избранного алькальдом Монтерея в 1846 году, представлял собою длинное одноэтажное строение с небольшим балконом, который поддерживали две простые колонны.

Вооруженные силы города были размещены так же, как и в Санта-Барбаре, Сан-Франциско и Сан-Диего – в саманной постройке со сторонами по 200 метров, окруженной рвом и защищенной земляным валом высотой 5 метров, с бастионами по углам, в стенах которых были прорезаны амбразуры. Внутри находился барак для солдат, довольно ухоженные жилые дома для офицеров, арсенал и склад. Перед американским завоеванием, по словам одного французского золотоискателя, гарнизон состоял из «генерала в сплошь расшитом мундире и тридцати пяти солдат, ленивых, как ящерицы»¹⁵. Население Монтерея в 1846 году составляло 500 душ. Жизнь там проходила весело и мирно. Ни в одном другом месте, кроме разве что Лос-Анджелеса, не было такого приятного и утонченного общества.

Сан-Хосе раскинулся в плодородной долине среди холмов. Его 700 жителей, большей частью мексиканского происхождения, надеялись потеснить Монтерей. Благодаря географическому положению города

могли быть налажены связи между населенным калифорнийскими дворянами югом и американским севером. И Сан-Хосе действительно стал столицей нового штата. С декабря 1849-го по май 1851 года там дважды собирался законодательный корпус. Дома здесь были буквально разбросаны в полном беспорядке вокруг двух тенистых площадей, где любила проводить время мужская часть населения.

Сан-Диего – деревня, расположенная на берегу бухты, еще в 1848 году состояла всего из нескольких домов, окруженных садами. В невзрачном городишке Санта-Барбаре были премилая центральная площадь, старые саманные постройки и порт без пристани. Корабли не могли причалить к этому берегу, поэтому пассажиров и грузы приходилось переправлять туда на лодках. Лос-Анджелес, в котором насчитывалось 1500 жителей, уже был в тот период самым важным городом Калифорнии. Американский эмигрант Чарлз Эдвард Пенкост описывает его как «старый испанский город, явившийся из мечты... Я нигде не встречал более удобного и благоприятного климата...». Однако, несмотря на живительный климат, здешние жители были столь беспечны, что у Пенкоста сложилось впечатление, будто они «своею ленью приводят это место в плачевное состояние»¹⁶.

Более того, «к любой работе относились они самым пренебрежительным образом».

Другой эмигрант, сын знаменитого орнитолога Джон У. Одюбон, в свою очередь пишет, что Лос-Анджелес – «уцелевший город ангелов, хотя может быть и падших... Все выглядит устаревшим и впавшим в упадок»¹⁷. Вокруг центральной площади, этого сердца колониального поселения, высились церковь и дома знати, утопавшие в цветах и фруктовых деревьях. Сады изобиловали инжиром, гранатами, абрикосами, лимонами, миндалем, виноградом. Богатые и бедные жители жили согласно старым испано-калифорнийским традициям гостеприимства, безделья, веселья и беззаботности, а важные события в жизни города пышно отмечались музыкой, танцами, фиестами, родео и крестными ходами.

Когда-то испанская католическая цивилизация насаждалась в Калифорнии стараниями францисканских миссий, обосновавшихся на равных расстояниях

друг от друга по всему побережью, ныне они превратились в руины. Были и ранчо – громадные поместья до 100 тысяч акров земли, владельцы которых жили натуральным хозяйством подобно крупным землевладельцам средневековой Англии.

В начале 1848 года главной отраслью экономики здесь по-прежнему оставалось скотоводство. Согласно Торнтону, число голов рогатого скота в 1831 году оценивалось цифрой 500 тысяч, овец, коз и свиней 321 тысяча, лошадей, ослов и мулов 64 тысячи. После упразднения миссий численность рогатого скота сильно уменьшилась. Кроме того, францисканцы изготавливали превосходные вина. После их ухода качество вина в Калифорнии значительно снизилось. Действительно, из многочисленных документов становится ясно, что монахи были чуть ли не единственными товаропроизводителями в колониальной Калифорнии.

Сельское хозяйство было крайне примитивным. Здесь выращивали зерно, которое превращалось в муку на нескольких редких мельницах, производили также оливковое масло, воск и выращивали овощи.

Здесь торговля полностью находилась в руках иностранцев. На экспорт шли шкуры, сало, меха, незначительное количество лесоматериалов. В 1845–1846 годах из Калифорнии было вывезено 80 тысяч шкур крупного рогатого скота, 1 миллион 500 тысяч фунтов сала, 10 тысяч фанегас¹⁸ зерна, миллион фунтов древесины, тысяча бочонков вина и бренди, шкуры бобров и котиков, а также других животных, на сумму 20 тысяч долларов, мыла на 10 тысяч долларов, 200 унций золота¹⁹.

При правлении калифорнийцев край, согласно американским критериям, пришел в упадок. Однако в 1848 году все изменилось.

Золото! Золото! Золото!

Среди преуспевающих эмигрантов баденский предприниматель Джон Саттер занимал особое место. Его поместье, в котором он жил с 1840 года, было расположено в населенном индейцами уединенном месте на пути из Соединенных Штатов через Сьерра-

Неваду. Этот немец, прибывший в Калифорнию без гроша в кармане, в сопровождении горстки приспешников и любовницы, стал не просто богатым собственником, но настоящим царьком. Со своими подручными и соседями-индейцами, чье доверие ему удалось завоевать, он построил форт длиной 100 и шириной 50 футов. В центре укрепления он разместил свое жилище. Со всех сторон вдоль стен выстроились магазины, склады и бараки. По углам возвышались бастионы, а главные ворота с восточной и южной сторон были защищены тяжелыми артиллерийскими орудиями. В 1846 году этот форт насчитывал 50 «очень дисциплинированных» индейцев и 10 или 12 белых²⁰. Для полевых работ, в зависимости от времени года, Джон Саттер нанимал от 200 до 300 индейцев. Он держал скорняжное производство, винокуренный завод, ткацкую мастерскую, мельницу и чеканил деньги. В 1847 году у него было 12 тысяч голов скота, 2 тысячи лошадей и мулов, от 10 до 15 тысяч овец, тысяча свиней, а поля приносили обильный урожай зерновых.

Рассчитывая на приток эмигрантов, он задумал построить лесопильню. Подножие Сьерра-Невады изобиловало лесом, а вновь прибывающим были нужны дома! Саттер станет поставлять им доски. В 60 километрах от своего форта, на Американской реке он выбрал место для строительства лесопильни. В течение зимы 1847/48 года Саттер объединился с плотником Джеймсом У. Маршаллом, который взял на себя строительство и эксплуатацию лесопильни. Маршалл нанял четырех мормонов, в числе которых оказался юный Уильям Генри Биглер, взял с собой десяток индейцев и отправился к Американской реке, где и разбил лагерь. Для облегчения доставки бревен по воде он решил прорыть канал, по которому пойдет вода.

Под вечер 24 января 1848 года, работая в этом канале, Маршалл заметил какие-то сверкавшие точки. Он послал индейца за тарелкой, чтобы собрать в нее свои находки. Вечером он пришел к Биглеру и его товарищам и сказал, что открыл золотую жилу. Следующим утром главный пильщик Браун перекрыл главный клапан, чтобы Маршаллу было «лучше видно». Счастливчик один отправился к желобу. К завтраку, рассказыва-

ет Биглер, он пришел «с радостным лицом, держа в руках свою старую белую шляпу. “Эй, парни! Видит Бог, я кажется, напал на золотое дно”, – сказал Маршалл. Все сгрудились вокруг него, чтобы увидеть то, что было в его шляпе. Настоящее золото блестело на ее тулье»²¹.

Они решили, что это действительно золото, «хотя никто из нас до этого никогда не видел золота в его самородном виде». Джеймс У. Маршалл попросил товарищей держать язык за зубами и отправился в форт, чтобы посоветоваться со старым кэпом Джоном Саттером.

По словам Биглера, Саттер пригласил к себе индейцев – владельцев земли, и «Маршалл и Саттер арендовали у них на три года значительную часть близлежащей земли – что-то около 10–12 тысяч квадратных миль, оплатив аренду одеждой – рубашками, штанами, шляпами, платками, некоторым количеством муки и гороха, и пообещали аборигенам платить столько же каждый год, до истечения срока арендного договора»²². После этого они послали одного из своих людей, Чарлза Беннета, в Монтерей, чтобы попытаться получить от губернатора Мэйсона концессию на эту землю, «с целью открыть лесопилку, пасти скот и искать полезные ископаемые – серебро и свинец». О золоте не было произнесено ни слова. «Губернатор известил г-на Беннета о том, что дела между США и Мексикой все еще крайне запутаны и что он ничем не может помочь предпринимателям»²³.

В последующие дни рабочие лесопилки спокойно продолжали трудиться, но в воскресенье они ринулись на поиски золота в реке, и некоторые готовы были бросить работу на лесопилке, несмотря на хорошие деньги, которые там получали, чтобы заняться золотодобычей. 6 февраля они нашли около лесопилки несколько небольших самородков. На этот раз тайна получила огласку, а 15 марта о золоте уже писала газета «Калифорниэн».

В целом население отнеслось к этой новости скептически. Тем не менее кое-кто отправился в долину Сакраменто. Джон Бидуэлл, который в 1841 году провел в Калифорнию через Большие Равнины первый караван эмигрантов, занялся поисками золота в северных горах и в апреле открыл там золотую жилу.

«Золотая лихорадка» началась, когда в начале мая Сэм Бреннан, вождь мормонов, агент по продаже недвижимости, владелец газеты «Калифорния Стар» и доходного магазина в Форте Саттера, прошел по улицам Сан-Франциско, держа в одной руке бутылку с золотым песком, а другой размахивал шляпой с криком: «Золото! Золото! Золото! Из Американской реки!»²⁴

Золотоносные месторождения открывали в Калифорнии не впервые. В 1842 году один мексиканский фермер отправился на поиски заблудившейся скотины и нашел несколько крупиц золота на корнях дикого лука в каньоне, расположенном в полусотне километров от Лос-Анджелеса. Это открытие поначалу вызвало некоторое волнение, но россыпь быстро оскудела и калифорнийцы дальнейшую разработку прекратили.

На этот раз эффект оказался потрясающим. Из Сан-Франциско на поиски золота ушло все мужское население. 29 мая газета «Калифорниэн» объявила о своем закрытии:

«От нас ушли все – и читатели, и печатники. По всей стране, от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса, от морского побережья до подножия Сьерра-Невады звучит один и тот же душераздирающий вопль: “Золото! Золото! Золото!” тогда как поля остаются незасеянными, дома недостроенными, и проявляется полное безразличие ко всему, кроме изготовления лопат и кирок, да транспортных средств, на которых можно было бы отправиться на поиски золота»²⁵.

В тот же день новость дошла до Монтерея. Послушаем его алькальда, преподобного Уолтера Колтона: «Сообщение о том, что в устье Американской реки было найдено золото, лишило наш город спокойствия. Мужчины только об этом и говорили, женщины тоже, но ни те ни другие этому не верили. Прорицательницы загадочно вещали, что в последние несколько ночей Луна приблизилась к Земле на расстояние не больше одного кабельтова, что белый ворон играл с ребенком и что сова звонила в церковные колокола»²⁶.

Через две недели с Американской реки пришел оборванец с куском золота весом в целую унцию. «В тот же миг юноши протерли глаза, а старики – свои очки. Одни хотели самородок расплавить, другие рас-

плющить молотом, некоторые наслаждались тем, что, взяв в руку, прикидывали его вес»²⁷. Колтон отправил на прииски своего посланца. Начиная с мая уже 800 золотоискателей рыли землю в Коломе, Мормон-Исленде, Келси-Диггинсе и в других местах вокруг лесопилки Саттера. 1 июня число золотоискателей составляло уже 2 тысячи человек. И каждый день люди прибывали.

«Золотая лихорадка»

Когда посланец Колтона вернулся в Монтерей «с образцами золота», лихорадка охватила население и этого сонного городка. «Кузнец забросил свой молот, плотник – рубанок, каменщик – мастерок, фермер – серп, булочник – квашню, а кабатчик – бутылку. Решительно все отправились на рудники: одни верхом на лошади, другие в двуколках, инвалиды на костылях, а то и на носилках... В моей общине остались одни лишь женщины да несколько арестантов, которых сторожил солдат, ожидавший удобного случая, чтобы сбежать от своего начальника»²⁸.

12 августа Колтон писал о том, что его служащий Боб, «по происхождению ирландец», отправившийся на рудники два месяца назад, вернулся с круглой суммой в 2 тысячи долларов. Находясь на службе у алькальда, Боб потребовал, чтобы каждую субботу ему платили жалованье золотом. Ранее, отложив 12 центов на недельную порцию табака, он прятал остальное в небольшой кожаный мешок. Теперь же экономный Боб обосновался в шикарном номере гостиницы и жил на широкую ногу. Он требовал самых лучших лошадей, мяса и вин. «Сам он никогда не пил, но с удовольствием угощал других».

Открытие золота нарушило в Монтерее весь общественный уклад. «Хозяин становится сам себе слугой, – сетовал Колтон, – а слуга – сеньором. Миллионер вынужден скрести скребницей свою лошадь, а благородный идалго, в чьих жилах течет кровь всех Кортесов, самолично чистить обувь!» Аристократка леди Л. «была вынуждена брать метлу в свои изнеженные руки, униженные кольцами»; леди В. и ее грациозная

дочь – нежные цветы вирджинского общества – «бежали из гостиной на кухню, стряпая обед»; леди С., владевшая тучными стадами скота, «эта Рахиль былых времен», ходила по воду на колодец; а самому Колтону, такому достойному человеку, теперь приходилось просить о гостеприимстве своих сограждан, с благодарностью принимая «еду даже в индейском вигваме»²⁹.

Золотоискатели получали хороший доход. Четверо жителей Монтерее с тремя компаньонами и тремя десятками индейцев за 7 недель и 3 дня работы на реке Фезер собрали 273 фунта золота. Они вернулись в Монтерей с 11 тысячами долларов каждый. 25 сентября не выдержал и Колтон, кинувшись на поиски золота вместе с бывшим генеральным адвокатом короля Сандвичевых островов³⁰.

1 июня Томас О. Ларкин, бывший американский консул в Монтерее, а теперь моралент Соединенных Штатов, направил письмо почтенному Джеймсу Бьюкенену – президенту США об открытии золота и о последствиях этого: «Половина домов [в Сан-Франциско] брошена жителями. Торговцы, адвокаты, механики и рабочие – все отправились в долину Сакраменто вместе с семьями. Бригады от пяти до пятнадцати человек нанимают в этом городе на несколько недель поваров, предлагая им плату от 10 до 15 долларов в день. Механики и возчики, получавшие в прошлом году от 5 до 8 долларов в день, согласились на это предложение и уехали»³¹.

На золотые рудники уехали даже солдаты и матросы. На борту военного корабля «Анита» осталось всего 6 человек. Один корабль с Сандвичевых островов оказался вообще покинутым экипажем, и капитану пришлось нанять новых матросов, заплатив по 50 долларов каждому за 15-дневный переход.

«За обычные лопаты и черпаки, стоившие месяц назад 1 доллар, в районе рудников теперь дают 10 долларов... Жалованье служащих выросло с 600 до двух тысяч долларов в год; поварам платят от 25 до 30 долларов в месяц... Один торговец, прибывший недавно из Китая, остался без своих китайских слуг. Если лихорадка продлится весь год и если китобойные суда бросят якорь в Сан-Франциско, они неминуемо потеряют свои экипажи. Я не знаю, сможет ли полковник Мэй-

сон³² удержать своих людей, если не пошлет туда войска», – сокрушался очевидец событий³³.

12 июня губернатор Мэйсон в сопровождении лейтенанта Уильяма Тикамсе Шермана, которому предстояло печально прославиться во время войны Севера и Юга, отправился в долину Сакраменто, чтобы проинспектировать «только что открытое месторождение». 17 августа он прислал вашингтонским властям рапорт. На дороге из Сан-Франциско до Форта Саттера, куда прибыли 2 июля, они увидели лишь пустые крупорушки, хлебные поля, оставленные на поправу скоту и лошадям, брошенные дома и незасеянные земли близ ферм. Зато в Форте Джона Саттера жизнь бурлила. «Торговцы платили ему по 100 долларов в месяц за комнату, а “одноэтажный дом внутри форта был сдан в аренду под гостиницу за 500 долларов в месяц”»³⁴.

Мэйсон приехал в Морсон диггинз³⁵ на Американской реке: «Всюду палатки и шалаши, сплошь покрывавшие склоны; здесь же магазин и бараки, служащие семейными пансионатами». Работающих было около 200 человек. Мэйсон и Шерман продолжили свой путь. Они поднялись к Сьерре, до речки Уеберс Крик, впадавшей в Американскую реку, где разместилась поисковая компания «Санол», в которой работали три десятка индейцев. Бизнесмены расплачивались с работниками товарами.

Еще выше инспектирующие снова увидели много занятых поиском золота белых и индейцев. Не так давно двое американцев, Уильям Далли и Перри Маккен, нашли здесь золото на сумму 17 тысяч долларов. Они были не одни: на них работали четверо белых и сотня индейцев. После того как они расплатились с рабочими, им осталось на двоих 10 тысяч долларов. За «три недели г-н Дилайт, агент на службе коммодора Стоктона, нашел поблизости золота на 2 тысячи долларов». Местный ранчero*, г-н Синклер, с группой индейцев, работавших «с простыми корзинами из ивовых прутьев», добыл золота на 16 тысяч долларов. «Он показал мне продукцию последней недели: 14 фунтов хорошо промытого золота!»³⁶

* Ранчero (*исп. rancho*) – владелец ранчо.

Ветер безумия над Калифорнией

Здесь было от чего разгорячиться самым холодным умам. Читаем: «Главный магазин в Форте Саттера, принадлежавший Бреннану, в период с 1 мая по 10 июля получил в уплату за товары тридцать шесть тысяч долларов». Цены на продукты питания поднялись на головокружительную высоту. «Бочонок муки стоит у Саттера 36 долларов и скоро подорожает до 50. Если бы сюда не привозили много муки, здесь разразилось бы настоящее бедствие. Но теперь каждый в состоянии жить по ломовым ценам, и можно ожидать, что на предстоящую зиму торговцы завезут из Чили и Орегона большое количество продуктов»³⁷.

К лету 1848 года, согласно цифрам, полученным губернатором Мэйсоном, в долине Сакраменто золото искали около 4 тысяч человек, половина из которых были индейцами. Ежедневно драгоценного металла добывалось на сумму от 30 до 40 тысяч долларов³⁸. За исключением концессий, образованных несколько лет назад мексиканскими властями, все земли этого региона были собственностью Соединенных Штатов.

По здравом размышлении Мэйсон решил, что, учитывая масштабы территории, привычки людей, занятых золотоискательством, и незначительность военной силы, которой он располагал, ему не следует требовать платы за право добычи золота, и уведомил вашингтонские власти о том, что принял решение «не вмешиваться – за исключением случаев столкновений и правонарушений – и разрешить всем свободное золотоискательство». И добавил: «Я был удивлен, узнав, что уровень преступности здесь очень низок и что в районе золотодобычи не было ни одного случая кражи».

Затем он перешел к докладу о положении в армии: «Я искренне думаю, что следовало бы отмечать какими-нибудь серьезными привилегиями солдат, воздерживающихся от дезертирства и остающихся верными своему знамени». А заключил послание тревожным выводом: «Ныне ни один офицер в Калифорнии не может жить на свое жалованье, настолько обесценены деньги. Цены на предметы первой необходимости, на одежду и продовольствие настолько чрезмерны, а сто-

имость рабочей силы так высока, что нанять повара или слугу для того, кто получает не меньше 30–50 долларов в день, совершенно невозможно. Такое положение вещей не может продолжаться долгое время»³⁹. Вместе с докладом он направил в Вашингтон образцы золотых самородков и песка на 3 тысячи долларов.

Люди продолжали оставлять населенные пункты и деревни, матросы – дезертировать с кораблей, а солдаты – из своих полков. Вся страна устремилась в золотоносные районы. «В Монтерее, Сан-Франциско, Сономе, Сан-Хосе и Санта-Круссе не осталось мужского населения», – писал Уолтер Колтон 19 августа 1848 года⁴⁰. Даже женщины отправлялись на поиски золота.

К концу лета лихорадка захватила и юг Калифорнии. Обезлюдели города Санта-Барбара, Лос-Анджелес, Сан-Диего. В октябре в порту Сан-Франциско стояли на якоре от 20 до 30 кораблей, потерявших надежду найти экипаж. Коммодор Джонс, главнокомандующий морскими силами США на Тихом океане, направил циркулярное письмо на Тихоокеанскую эскадру, в котором говорил о золотых россыпях как о «смешной» золотой мечте. Но едва прибыв в Монтерей и узнав, что до них всего три или четыре дня пути, решил сам отправиться туда с внушительной свитой. 25 октября он докладывал почтеннейшему военно-морскому министру: «Нет ничего хуже, господин, плачевного состояния вещей Верхней Калифорнии, вызванного безумными последствиями золотой лихорадки». А 2 ноября он писал: «Боюсь, что еще долгие годы Соединенным Штатам будет невозможно содержать военные или военно-морские силы в Калифорнии: направлять туда войска было бы бесполезно, так как все солдаты немедленно дезертируют...»⁴¹ Об этом же писал казначей Уильям Рич генеральному казначею в Вашингтоне генералу Таусону: «В порту [Монтерей] находятся наши корабли “Огайо”, “Уоррен”, “Дэйл”, “Лексингтон” и “Саутгемптон”, но они не могут высадить на берег ни одного человека, так как матросы дезертируют, едва ступив на сушу. В случае волнений эти корабли лишь издали будут стрелять по городу из орудий»⁴².

Ветер безумия бушевал над Калифорнией. Одному матросу с «Дэйла» предложили унцию золота за старое пальто, которое он носил 6 лет, заплатив когда-то за

него 20 долларов. Груз товаров из Китая продается за 200 тысяч долларов в течение одной недели. За одеяло платили 100 долларов, за бутылку бренди – унцию золота. Револьверы стоили от 6 до 8 унций золота. Капитан одного торгового корабля, чей экипаж дезертировал, предлагал 100 долларов в месяц тем, кто согласился бы наняться на его борт, но желающих не нашлось. Один врач, пожелавший перевезти свой лоток для промывки золотого песка⁴³ на другое месторождение, находящееся лишь в нескольких километрах, погрузил свою машину на повозку, отправлявшуюся в нужном направлении, и по прибытии спросил, сколько должен заплатить возчику. «100 долларов», – ответил тот. Доктор едва не потерял дар речи, однако расплатился без возражений. Через несколько дней возчика схватили колики, он вызвал этого врача, тот прописал ему какие-то пилюли и запросил в качестве гонорара 100 долларов. «Эх, – вздохнул больной, – я так и знал, что этот лоток выйдет мне боком»⁴⁴.

Среди всей этой горячки, по-видимому, только испано-калифорнийские ранчеры сохраняли хладнокровие; историк Бенкрофт рассказывает весьма поучительную притчу: один благородный идалго, Луис Перальга, «проживший почти целый век», позвал своих сыновей и сказал им: «Дети мои, Господь дал это золото американцам. Если бы он захотел, чтобы оно было нашим, он отдал бы его нам. Поэтому не гонитесь за ним, пусть это делают другие. Засевайте ваши земли и собирайте урожай, и они станут вашими золотоносными жилами, потому что все должны есть, чтобы жить»⁴⁵.

«Золотая лихорадка» охватывает Европу

Торговые суда донесли ошеломляющую весть до Орегона, Сандвичевых островов, Мексики, Перу, Чили. Передаваясь из уст в уста, новость достигла штатов американского Востока лишь в конце августа. В ноябре несколько энтузиастов вышли в море, взяв курс на Сан-Франциско. Президент Полк осмотрительно дождался 5 декабря, чтобы официально объявить эту новость нации. В послании конгрессу он сообщил

о докладе губернатора Мэйсона: «Рассказы об изобилии золота на этой территории настолько необычны, что в них было бы трудно поверить, если бы они не сопровождались правдивыми докладами офицеров, находящихся на государственной службе». Небольшая шкатулка с золотом, присланная Мэйсоном, была выставлена в Военном министерстве. Ежедневно сотни посетителей приходили полюбоваться сокровищем.

Тут уж «золотая лихорадка» охватила всю страну. От Миссури до Новой Англии, от Луизианы до Джорджии только и судачили, что о новом Эльдорадо, и находились отчаянные головы, готовые отправиться туда немедленно. Мысль о чудесной долине Сакраменто, где стоило лишь нагнуться, чтобы подобрать россыпи золотых самородков и песка, затуманила сознание многих американцев. За время с декабря 1848 года по весну 1849-го было издано больше 30 путеводителей, рассчитанных на возбуждение интереса потенциального золотоискателя.

Американцы были не единственными жертвами «золотой лихорадки». В июне 1848 года одна гавайская газета сообщила эту новость своим читателям, и уже в следующем месяце корабль, полный эмигрантов, направлялся в Сан-Франциско. 12 сентября 1848 года, спустя всего двадцать три дня после того, как эта весть докатилась до Чили, фрегат «Вирджиния» уже отходил из Вальпараисо с первыми чилийскими старателями на борту: среди них были опытные горняки и торговцы, адвокаты и врачи, везшие с собою целый батальон пеонов⁴⁶. Перуанцы вышли в море позднее всех, но они сразу же поняли, какую выгоду можно извлечь, доставляя в Калифорнию продовольствие и различные товары, тем более что торговцы тоже были не прочь погреть руки на золотом ажиотаже. Полные надежд золотоискатели отплывали также из Аргентины и Боливии, пополняя ряды латиноамериканских эмигрантов. Наконец летом 1848 года к месторождениям калифорнийского золота направились колонны мексиканцев из Соноры.

Зов золота с не меньшей силой прокатился и по Европе. Хотя эмиграция англичан не стала массовой, многие из них вошли в долю компаний, разрабатывающих калифорнийское золото. Издававшиеся в тот

период в Германии путеводители наперебой расхваливали роскошные пейзажи Калифорнии, ее мягкий климат, неисчерпаемое богатство золотых жил. Желющих переселиться в Калифорнию оказалось столь много, что даже власти встрепенулись. Ведь такой массовый исход угрожал всем отраслям немецкой экономики. Некто Й. Мюллер решил охладить пыл соотечественников. В изданной им небольшой книжке он описывает такие ужасы, что можно было подумать, что германское правительство платило ему за «торможение» нездорового интереса немцев к Калифорнии. Вот что пережил Й. Мюллер: «Погода на золотоносных полях – одуряющая жара, такая же невыносимая и даже более угнетающая, чем в Бразилии в самые жаркие месяцы года. Множество людей с безумным рвением подставляли себя обжигающим лучам солнца, неустанно долбя лопатой и круша киркой каменистую почву, пока не падали замертво... Многим приходилось проводить большую часть времени в воде да при этом пить чрезмерное количество поистине отравляющих напитков, чтобы поддерживать свои силы... Люди заболели, застигнутые воспалительной и другими видами лихорадки... Весь этот район постепенно заполнился недисциплинированным, авантюрным, циничным народом... Золотоискателю постоянно угрожает смертельная опасность, и он не должен решаться на эту авантюру в одиночку...»

Путешествие было сущим адом: «Группы людей останавливались лагерем в пустынных ущельях Сьерра-Невады, защищенные от ночного ливня всего лишь листвою деревьев». Может быть, золотоискателям было лучше добираться морем и далее по рекам? Ничуть не бывало! «Многие моряки, входившие в добром здравии в порт Чагрес, уже через несколько дней находили себе здесь жалкие могилы...» Лодка, на которой путешественник плывет из Горгоны в Крусес, «такая узкая, что приходится сразу ложиться на ее дно, чтобы не перевалиться через борт и не утонуть...» Никаких следов цивилизации, которые радовали бы глаз, не наблюдалось, напротив, река кишела «наглыми аллигаторами», змеями «и другими ядовитыми тварями». Те, кто выбирал дорогу через мыс Горн, становились добычей акул, крыс и желтой лихорадки. По прибытии

на место на них нападали крысы, ягуары и аллигаторы...⁴⁷. Не была ли эта книжица прямым ударом по надевшимся разбогатеть будущим немецким золотоискателям? Ведь согласно переписи населения 1860 года в Калифорнии проживали 21 640 переселенцев из Германии. Более многочисленными этническими группами были только китайцы и ирландцы.

Во Франции новость об обнаружении золота в Калифорнии стала достоянием публики в первые месяцы 1849 года. И сразу же началось настоящее безумие. Выходили бесчисленные путеводители, брошюры, газетные статьи, представлявшие Калифорнию в самом идиллическом свете. Основывались акционерные компании – золотодобывающие, а также финансовые, намеревавшиеся работать с недвижимостью. Многие из таких предприятий были откровенно мошенническими. В них бесследно исчезали сбережения честных людей.

Золотоискателями становились французы всех социальных категорий: рабочие, коммерсанты, просто авантюристы, актеры, проститутки и даже некоторые дворяне, погрязшие в долгах, восьмидесятилетние старики да младшие дети дворянских семей, не имевшие ни гроша в кармане. С тощим кошельком и с сердцем, исполненным надежды, подобно тысячам других мечтателей со всего мира они пускались в эту авантюру.

Их называли «аргонавтами» по аналогии с персонажами древнегреческого мифа, которые на корабле «Аргос» когда-то устремились на поиски золотого руна в Колхиду. Людей, хлынувших в Калифорнию громадной волной в 1849 году, называли также «сорокадевятниками». Их путешествие было долгим и опасным, и многим из них довелось пережить страдания, в сравнении с которыми злоключения Й. Мюллера могли показаться просто детскими страшилками.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Американцев влекла единственная цель: поскорее добраться до Калифорнии любым способом. Правда, Соединенные Штаты в этот период не были богатой страной, а такое путешествие стоило недешево. Как утверждалось в некоторых путеводителях для эмигрантов, минимальная сумма, необходимая для поездки в это новое Эльдorado, составляла 750 долларов. Переход вокруг мыса Горн (самый дешевый маршрут) обходился в 1849 году в 250–400 долларов. А нужно было еще экипироваться, одеться и оставить хоть какие-то деньги на первое время в Калифорнии. Читая путевые записки этих «аргонавтов», можно заметить, что кое-кто из них потратил тысячу долларов и больше, чтобы добраться до калифорнийских месторождений золота, и что у половины из прибывавших в Сан-Франциско морем не оставалось в кармане ни гроша. Таким образом, первой заботой будущего золотоискателя была задача... найти деньги. В затеянную авантюру вкладывались сбережения всей жизни: закладывались фермы и жилые дома, по дешевке продавались коммерческие фонды, отдавались в залог все виды имущества. Те, кому нечего было ни продать, ни заложить, искали процветавших сограждан, которые могли бы одолжить им деньги на условиях участия в будущих доходах. Некоторые богатеи финансировали до полудюжины «аргонавтов», другие снаря-

жали целые группы. В успехе таких предприятий никто не сомневался. Кроме того, будущие золотоискатели образовывали компании, связывая участников договором и создавая таким образом совместные фонды еще до того, как отправиться в путь.

Второй заботой путешественника был выбор маршрута. В салунах, в гостиных, вокруг очага – всюду без конца дебатировались достоинства и неудобства различных транспортных средств. Газеты и путеводители пестрели советами, адресованными будущим золотоискателям. Как правило, жители восточных штатов отправлялись в Калифорнию морем, а из западных районов добирались по суше.

На выбор «аргонавтам» предоставлялись многие маршруты, как морские, так и сухопутные. Из морских путей менее опасным был маршрут в обход мыса Горн, но путешествие это было долгим, однообразным и некомфортабельным. Другой, более короткий маршрут – переход через Панаму или через Никарагуа, но там постоянно свирепствовали малярия и желтая лихорадка. Переселенцы могли также добраться до Тампико или до Вера-Круса, пересечь Мексику и снова сесть на корабль в Акапулько, Масалтане или Сан-Бласе на Тихом океане. Но страна кишела бандитами, трудно было найти ночлег и транспорт, а кроме того, поражение, нанесенное американцами мексиканцам, оставило слишком тяжелые воспоминания. На гринго* здесь смотрели недружелюбно.

Сухопутных путей было три, с многочисленными вариантами, и все они начинались от западной «границы». Первым была знаменитая тропа: Калифорния–Орегон по берегу реки Ла-Платы и через Южный перевал Скалистых гор. В Форт-Холле она делала развилку: к озеру Сале и далее вдоль рек Гумбольдт и Тракки до Сакраменто и к Орегону, откуда в ту же долину Сакраменто вели разные дороги. Был и вариант Гумбольдтской тропы, старая дорога Джидидаи Смита, первого траппера, проникшего в запретную Калифорнию. От Солт-Лейка она шла по берегу Севьера и Вирджина до Сан-Бернардино. Эта дорога была хорошо известна мормонам, которые нередко становились

* Гринго (*исп.*) – так мексиканцы именуют североамериканцев.

проводниками переселенцев. Из Гумбольдт-Синка (в современной Неваде) можно было также выйти на Южную дорогу, начинавшуюся в долине Сан-Хоакина от перевала Уокера.

Другим сухопутным путем была тропа Санта-Фе. Эта старая испанская дорога шла вдоль Хилы, пересекала долину Империзл до ранчо Уорнер и кончалась в Сан-Диего или же вела в Лос-Анджелес через перевал Сан-Горгонио.

Третий, самый южный маршрут проходил через Мексику. Он пересекал американский Техас, затем мексиканские провинции Чихуахуа и Сонору, преодолевал Гваделупский перевал в Таксоне (в нынешней Аризоне), через деревни Пимо на Хиле, углублялся в Колорадскую пустыню, и выходил к ранчо Вагнера. Существовало несколько вариантов этого маршрута через Мексику.

Курс на мыс Горн

Итак, в начале зимы американцы устами своего президента подтвердили невероятную новость. В это время года можно было воспользоваться только морским путем, так как горы были покрыты снегом и переход через Скалистые горы и Сьерра-Неваду становился невозможным. Таким образом, желавшим отправиться в путь немедленно приходилось плыть морем.

В это время на всем Восточном побережье царил необычайное возбуждение. Оружейные заводы и фабрики галет работали день и ночь. Производители лопат и обуви были не в состоянии удовлетворить спрос. Нью-йоркские газеты пестрели объявлениями, связанными с новым Эльдорадо: даты отплытия кораблей, реклама снаряжения и материалов для золотоискателей, рекомендации в отношении питания, одежды, оружия и механизмов, которые предстояло взять с собой... В середине января 1849 года пятая часть взрослого населения Плимута и Массачусетса отправилась в морское путешествие. Все порты были забиты страждущими богатства золотоискателями. Едва ступив на пристань, они брали штурмом корабли. «Со времени Крестовых походов не было такого ажиотажа, – отме-

чал репортер нью-йоркской “Геральд”, – не было ни одной семьи, из которой не уехал бы или не готовился бы к отъезду хоть один, а то и несколько ее членов»¹. Тротуары Нью-Йорка были запружены толпой молодых людей в причудливых одеждах – широкополых красно-коричневых шляпах, длинных пиджаках из грубой ткани и в высоких сапогах.

Вождение золота сметало все социальные барьеры: врач из Массачусетса вступал в горно-добывающую компанию, организованную его собственным кучером. В Бостоне студенты, изучавшие теологию, гарвардские преподаватели, журналисты и ученые объединялись с сельской молодежью, механиками и канцелярскими служащими, фрахтовали парусное судно, и устремлялись в море курсом на мыс Горн. В их компании можно было видеть и офицеров, становившихся простыми матросами на судах, отправлявшихся в Калифорнию².

Не все сорокадевятники думали только о поиске золота. От природы расчетливые и дальновидные янки сразу поняли, что в поте лица мотыжить землю и копать в реках в надежде вырвать у них самородки – не единственный способ разбогатеть в Калифорнии. Сюда стекались иммигранты со всех четырех концов света, обычно лишённые всего самого необходимого. Калифорния становилась рынком весьма платежеспособных потребителей, готовых выложить весьма приличные деньги за самые обыкновенные товары. Находчивые янки будут поставлять необходимый для работы инструмент, а также медикаменты, оружие, одежду, одеяла, без которых не обойтись старателям. И если хитроумные янки не слишком преуспеют в добыче золота, то, торгуя товарами повседневного спроса, смогут окупить путевые расходы и даже получить существенный доход. Многие компании, основанные в первый год «золотой лихорадки» на Восточном берегу, фактически поставили перед собой двойную цель: коммерцию и добычу золота. Они именовали себя горно-рудными и торговыми компаниями, и их корабли отплывали в Сан-Франциско порой со многими тоннами товаров.

Грузы этих компаний были самыми разнообразными. Одни доставляли товары самого широкого ассорти-

тимента – от почтовой бумаги до оружия, включая консервированных омаров, копченое мясо, мед и семена цветов, другие везли лишь один или два товара. Так, судно «Сан-Франциско» в августе 1849 года вышло из порта Беверли (Массачусетс) «с 62 000 тонн лесоматериалов, 10 000 штук кирпича и с восемью сборными домами»³. Бизнесмены-одиночки также часто везли с собой товары, причем самого низкого качества, в надежде выгодно их продать, когда им улыбнется удача на золотых россыпях. Так, французский «аргонавт» Альбер Бенар отплыл в 1850 году из Гавра с грузом перчаток, ножевого товара, зубочисток и с сотней старых эстампов, в основном карикатур Гаварни, вырезанных им из зачитанных комплектов «Шаривари»⁴.

Жизнь на борту корабля

В 1849 году из портов Атлантики и Мексиканского залива вышло более 500 судов. Хотя путь через мыс Горн в 1849 году был самым долгим и утомительным, чаще всего пользовались именно им: в обход мыса Горн в Сан-Франциско прибыло 15 597 иммигрантов, а через Панаму всего 6489 человек. Но на следующий год приоритеты изменились: путешествие вокруг Южной Америки – 11 770, через Панаму – 13 809 человек⁵. Трое «аргонавтов» из каждых четырех летом 1851 года предпочли путь через Панамский перешеек или через Никарагуа путешествию вокруг мыса Горн.

Решив отправиться в путь «большой командой», группа процветающих бостонских сорокадевятников без колебаний приобрела корабль «Орб» и усовершенствовала его, чтобы сделать путешествие комфортным. Другая группа из Новой Англии, «Бостонско-Калифорнийская горно-рудная и торговая компания», состоявшая из 150 человек, приобрела 700-тонный парусник «Эдвард Эверетт» и оборудовала его просторными и комфортабельными дортуарами. Чтобы побороть неизбежную скуку долгого путешествия вокруг мыса Горн, в распоряжение пассажиров предоставили библиотеку, для оживления вечеров собрали небольшой оркестр, ученые должны были регулярно делать доклады, а протестантские пасторы каждое вос-

кресенье читать проповеди. Были предусмотрены также и молитвенные собрания в середине недели. Наконец, чтобы быть готовыми к любым неожиданностям, на борт погрузили двухлетний запас продовольствия, а четверо врачей – членов изысканной компании организовали диспансер, снабженный всевозможными медикаментами, в том числе двадцатью пятью галлонами виски, «предназначенного исключительно для медицинских целей»⁶. Употребление алкоголя было строго запрещено на большинстве судов, зафрахтованных подобными компаниями.

Сразу же заметим, что такие привилегированные условия были редки. Для всех, или почти всех, «аргонавтов» путешествие вокруг мыса Горн было очень тяжким испытанием. Крупные быстроходные клиперы появились только в 1851 году. Предшествовавшие им суда были большей частью небольшими и плохо приспособленными для перевозки пассажиров. Водоизмещение многих из них было меньше 300 тонн, а численность экипажа не превышала 15 человек. Богатые пассажиры пользовались относительным комфортом проветриваемых кают на несколько коек, все прочие спали вповалку в общих междупалубных или расположенных на палубе помещениях. Когда на борту оказывались женщины, их перемещение по судну обычно ограничивали своеобразным ограждением – «коробкой», построенной на палубе.

Среди незначительной части дам, мечтающих о Калифорнии, естественно, были особы легкого поведения, стремящиеся на поиски увешанной золотом клиентуры. Из Франции и Южной Америки в Калифорнию переправлялись целые публичные дома во главе с бандершей. Иные женщины путешествовали либо в одиночку, либо с компаньонкой, а порой и с компаньоном. Цель их была та же самая – торговля своими чарами. С. де Лаперуз, взошедший в Гавре на борт парусника «Анна», писал, что среди его пассажиров было «довольно много более или менее замужних женщин»⁷.

Путешествие в обход мыса Горн продолжалось от пяти до семи месяцев. Многие «аргонавты» вели личные дневники, поэтому мы можем узнать, как протекала жизнь на борту кораблей. Морская болезнь, скверная пища, ограниченное количество затхлой

воды – вот о чем без конца писали пассажиры. Они испытывали скуку и страх неизвестности, но главным их врагом была, несомненно, скука. «Переход так долог, что скучаешь заранее», – вздыхал Альбер Бенар⁸. Пуристане из Новой Англии читали Библию для поднятия духа, прочие играли в лото, домино или триктрак. Когда позволяла погода, пассажиры на палубе любовались океаном, чайками, акулами, дельфинами и записывали свои впечатления в дневники. Многие «аргонавты» изо дня в день фиксировали все главные события, происходившие на борту, а также погоду, сведения о курсе корабля и о направлении ветра, а некоторые описывали свои приключения более подробно.

Особенно подробные и откровенные путевые заметки о плавании оставили нам французские путешественники. Например, Альбер Бенар повествовал о том, что на борту парусника «Иосиф» было принято «приносить жертвы на алтарь любви», и это явно было одно из излюбленных развлечений пассажиров. Да и сам капитан убедил одну из пассажирок поселиться в его каюте⁹. Несомненно, на американских кораблях, где время проходило в молитвах и пении, на такую распущенность нравов смотрели неодобрительно. Порой заставляли пассажиров перед посадкой давать подписку в том, что они обязуются не пользоваться «богохульными и непристойными» выражениями.

Парусники редко заходили в порты Южной Америки, чтобы пополнить запасы продуктов и питьевой воды. Корабельное меню было безнадежно однообразным, а продукты часто бывали испорченными – что не раз заставляло «аргонавтов» бунтовать. Парусник «Робер Баун», отплывший из Нью-Йорка 6 февраля 1849 года, шел до Сан-Франциско 203 дня и сделал всего два захода, один в Рио-де-Жанейро, другой в Каллао, в Перу. «Большой переполох случился во время завтрака, – писал 12 июня один из пассажиров Джон Н. Стоун, – от поданной нам свинины и говядины шел такой отвратительный запах, что нужно было иметь очень хороший аппетит и крепкий желудок, чтобы не только сесть за стол, но и просто находиться вблизи его»¹⁰.

Начиная с 10 градусов северной широты корабли входили в спокойные экваториальные воды. Жара ста-

новилаь удушающей, и с повышением температуры воздуха увеличивалась напряженность на борту. Переход через экватор отмечался на всех кораблях шутивными церемониями, которые разряжали «атмосферу». После этого на «аргонавтов» обрушивались самые ужасные ливни экваториальной зоны, а потом набрасывались ураганы близ мыса Горн или сильные ветры, дувшие в противоположном направлении, туманы, снег, а Магелланов пролив встречал их опасными рифами. Обход мыса Горн редко отнимал меньше месяца. Хотя некоторые корабли, например «Робер Баун», при хорошей погоде и благоприятных ветрах огибали его за шесть дней¹¹. Другим кораблям приходилось сутками выдерживать натиск разбушевавшейся стихии, каждое мгновение рискуя быть разбитыми в щепки гигантскими волнами, со звериной яростью обрушивавшимися на палубу.

Поэтому, следуя маршрутом через мыс Горн, менее опытные капитаны парусников порой предпочитали проход через Магелланов пролив, хотя этот путь и был длиннее. Небольшое судно «Норс Бенд» шло через этот пролив 32 дня. Менее удачливым требовалось для этого два месяца. Места здесь унылые, дикие и мрачные, но зато пассажирам представлялся случай увидеть Патагонию.

Затем корабли снова поднимались вверх, вдоль тихоокеанского побережья, чаще всего с заходом в Вальпараисо, а иногда и в Каллао. После сурового мыса Горн Вальпараисо казался раем. «Аргонавты» не переставали восхищаться красотой побережья, широкими улицами города, сверкающими глазами местных сеньорит и веселым нравом горожан. Но блюстители строгой морали с негодованием отмечали обилие борделей, притонов, винных магазинов да «пансионов для моряков» – грязных и пользовавшихся дурной славой.

Из Вальпараисо корабли снова направлялись к северу. Если не везло с погодой – сильные ветры здесь нередки даже летом, – то приходилось затрачивать еще несколько долгих недель на остаток пути до Сан-Франциско, а некоторые суда тратили еще больше времени, ловя попутный ветер у Сандвичевых островов.

Первые пароходы

Нескольким сотням сорокадевятников повезло: они попали на борт первых пароходов компании Хауленд-Эспинуолл – «Калифорнии», «Панамы» и «Орегона». Незадолго до этого были основаны две пароходные компании для обслуживания линий между атлантическим и тихоокеанским побережьями. В 1847 году президент Полк подписал билль, разрешавший конгрессу выделять ежегодно 290 тысяч долларов на пароходную линию между Нью-Йорком и Чагресом. Почти такие же щедрые субсидии были предоставлены для финансирования ежемесячного сообщения между Панамой и тихоокеанским побережьем. Одна тихоокеанская линия оказалась в руках Уильяма Эспинуолла, другая – у группы капиталистов, возглавляемой Джорджем Лоу.

Несколько позже в эту гонку вступил Корнелиус Вандербильт. Коммодор дерзнул обнародовать грандиозный проект постройки канала для прохода своих судов через Никарагуа. Но если бы он получил разрешение на это от никарагуанского правительства, ему не предоставили бы необходимых кредитов. Вандербильту пришлось довольствоваться эксплуатацией своей линии, располагая тремя судами в Атлантике, четырьмя на Тихом океане, двумя в Сан-Хуане и одним на озере Никарагуа, с использованием для переездов по суше дорожных многоместных экипажей. 4 июля 1851 года жители Сан-Франциско праздновали прибытие первого судна «Пэсифик» вандербильтовской линии.

Можно много говорить о комфортабельности пароходов, в сравнении с парусниками, но их главное достоинство – скорость. «Калифорния» вышла из Нью-Йорка еще до официального сообщения об открытии золота, поэтому на ее борту было всего 6 пассажиров. Зайдя в Каллао, она приняла 70 перуанцев. В Панаме 17 января 1849 года на ее борт пожелали подняться уже несколько сотен «аргонавтов». Она приняла 400, тогда как была рассчитана на 60 пассажиров первого класса и на 150 межпалубных. Бейард Тейлор, энергичный журналист, посланный в Калифорнию газетой «Нью-Йорк трибьюн» для освещения

«золотой лихорадки», поднялся на борт «Калифорнии» в Панаме летом 1849 года. Он пишет: «Наше судно набито битком, как в носовой, так и в кормовой части. Работать просто невозможно, а попытки уснуть превращаются каждую ночь в тяжкое испытание...»¹² Завтрак и обед проходили в две смены. Без конца повторялись одни и те же сцены: боясь пропустить свое время, пассажиры с жадностью набрасывались на еду, и часто более робким или слишком чопорным джентльменам доставались объедки.

Бейард Тейлор отплыл из Нью-Йорка 28 июня на борту парохода «Фолкон» и после захода в Новый Орлеан, «в счастливый, но не долгий период между прекратившейся эпидемией холеры и до начала желтой лихорадки»¹³, без всяких происшествий сошел на берег в Чагресе на Панамском перешейке. Чагрес был печально знаменит своим нездоровым климатом, частыми вспышками всевозможных лихорадок и назойливыми москитами. Действительно, картина городка, описанная французским путешественником Эдуардом Ожером, удручает: «Нет ничего более унылого, чем эта негостеприимная земля, ежегодно опустошаемая тайфуном, желтой лихорадкой и эндемической чахоткой. Омывающее ее мрачное, неподвижное море похоже на черный Акерон, и над ним постоянно висит траурной вуалью пелена зловонных испарений, в которой вихрем кружатся мириады москитов и слепней – насекомых, питающихся кровью людей и животных»¹⁴.

«Аргонавты» не задерживались здесь надолго. Они торопились найти пироги, на которых можно было бы подняться вверх по реке. Одному из первопроходцев этого маршрута – Элише Кросби – удалось, едва сойдя на пристань, найти большой плот для перевозки багажа, своего и своих спутников, и маленький – для них самих. За три дня они добрались до Крусеса. Там он нанял трех мулов – двух для багажа и одного для того, чтобы на нем можно было всем ехать по очереди. Так они и преодолели 30 километров, отделявших их от Панама. Через несколько дней Кросби взошел на борт «Калифорнии»¹⁵.

Не все путешествия через перешеек заканчивались благополучно. Но через месяц после перехода Элише

Оскара Кросби небольшой порт Чагреса был полон народа. Путешественники спешили дальше. А местные жители поднимали цены. С первых «аргонавтов» они требовали по 10 долларов за поездку вверх по реке, а потом запрашивали и получали до 50 долларов.

Приходилось ждать. Но где? В 1849 году в Чагресе, в этой глухой деревне, была всего одна гостиница, «Крисчен Сити», «лачуга с дощатым полом», где даже не подавали еды¹⁶.

Крокодилы и желтая лихорадка

Непросто было золотоискателям договориться с местными жителями. Случалось, что, даже заплатив за даток за перевоз, бедолаги-пассажиры оставались без плавсредства. Пока беззаботные «аргонавты» отправлялись за багажом, их лодочники уплывали с другой группой искателей сокровищ, пообещавших заплатить дороже. Обманутым опять приходилось ждать, поминутно смахивая со лба пот, страшась призрака желтой лихорадки. Многие путешественники быстро поняли, что лучшим способом добиться толку от лодочников было расположиться в пирогах сразу после заключения сделки и не двигаться с места до самого отплытия, даже если придется провести в лодках всю ночь.

Наконец пироги пускались в путь. До Горгоны было около 130 километров и еще 10 – до Крусеса. Перед глазами путешественников открывались дивные красоты: по обоим берегам причудливо извивающейся реки высились девственные дремучие леса, изумрудной зелени кроны устремлялись к свинцовому небу. «Вся пышная растительность вечного лета сливалась в единую удивительную непроходимую чащу», – отмечал Бейард Тейлор¹⁷. Попугаи, цветы, обезьяны вызывали восхищение наших путешественников, а крокодилы приводили их в ужас. На привалах будущие золотоискатели спали прямо на земле, закутавшись в одеяла, или же – в полной блох лачуге какого-нибудь аборигена. Они то задыхались от влажной жары, то мокли под ливневыми дождями, то их нещадно жгло солнце. Их пожирали москиты, порой пробирала

ознобом лихорадка. Сколько их умерло, не добравшись даже до Панамы?

Плавание на пироге заканчивалось в Горгоне или в Крусесе. Там путешественникам вновь предстояло заключать сделки с местными жителями; стоимость мулов неуклонно повышалась, так как спрос намного превышал предложение. Пытаясь экономить, многие «аргонавты» отправлялись пешком. Дорогу, ведущую туда из Крусеса, Эдуард Ожер описал как «непрерывную череду пропастей и болот. По обе стороны узкой тропинки тянулись глубокие расселины, которые в дождь наполнялись водой. Отвесные скалы возвышались подобно стенам древней крепости вдоль всего пути»¹⁸. «Горгонская тропа не менее трудна и местами так узка, что по ней едва может пройти навьюченный мул», – сообщает Бенкрофт.

С какой радостью путники замечали вддали Панаму! Однако вид города угнетал. Панама «печальна и молчалива, как старинный погост»¹⁹, – пишет Ожер. Ему вторили большинство путешественников. Хотя поюношески беззаботный и оптимистичный Бейард Тейлор увидел ее другими глазами, назвав «одним из самых живописных городов американского континента», но и Тейлор был бы рад возможности как можно скорее отсюда уехать: «Четвертую часть местного населения унесла холера, косившая американцев. От эпидемии стали умирать многие пассажиры “Фолкона”»²⁰.

В апреле 1849 года на перешейке было уже около 2 тысяч американцев, пишет один из сорокадевятников Хирем Дуайт Пирс, и «не было надежды на скорый отъезд»²¹. При Тейлоре в Панаме ждали корабля 700 человек.

В 1851 году положение улучшилось. Американцы начали строить железную дорогу, чтобы соединить оба океана. Панамская железная дорога – триумф предприимчивого ума янки – была открыта в 1855 году. Но уже с лета 1853 года иммигранты могли доехать до Горгоны на поезде.

Для непривычных к капризам местного климата англосаксов переход через перешеек оставался не менее опасным. Фрэнк Мэрриет, проделавший этот путь в 1852 году, сообщает, что он подхватил желтую лихо-

радку и что на последнем этапе путешествия он был настолько слаб, что все время падал с мула. По прибытии в Панаму попутчики, «которые все были совершенно здоровы», уложили его в постель. «Меньше чем за десять дней все заболевшие умерли, и уцелел лишь один я»²².

Другой «аргонавт», Дж. Д. Борсвик, выбравший панамский маршрут в 1853 году, пишет: «На американцах болезнь сказалась очень сильно... Среди них было множество умерших»²³. И Сент-Аман, проживший несколько дней в Эспинуолл Сити, где начинается Панамская железная дорога, свидетельствовал, что многочисленные больные похожи на «призраков»²⁴.

Переход через Большие Равнины

С весны началась миграция через Большие Равнины. Она увлекла не только опытных первопроходцев, но также простых фермеров Запада и горожан, судивших о жизни в полевых условиях по воскресным рыбалкам или охотам. Путешествие это было долгим и опасным, и иммигранты не предпринимали его в одиночку. Они сбивались в многолюдные группы.

Главными местами сбора таких групп стали Сент-Джо и Индепенденс в Миссури, Каунсил Блаффз или Олд Форт Кирни в Айове, или же Новый Орлеан. На исходе зимы тысячи пионеров собирались в различных пунктах западной «границы» с повозками и скотом. Только в городе Индепенденс в начале апреля готовилась в путь тысяча иммигрантов²⁵. Весной 1849 года в Калифорнию через Большие Равнины отправилось 50 тысяч человек. Жадные до приключений молодые люди объединялись в горно-рудные компании. Но были и путешественники-одиночки, и семьи, и небольшие группы друзей и соседей, привлеченные калифорнийским миражем, которые также присоединялись к крупным караванам.

Чарлз Эдвард Пенкост, квакер-сорокадевятник, выехал из Сент-Джо в конце апреля 1849 года с «Пиорайя Компани».

«Наш караван, – пишет он, – состоял из сорока четырех упряжек. В семнадцать повозок были запряже-

ны мулы, в остальные – быки». В замкнутом мире каравана оказывались проповедники, врачи, адвокаты, фермеры, механики, рабочие, фармацевты, моряки... «Некоторым из них было больше шестидесяти пяти лет, среди них были даже инвалиды»²⁶.

Порой в караванах насчитывалось до 120 повозок. Были и тяжелые конестагасы, эти «шхуны прерий», которые позже увековечил кинематограф, и всякого рода двуколки, битком набитые пожилыми путешественниками, малыми детьми, провизией, постельными принадлежностями, палатками, земледельческими орудиями и прочими необходимыми грузами. Мужчины и женщины либо шли пешком, либо ехали верхом на лошадях по обе стороны каравана, чем-то напоминающего стадо. Самые бедные путешественники толкали перед собой ручные тележки. Были и группы молодых людей, которые с мешком за плечами шли пешком до самой Калифорнии – больше 3500 километров.

Организация каравана была полувоенной, и его начальник требовал от всех полного повиновения. Часто люди, больше всех достойные доверия, устанавливали правила, которым должны были подчиняться другие иммигранты. Так, «Пиорайя Компани» Чарльза Эдварда Пенкоста решила давать себе передышку по субботам, если, конечно, непредвиденные обстоятельства не принуждали путников продолжать движение²⁷.

«Ван Бьюрин Калифорния Ассошиейшн», один из самых крупных караванов на Южной дороге, сопровождали военный эскорт, секретарь, казначей, тележный мастер... Был здесь и свой административный совет, призванный следить за поведением «аргонавтов» и наказывать тех, кто оказывался виновным «в пьянстве, или же в других нарушениях установленного порядка»²⁸.

Люди отправлялись в путь в приподнятом настроении. «Все мы были очень довольны; каждое утро открывало нашим взорам новые картины. Леса изобиловали дичью... и земляникой, и нам казалось, что мы находимся на бесконечном пикнике», – замечала одна юная иммигрантка²⁹.

На склоне дня караван останавливался. Повозки располагались кругом; внутри образовавшегося заго-

на размещали лошадей, мулов и коров, а снаружи – разбивали палатки, разводили костры. Женщины варили еду, а мужчины занимались животными или ремонтировали повозки, палатки, сбрую, чистили оружие. После еды – пели, собравшись вокруг костра:

О, Сюзанна, не плачь обо мне,
Я еду в Калифорнию
с промывочным тазом на коленях!

Или еще:

О, помнишь ли ты милую Бетти де Пайк [Миссури],
Мы прошли через горы, я и ее любовник Айк
С упряжкой быков и большой желтой собакой,
С большим петухом из Шанхая и с пестрой свиньей.

Или еще:

О, дражайшая Мэри,
Ты прекрасна, как солнечный день;
Твои ясные очи сияют в ночи
Когда с неба уходит луна.

Часто эти люди, смело устремившиеся на завоевание Дальнего Запада, проникновенно пели и религиозные песни. Одна самых популярных звучала так:

Я паломник, я чужестранец,
Я могу ждать хоть всю ночь.
Мы идем домой в небесную высь.
Хочешь пойти с нами?³⁰

Молодежь танцевала под аккомпанемент скрипки, аккордеона и флейты. С наступлением темноты люди ложились спать. Лагерь постепенно обволакивала тишина, только часовые не смыкали глаз всю ночь.

В три или в половине четвертого утра приходило время просыпаться. Начальник каравана будил людей выстрелом в воздух. Сразу же все приходило в движение, нарастал шум, возбуждение, неизбежная суетолака. Путешественники складывали палатки, готовили завтрак, запрягали животных в повозки. То тут, то там слышались щелканье кнутов, крики детей, лошадиное ржание, привычная ругань мужчин, лай собак, мычание коров. Наконец караван трогался в путь вслед за выехавшими вперед конными разведчиками. Пересекая из конца в конец Большие Равнины, иммигранты

встречали стада бизонов, вдогонку за которыми пускались конники, чтобы пополнить запасы мяса. На пути каравана то и дело возникали колоритные группы индейцев в ярких перьях и традиционной раскраске. Кто они были? Друзья или враги? Ежеминутный страх перед нападением краснокожих терзал путешественников.

Индейцы

В самом деле, для путешественников, идущих по тропе Санта-Фе или же по дороге через северную Мексику, индейцы представляли серьезную угрозу. Очень воинственными были индейские племена, враждующие между собой – апачи и команчи. Некоторым караванам приходилось двигаться по земле команчей ночами, а чтобы не выдать своего присутствия – снимать с шей лошадей колокольчики³¹.

Сорокадевятник Файниас Блант рассказывает, что его караван, состоявший из 200 человек, наткнулся на отряд из 2 тысяч команчей. Люди немедленно приготовились к «худшему», а один из них принялся писать завещание³². Другой, квакер Пенкост, вспоминал, что во время перехода через штат Нью-Мехико он был сражен известием о том, что «команчи напали на караван Джеймса Уайта, вырезали его компаньонов и похитили его жену с ребенком»³³. Несколько позднее он отмечал, что индейцы, по-видимому, были готовы выйти на тропу войны.

Для иммигрантов, выбравших маршрут Калифорния–Орегон, вероятность нападения индейцев была не столь велика. На этих землях жили в общем мирные племена. Тем не менее индейцы с раздражением смотрели на бесконечную череду «аргонавтов», двигавшихся по их охотничьим угодьям, тем более что чужаки не слишком заботились о том, чтобы не наносить им урон. Согласно официальным отчетам, многие индейцы жаловались на то, что иммигранты захватывали их свободно пасшихся пони или скупали ворованных индейских животных. «Агент племени семинолов был вынужден все время оставаться в седле, предупреждая пришлых, разбивающих свои лагеря вдоль дороги, о

необходимости вести себя так, чтобы избегать конфликтов с индейцами, находясь на их территории»³⁴.

В этот период индейцы вели себя не столь враждебно, несмотря на то, что размеры караванов были достаточно внушительными. Краснокожие остерегались стрелкового оружия белых, но часто крали лошадей, скот, а также разные мелкие вещи. Во избежание серьезных стычек начальник каравана при этом запрещал преследовать похитителей.

Американская история пренебрегает индейцами и недолгоблывает их. Однако многие из них сыграли заметную роль в «золотой лихорадке». Штат Оклахома, название которого в переводе означает «Страна Красного человека», был территорией, на которой проживали пять крупных индейских племен с высоким уровнем культуры. Они были изгнаны со своих земель в 1830-е годы «Большим белым Отцом», правившим в Вашингтоне.

Как и белые, они надеялись воспользоваться представившимся случаем, чтобы улучшить свою судьбу. Чероки умели читать. Из газет они узнали об открытии золота и уже в апреле 1849 года создали компанию, к которой присоединилось также некоторое количество белых, и пустились в дорогу к калифорнийским приискам. В свою очередь в 1850 году в Калифорнию по старой испанской дороге из Санта-Фе отправились и другие караваны. Чоктоу, крики, чиккасоу и семинолы снабжали иммигрантов продовольствием, лошадьми и мулами. Крики, например, регулярно отправлялись в страну команчей, чтобы покупать там мулов и лошадей, которых они по хорошей цене продавали «аргонавтам». Находившийся на индейской территории Норс-Форк в годы «золотой лихорадки» стал столь важным местом сбора караванов, что в 1853 году там было открыто почтовое отделение.

Другие индейцы стали для чужаков проводниками. Так, капитан Мэрси оплачивал услуги делавэрского проводника Черного Бивера, который умел «бегло говорить с команчами и с большей частью других племен прерии»³⁵. Кроме того, вожди цивилизованных племен, такие, как уважаемый вождь семинолов Дикий Кот, участвовали в улаживании конфликтов между краснокожими и бледнолицыми. Капитан Мэрси со-

общает, что команчи под давлением вождей криков и семинолов согласились позволить «белым людям спокойно и дисциплинированно проходить по их территории»³⁶, и гарантировали их безопасность. К сожалению, далеко не все белые люди были «спокойными и дисциплинированными», впрочем, не больше, чем команчи. Между недругами то и дело случались кровавые стычки.

А еще были индейцы, которые держали паромы. А поскольку они научились быть ловкими предпринимателями, сорокадевятники говорили, что они «обдирали их, как мормоны».

Мормоны

Очень трудно было переправлять через реки непомерно груженные повозки, тем более что многие из них просто невозможно переправить вброд. В 1849 году для этой цели построили несколько мостов и паромных переправ. Многие «аргонавты» жаловались на то, что мормоны, единоправно держащие перевоз на Коу, Южной Плате, Северной Плате и Грин-ривер, заламывали безумные цены за переправу повозок и скота³⁷. Кое-кто утверждал, что эти «святоши» были «евреями» с Больших Равнин. За эту скарედность многие презирали мормонов, особенно миссурийцы. Вчитываясь в материалы о путешествиях иммигрантов, осознаешь, что «набожные» мормоны использовали положение, сложившееся в результате «золотой лихорадки» с выгодой для себя.

Так, летом 1849 года стоимость переправы через Грин-ривер резко возросла во время притока пришельцев, спешивших к побережью: мормоны установили грабительский тариф. В несколько пунктов они согнали огромное количество лошадей и выменивали их на коней «аргонавтов» из расчета одна лошадь за три. Истощенных животных тут же отправляли на пастбища и через две или три недели снова обменивали с той же прибылью³⁸.

Если даже путешественники переставали бояться индейских стрел, то их поджидало множество других опасностей, и можно лишь восхищаться выносливос-

тью этих женщин и мужчин, многие из которых вовсе не были подготовлены к жизни, полной таких неожиданностей. Каждый день приносил свои радости и беды. На иммигрантов 1849 года обрушилась ужасная беда: холера. Она появилась сначала в Новом Орлеане, затем распространилась вверх по течению Миссисипи и докатилась до штата Миссури. Эта болезнь унесла 5 тысяч путешественников³⁹. Дороги через прерию были буквально усыпаны могилами.

Но убивала не только холера: люди тонули, переправляясь через реки, их косили дизентерия, горная лихорадка и просто несчастные случаи. Женщины умирали в родах, давая жизнь своим детям. Среди иммигрантов встречались слабые здоровьем люди и старики, умиравшие от истощения. Погибали люди и в ссорах.

Многие люди не признавали ни веры, ни закона, или просто были жестокие по натуре. Они с легкостью пускали в ход нож или револьвер по пустяковым поводам. В таких случаях караван создавал комитет для суда над виновным, которого обычно изгоняли из общества без оружия и продуктов либо просто вешали. Особенно много споров вызывало установившееся правило субботнего отдыха. Наиболее набожные настаивали на том, что по субботам продолжать движение нельзя. Менее истово соблюдавшие эту религиозную традицию и более осторожные хотели продолжать движение. А как их осуждать, если вспомнить о беде, постигшей конвой Доннера, застигнутый внезапной зимой на склонах Сьерра-Невады в 1846 году? Эта история стала одной из величайших трагедий миграции в Калифорнию. Из 87 иммигрантов 40 умерли от холода и голода, а уцелевшие выжили только потому, что стали людоедами. Дети ели своих родителей, родители – детей, мужья – своих жен. Выжившие указали на одного молодого испанца по имени Батист. Тот признался, что съел «Джейка Доннера и младенца: ребенка – сырым, а Джейка немного поварил, а голову его поджарил. Мясо не слишком вкусное, вроде немного подпорченной баранины; но от голода съешь что угодно...»⁴⁰.

По мере продолжения пути ссоры между участниками караванов становились столь частыми, что, еще не

доходя до Сьерра-Невады, между бывшими товарищами происходил разрыв. В состоянии, близком к психологическому срыву, «аргонавты» говорили почему-то, что идут «посмотреть на слона». Некоторые с полпути возвращались, потеряв способность сопротивляться и утверждая, что «достаточно посмотрели на слона». Другие, уставшие от своих спутников, покидали караван и, предоставленные самим себе, пропадали в щелочных пустынях Большого Бассейна, где почти не растет трава, а вода ядовита для зверей и людей.

Долина Смерти

Форт Лерейми (Вайоминг) и Санта-Фе (Нью-Мехико) были пунктами остановки на калифорнийской дороге. Форт Лерейми, до которого путешественники, проделав 1100-километровый путь, обычно добирались в июне, принадлежал Америкен Фьюэр Компани. Здесь у окрестных индейских племен скупались меха и бизоньи шкуры. С приходом «золотой лихорадки» форт стал главным местом сбора «аргонавтов», выбравших тропу Калифорния–Орегон. Здесь собирались индейцы, трапперы и иммигранты – многолюдная колоритная толпа, тут же шла бойкая торговля лошаадьми и мулами.

Санта-Фе на юге, со своими фанданго*, хорошенькими девушками и элегантными кавалерами, был вершиной цивилизации. На берегу реки Таос в богатом ранчо жил Кит Карсон, знаменитый проводник, ставший впоследствии видной персоной Запада. Один «аргонавт» пишет о нем как о «высшем представителе расы трапперов Скалистых гор»¹¹. Он отмечает также его элегантность и щедрость по отношению к иммигрантам, которых он кормил, не беря с них за это ни гроша, порой закалывая даже целых быков.

После этих двух остановок и относительного покоя путешественникам предстояло независимо от выбора дальнейшего маршрута преодолеть ужасные трудности. В западной части Больших Равнин высятся грандиозные массивы Скалистых гор, с почти от-

* Фанданго (*исп.*) – кастильский и андалузский народный танец, сопровождаемый пением.

весными склонами, красный цвет которых переливается на солнце разными оттенками. Однако немногие находят время полюбоваться этой величественной красотой. Хотя переход через Южный перевал был относительно легким, после него путешественники оказывались в крайне знойной пустыне, которую следовало преодолеть перед подъемом на высокие, поросшие сосной горы на пути в Форт-Холл. Потом дорога шла вдоль Рефт-ривер и реки Гумбольдт, а затем вновь уходила в другую пустыню. Повсюду валялись трупы и скелеты животных, разбитые и брошенные фургоны. Мулы, быки и лошади дохли от истощения и жажды. Потеряв их, путешественники продолжали путь пешком и при переходе через Сьерра-Неваду, западный склон которой величественно ниспадает в калифорнийскую Большую Равнину, теряли последние силы. У иммигрантов была привычка вырезать на рогах мертвых животных послания к следовавшим за ними путешественникам – свидетельства их радостей, огорчений, страданий, а порой – советы и предостережения.

Третья часть всех иммигрантов выбирала короткий путь через Солт-Лейк, который вел в город мормонов. Эта дорога, разумеется, была самой короткой, но шла через щелочные пустыни Юты и негостеприимные районы Невады. И здесь на дороге встречались разбитые двуколки и скелеты животных. Путешественники страдали от невыносимой жары и жажды. Животные порой доходили до бешенства. Продвигался караван очень медленно, и истощенные, выбившиеся из сил иммигранты старались срезать путь, сходя с троп, проложенных трапперами и геологоразведчиками. Именно так разделился караван Уильяма Льюиса Манли. Несмотря на предупреждения проводника-мормона капитана Ханта, небольшая группа свернула на незнакомую дорогу, которая привела их в пустыню длиной 225 километров и шириной от 10 до 25, выжженную солнцем и почти абсолютно безводную, где температура в летнее время доходила до 55 градусов.

Караван Манли состоял из 13 мужчин, 3 женщин и 6 или 7 детей. Продвижение с повозками и скотом на этом участке было медленным и трудным, а скоро стало и вовсе невозможным. Людям не хватало еды, воды

и фуража для животных. Манли, человек очень молодой, решил отправиться дальше с одним из спутников, чтобы попытаться отыскать лучшую дорогу и найти помощь. Они ушли пешком, взяв лишь заплечные мешки. В первый вечер они раздобыли немного воды. Затем целых 60 часов шли без единого глотка, если не считать кусочков льда, отколотых от скалы, и наконец добрались до вершины. Незабываемое зрелище открылось их взорам: «Это был самый восхитительный пейзаж на свете – прерия, площадью примерно в тысячу акров, зеленая, как травяной ковер в тени дубравы... После унылой и бесконечной пустыни нам казалось, что мы воочию увидели рай, и по нашим лицам потекли слезы»⁴². В этом раю жили ранчерос. На ранчо Сан-Францискито им дали продуктов, трех лошадей и мула, и они тут же отправились обратно в пустыню к своим товарищам. Но когда они вернулись, то увидели тело сначала одного из них, затем и других... Этой пустыне беды и печали Манли дал название Долина Смерти.

Путь из Мексики показался менее длинным и трудным, но и здесь приходилось преодолевать засушливые пустыни. Чарлз Эдвард Пенкост пишет, что до Форта Юмы при слиянии Хлы и Колорадо он шел 21 день по местности, «настолько лишенной всякой съедобной растительности, что ее избегали даже животные. На протяжении 400 километров, или больше, единственными живыми существами, которых мы видели, не считая одного бобра, были тарантулы, скорпионы да один несчастный, вконец изголодавшийся олень. Здесь не задерживались даже москиты»⁴³.

Другие путешественники не нашли для утоления жажды ничего, кроме скважины с водой, кишевшей личинками. Чтобы не проглотить «младенцев-москитов», им приходилось пить, не разжимая крепко сжатых зубов⁴⁴.

Имена «аргонавтов» следует поставить в один ряд с именами трапперов, которые первыми начали осваивать заповедные леса, пустыни, горы и реки Дальнего Запада.

ЖИЗНЬ НА ПРИИСКАХ

«Взгляните на нагромождение палаток и шалашей в этом глубоком ущелье. Какая деятельная толпа оживляет это зрелище... Подобно бедному ирландцу, отправившемуся на поиски гнома¹, эти люди зарываются в землю, чтобы им улыбнулся Бог золота. Это золотоискатели»².

Так пишет Алонсо Делано, нью-йоркский сорокадевятник, чьи калифорнийские хроники раскрывают историку удивительную картину жизни на золотых приисках.

Вот нарисованный им портрет золотоискателя:

«Его борода и волосы, не стриженные уже несколько недель, указывают на то, что он принадлежит племени “ливи” и что мыло и бритва – вещи в горах бесполезные; его широкополая шляпа с круглой низкой тульей свидетельствует о его приверженности к калифорнийской моде. Он знает, что его рубаху, сшитую из красной фланели, нужно стирать не чаще, чем раз в месяц. Его замызганные штаны землистого цвета будто специально рассчитаны на здешний климат, с большой, как дверь, дырой на сидалище и с многочисленными “окнами” на ногах, как видно, для улучшения циркуляции воздуха. Большие пальцы его ног, торчащие как лягушки, из носков рваных сапог, словно постоянно что-то вынюхивают»³.

Другой сорокадевятник, Уильям Льюис Манли, вспоминал: «Когда-то тот, кто готовился стать калифорнийским золотоискателем, начинал так: покупал осла и вьючное седло, взваливал на него груз – фунтов пятьдесят муки, много лярда*, фасоль, молотый кофе, соль, небольшой кофейник, сковородку (для жарения блинов), лопату, кирку и кувалду, банку со средством от укусов змеи и т.п. У него была пара тяжелых грубых сапог, дешевые штаны, белая шерстяная рубаша и большая мягкая шляпа; на поясе висели револьвер «кольт», нож в чехле и жестяной таз. Многие бережно хранили Библию, врученную матерью в момент отъезда. Это составляло почти все его снаряжение. Некоторые прихватывали с собой топорик или другие полезные инструменты. Многих сопровождали друзья, экипированные подобным же образом. Они пускались в путь, не зная, куда конкретно собираются попасть...»⁴

Калифорнийский золотоискатель находился в непрерывном движении. Он постоянно слышал разговоры о новых открытиях, о баснословно богатых золотых жилах. Даже работавший по найму очень часто уходил от хозяина в надежде найти более выгодное место, «сорвать большой куш», большую ставку. Он складывал палатку, навьючивал своего мула или осла и отправлялся на новое место. Золотоискатели остервенело лазали по горам, спускались в овраги, копали землю, дробили киркой камни, промывали песок. Всегда в работе, от зари до сумерек, одержимо вождедея напасть на золотую жилу⁵.

Россыпи

Россыпи назывались по именам северных и южных месторождений, в зависимости от того, находились ли они вверх по долине Сакраменто или же вниз по Сан-Хоакину. От Фресно-ривер на юге до Норс Форк Фезер-ривер на севере поиск шел на каждой реке. Горные ручьи и притоки крупных рек столетиями несли блески и самородки золота, осаждавшиеся в песчаных отмелях, в береговых откосах, в речных руслах.

* Лярд (*англ.*) – топленое свиное сало.

Каждый камень на пути водного потока становился препятствием, около которого могло отложиться золото.

Земля у подножия Сьерры также таила в себе много драгоценного металла. В южных месторождениях он встречался прямо на поверхности в виде самородков или вкрапленный в кварц; в расселинах счастливицы порой находили многофунтовые скопления. В северных месторождениях золото встречалось главным образом в виде жил в гранитных слоях, и его извлечение требовало применения дорогих и сложных способов добычи, недоступных золотоискателю-одиночке.

Район, в котором были открыты первые жилы, золотоискатели называли Материнской жилой⁶. Эта местность простирается на 200 километров, и ширина его составляет от нескольких сотен футов до 3 200 метров. Ее северная граница находится на севере Коломы, в графстве Эльдорадо, а южная – в графстве Мерипозе. На севере Эльдорадо находится ряд горно-промышленных графств: Плейсер, Невада, Юба, Сьерра, Батт, Пламас и, наконец, Шаста – самое северное. В 1848 году там работали 5 тысяч золотоискателей. Эта цифра выросла до 40 тысяч в 1849 году и до 50 тысяч в 1850-м. Предполагаемое общее число добытчиков в 1852 году составляло 100 тысяч, а в 1855 году – 120 тысяч, из которых 20 тысяч были китайцы⁷.

Кроме отдельных золотоискателей поиск золота вели также более или менее крупные компании, располагавшие усовершенствованным поисковым оборудованием. Но для многих из них калифорнийское золото оказалось лишь миражом. В 1851 году начался отток золотоискателей. По свидетельству современника, с 1 мая по 31 декабря 1851 года в Калифорнию прибыли морем 18 817 иммигрантов и по суше 6 тысяч, а покинули этот Золотой штат 16 тысяч человек⁸.

После нескольких месяцев, а то и лет поиска большинство золотоискателей, потеряв здоровье или упав духом, покидали прииски. Другие остались в Калифорнии, чтобы заняться скотоводством и сельским хозяйством, торговлей или же спекуляцией недвижимостью, приносившей большие деньги.

Для первых золотоискателей добыча была свободной, и единственным их законом был закон лагеря:

когда между двумя людьми возникал спор об участке, его разбирали другие золотоискатели из этого же лагеря, и решение принималось большинством голосов. В течение 1848 года перед массовым притоком золотоискателей был введен закон, подобный действовавшему в Латинской Америке: удовлетворялась заявка того, кто первым открыл на участке золото. Если первооткрыватель оставлял участок, его мог захватить кто угодно. Участок можно было также обменять и обосноваться в другом месте. Но таким способом ни в каком случае нельзя было перекупить несколько участков у тех, кто покидал месторождение.

Остановив выбор на каком-то участке, золотоискатель должен был обозначить его границы, обнаружить свое право на него и защищать от захвата другими золотоискателями. Границы участка обычно обозначали вехами, вкопанными в землю. Чтобы избежать земельных споров, выбирали регистратора, на которого возлагалась обязанность вести реестр с описаниями всех участков и регистрировать передачу прав на них. Чтобы сдерживать наплыв иностранцев, 13 августа 1850 года был издан закон, обязывающий каждого чужака уплачивать ежемесячный налог в сумме 20 долларов, который впоследствии был снижен до 3 долларов⁹.

Из месяца в месяц нарастала враждебность американцев к иностранцам. Особенно косо они смотрели на чилийцев, потому что те, прибывшие первыми на золотые месторождения, сколачивали солидные капиталы. В 1851 году одна группа чилийцев и мексиканцев за несколько месяцев добыла золота не меньше чем на 500 тысяч долларов¹⁰. Было чему позавидовать!

Недолюбливали на приисках и бывших каторжников, прибывших из Австралии, а также ирландцев – больших пьяниц и дебоширов. Самыми мудрыми были немцы. Что касается французов, то из многочисленных свидетельств следует: не будучи слишком воинственными, они не находили взаимопонимания со всеми другими золотоискателями независимо от их национальности, кроме мексиканцев. Сент-Аманг так пишет о своих соотечественниках: «Моральный уровень французов в Калифорнии в сравнении с населением метрополии, выходцами из которой они были,

был ниже соответственного уровня представителей других национальностей. Одним словом, наше положение не было выигрышным»¹¹.

Капризы Фортуны

Золотоискатели 1848 года находили золото с такой легкостью, что считали жилы неисчерпаемыми. Они добывали его на сумму до 500 долларов в день и, думая, что «фортуна будет улыбаться им всегда, растрачивали эти деньги на выпивку, на игру, на покупку хороших лошадей и на одежду по самой последней кричаще-яркой индейской моде»¹². Судя по тому, что калифорнийские индейцы вообще не носили одежды, речь, очевидно, шла о мексиканской моде, поскольку для американцев все метисы были индейцами. Это замечание тем более забавно, что в своем личном дневнике почтенный английский врач Дж. Тируитт-Брукс сообщает, что индейцы тратили «все свои доходы на “огненную воду” и на всякие побрякушки» и что ему случалось видеть людей, «роскошно одетых по испанской моде»¹³.

В то время на приисках еще преобладала честность. Если у какого-то золотоискателя не оказывалось денег, он мог попросить их у первого встречного. «Любой всегда давал займы, и долг всегда возвращался в условленное время»¹⁴. Массовый приток иммигрантов изменил условия, в которых работали первые золотоискатели. И если кое-кто загребал буквально груды золота, то большинству не доставалось больше нескольких самородков. Золотые прииски, как справедливо замечал француз Эдуард Ожер, это лотерея, в которой ставятся на карту изнурительный труд и здоровье¹⁵. Удачливых можно было пересчитать по пальцам, неудачники были неисчислимы.

«Сколько загребают некоторые! – писал один сорокадевятник своей семье. – Мне почему-то не дано накопить этого металла, называемого ЗОЛОТОМ... Уже пять месяцев я до изнеможения его ищу, а у меня всего 100 долларов, меньше, чем в день, когда я начинал»¹⁶.

Насколько рискованно золотоискательство? И по какому капризу судьбы квакер Чарлз Эдвард Пенкост зарабатывал 25 долларов в день (на двоих с компаньо-

ном), а его «цветной» сосед 100?¹⁷. Что можно сказать о двух друзьях, работающих бок о бок, когда один за неделю намыл золота на 20 долларов, а другой на 6 тысяч?¹⁸ Или об обескураженном старателе, который оставив свой участок и нанявшись в горно-рудную компанию за 2 доллара в день, узнал, что человек, взявший его участок, за месяц добыл на нем золота на несколько тысяч долларов?¹⁹

Отсутствие знаний также могло дорого обойтись золотоискателям. Чарлз Эдвард Пенкост рассказывает, что перед его палаткой лежал большой камень, служивший ему сиденьем. Как-то в воскресенье к нему пришел молодой старатель и попросил у него этот камень, так как увидел на нем золотую блеску. Пенкост отдал камень, и восторженный юноша показал его торговцу. Тот, внимательно осмотрев камень, выложил парню 200 долларов, а потом разбил камень и извлек из него золота на 3 тысячи долларов²⁰.

Тяжелая доля золотоискателя

Перекопанная земля, глубокие выработки, запруды на всех реках свидетельствовали о титанической работе, проделанной золотоискателями в поисках золота. Вокруг Грасс-Велли в кварцевых жилах были открыты богатые прожилки золота, и мы узнаем от одного из современников, что французы первыми построили «кварцедробилки» и «восстановительные печи» в графстве Невада²¹. Не следует, однако, думать, что французы сделали состояние во время «золотой лихорадки». Все они или почти все быстро отступили, не выдержав разочарования и междоусобиц.

«Через два или три месяца, – сообщает де Лаперуз, – возникали разногласия, взаимное непонимание, вынуждавшие золотоискателя разрабатывать свой участок самостоятельно, не имея шансов на, казалось бы, вероятную удачу, тогда как американцы, англичане, немцы, работающие по соседству, собирали значительные средства, непоколебимо соблюдая правила и обязанности взаимопомощи»²².

Чтобы вести поиск в руслах рек, золотоискателям приходилось отводить воду, строя плотины и делая

запруды. Лишь после этого можно было выгрести из русла толстые слои песка и грязи, чтобы добраться до гигантских котлообразных полостей, в которых скапливался драгоценный металл. Но этот способ был под силу только крупным объединениям. Золотоискатели, работавшие небольшими группами, обычно довольствовались отведением части вод, направляя их так, чтобы они падали каскадом на своего рода каменные ступени. Именно на них и оседало золото.

Для отделения золота от земли и гравия в арсенале золотоискателя были различные инструменты. Наипервейший из них – деревянный или железный поддон. Его наполняли землей и подставляли под струю воды, чтобы получить разжиженную массу. Удалив самые крупные камни, блюдо опускали в реку и встряхивали, чтобы заставить подняться на поверхность легкие частицы, тогда как тяжелые оставались на дне. После нескольких таких промывок на дне оставался драгоценный металл.

Вторым инструментом, уже более усовершенствованным, был промывочный лоток – жестяной ящик без крышки длиной 5 или 6 футов с множеством отверстий в дне. Как пишет автор одного из путеводителей для золотоискателей, вышедшего во Франции в 1849 году, «для работы с этим рокером требовалось 4 человека: один бросает выкопанный песок на берег реки, другой засыпает его в устройство, третий поддерживает механизм в качающемся движении, четвертый черпает воду и энергично льет ее на песок. Промытое таким образом золото при просеивании легко отделяется от мелкого песка, к которому оно прилипло»²³. Рокер дает результат, в четыре раза превосходящий промывку с помощью поддона.

Затем следует «длинный том», по утверждению Эдуарда Ожера, самый модный инструмент в 1851 году. Используемый в течение 20 лет на приисках штатов Джорджии и Каролины, он появился в Калифорнии зимой 1850/51 г. Это усовершенствованный рокер пятнадцатифутовой длины. Один его конец выполнен в виде решета, под которым находилась деревянная ванна с нарезным дном. Чтобы задействовать устройство, в него пропускали поток воды, тогда как

двое мужчин с лопатами бросали туда золотосодержащий гравий, а третий его перемешивал. Вода уносила песок и оставляла на дне ванны золото.

Понимая, что как «длинный том», так и рокер пропускают много частиц золота, золотоискатели усовершенствовали эту систему. Так родился слус – деревянное устройство для промывки золотосодержащего песка. Оно представляло собой дощатую трубу, под которой находились ванны с нарезным дном. Длина некоторых слусов достигала нескольких сотен футов, иные измерялись тысячами футов. Работали на них двадцать человек. И в рокерах, и в «длинном томе» в устройство заливали ртуть, чтобы удержать частицы золота, которые в противном случае вода уносила бы поверх нарезов.

Вода становилась для золотоискателя просто драгоценной. С помощью деревянных водоводов, которые называли лотками, американцы подводили воду к россыпям, удаленным порой на 15 километров. Слусы иногда объединяли с системой, называвшейся «большая гидравлика». Эта система состояла из водоводов высотой 20 или 30 метров, подвешенных в воздухе на столбах. Так воду подводили к склону горы. На конце водовода была закреплена жестяная труба длиной 20 метров и диаметром в несколько сантиметров, заканчивающаяся узким соплом. Сильные струи воды отрывали золото от земли и от связывавшей его пустой породы. Но такая большая гидравлика была слишком разрушительна. Всего за один день можно было размывать склоны горы.

Смерть золотоискателя

Труд золотоискателя тяжел: по пояс в ледяной воде Сьерры, с головой, открытой обжигающему летнему солнцу, с постоянной болью в спине от изнурительной работы киркой и лопатой²⁴. В этой борьбе выживают только самые выносливые. И нет ничего удивительного в том, что все большее число золотоискателей бросало россыпи ради более легких занятий или чтобы вернуться на родину. Ведь к смертельной усталости от работы на россыпях прибавлялись еще и от-

нимающая последние силы цинга, вызываемая скудной пищей, дизентерия, различные виды лихорадки, пьянство, а также раны от пуль, стрел и ножей. Врачей было мало. Дж. Тирвитт-Брукс, исследовавший район Материнской жилы в 1849 году, пишет, что к нему непрерывно стали обращаться золотоискатели. Он получал унцию золота за консулгацию, «и работа такого рода была одновременно и более прибыльной, и менее изнурительной, чем манипуляции промывочным поддоном»²⁵. Лаперуз, отправившийся на южные россыпи с юным врачом-хирургом Эмилем Амуру, сообщает, что его товарищ быстро оставил кирку и принялся лечить больных. «В кошелек Эмиля рекой потекло золото», – пишет он²⁶.

Консулгации и медикаменты стоили непомерно дорого. Чарлз Эдвард Пенкост, страдавший от цинги и «проклятых язв по всему телу», консультировался у некоего доктора Роджерса, который посоветовал ему есть картофель, дал две коробочки хинина и потребовал 50 долларов – и это была еще «“божеская” цена!»²⁷. Но, как говорит наш добрейший квакер, «эта сделка лучше, чем смерть»²⁸.

Людей убивали белая горячка и цинга, периодические нападения индейцев и драки между золотоискателями, бандиты и... климат. Многие золотоискатели накладывали на себя руки, не в силах перенести одиночество, неприятности и усталость. Люди становились циничными и безразличными друг к другу и к смерти; к смерти – в одиночестве от пьянства, или же от какой-нибудь болезни, или от несчастного случая. Сколько старателей умирало подобно зверям в своем логове, никому не нужных, без всякой медицинской помощи, не выслушав утешительных слов священника, лишенных всякого дружеского участия? «Потому что одной из характерных особенностей золотых россыпей был ужасающий, жесточайший эгоизм, охвативший решительно все души», – отмечал чувствительный юный сорокадевятник Леонар Кип²⁹. В палатке умирает покинутый всеми человек? «Может быть, спустя неделю кто-то зайдет сюда, чтобы попросить у него на время какой-нибудь инструмент, и увидит труп. Он позовет друга, и они вдвоем предадут тело земле там, где он лежит, и за свою работу поделают между со-

бой палатку и провизию умершего. Таков конец бедного золотоискателя»³⁰.

Священники были на россыпях еще более редки, чем врачи, и по крайней мере в начале «золотой лихорадки» кое-кого из приехавших пастырей можно было видеть чаще с киркой, чем с Библией в руке. Таким становилось духовное лицо, ставшее жертвой «золотой лихорадки». Джеймс Х. Кэрсон свидетельствует: «Умер золотоискатель, которого все очень любили, и мы хотели сделать его похороны настолько пристойными, насколько это позволяли обстоятельства. Даже пригласили пастора, чтобы совершить службу...»

Могила была вырыта в нескольких сотнях метров от лагеря, и пастор, прочитав длинную главу из Библии, стал молиться. Он молился около десяти минут перед людьми, стоявшими на коленях вокруг могилы. Явно думая, что дело слишком затянулось, они принялись исследовать отброшенную землю и заметили, что «в ней сверкнуло золото». «Пастор вошел в раж, – рассказывает Кэрсон, – прикрыл глаза, а его мольбы о душе усопшего разносились по горам, холмам и долинам. Потом он остановился и открыл один глаз, чтобы видеть, что взволновало его аудиторию. Очень спокойно спросил: “Что там такое? Золото? Боже правый! Это та самая земля, которую мы так искали”.

Он поднял руку, сказал золотоискателям, что “собравшиеся могут разойтись”, и послал за лопатой и тазиком. Нет нужды говорить о том, что бедняга Джордж Б. не был погребен в этой могиле, что его вынули из его богатой ямы и вырыли новую могилу, высоко на склоне горы»³¹. Совпадение этих свидетельств показывает, насколько не хватало набожным золотоискателям присутствия пастора и теплоты братства, освященного евангельской верой, с которой они могли бы радостно воздать хвалу Богу.

Лагеря золотоискателей

Золотоискатели жили в лагерях, как солдаты в военное время. Одни – в палатках, другие – под прикрытием навесов из листвы деревьев. Спали прямо на земле, закутавшись в одеяло, порой подложив под голову са-

поги вместо подушки. Собиравшиеся провести в горах зиму, строили себе бревенчатый домик, но очень примитивный! Пол в комнате – земляной, окна – без стекол, но был большой очаг для тепла и приготовления пищи. Вдоль одной из стен располагались деревянные двухэтажные нары из грубо отесанного дерева. Другие жили в своего рода пещерах, вырытых в склоне горы, в хижинах из шкур или в саманных постройках. В центре стоял стол, обычно сколоченный из четырех вбитых в землю колов, и еще нескольких сверху. На полке золотоискатель расставлял свою «посуду», провизию, и там же складывал золото. В углу находились его инструменты, а также ружье.

Лагерям старателей давались причудливые названия, либо по национальности местных обитателей, либо по месту, откуда приехали работавшие люди, либо по имени открывшего здешнюю жилу: «Чилийская жила», «Французская жила», «Жила св. Льюиса», «Китайская россыпь», «Миссурийская жила», «Квартира Мура» и т.п. Лагеря эти большей частью были временными. Исчерпав россыпь, золотоискатели отправлялись на другое место. Если лагерь задерживался на одном месте продолжительное время, какой-нибудь предприниматель открывал в нем торговый пост, другой – «семейный пансион», иногда служивший также и салуном, а то и борделем. «Семейными пансионами» были обычно простые палатки, лишённые самого элементарного комфорта.

Так Финеас Блант по пути в Стоктон остановился в местном пансионе, называвшемся «Палаткой Зеленой Весны». «Владелец жил в ней с женой и ребенком. Спали они на полу, в той же комнате, где и его клиенты... Обычные жизненные удобства здесь неведомы», – жаловался он. Тридцатью километрами дальше он сделал очередную остановку на ночлег. «В очаге “Орегонской палатки” пылают дрова, вокруг сидят промерзшие и промокшие калифорнийцы и сушат одежду и ноги»³². В приисковом лагере «Биг Оук Флэт» на юге Соноры – это название переводится как «Квартира большого дуба» – семейный пансион выходил за рамки обычных представлений: он был устроен в стволе гигантского дуба, сердцевина которого сгнила от времени, обрубленного на высоте примерно 4 метров от уровня зем-

ли. Его владелица, энергичная норвежка, своими руками выдолбила гниль, накрыла дуб крышей, прорезала окна и дверь, и как сообщает Пенкост, «эта старая дама сколотила себе состояние приготовлением еды для золотоискателей и приезжих. Она брала по доллару за обед, состоявший из свинины с фасолью, сушеных яблок и хлеба»³³.

Иногда в таком лагере была и гостиница – как в лагере «Индийская Жила» на северных россыпях, где на берегу реки «изумрудного цвета» среди ям и рытвин расположились 20 палаток и хижин. Эта гостиница, рассказывает очевидец, представляла собою «просторную обветшалую хижину под крышей из грубой дранки, над входом в которую красными буквами с ошибками было выведено имя Гумбольдт». Это была единственная гостиница в районе, и у нее всегда было полно клиентов. Ее достоинствами считались «превосходная дорожка для боулинга, бар с деревянным полом, на котором можно было танцевать, и повар, умевший играть на скрипке»³⁴.

Торговый пост

На торговом посту золотоискатели могли купить продукты, боеприпасы, инструменты, одежду, виски и табак; здесь же они узнавали последние новости. Хозяинчавший здесь лавочник – трейдер отнюдь не был бессребреником – цены кусались. Милтон Холл писал отцу в 1852 году из Грин Маунтин Бар: «Только один или два человека получают больше того, чем стоит жизнь на приисках: ветчина идет по 45 центов за фунт, свинина 25 центов, картофель 15–18 центов, гвозди 25 центов... Но золотоискатель в состоянии заплатить только за жареную свинину и муку»³⁵.

В этот период в Калифорнии было столько людей, лишенных всякой совести, что большинство золотоискателей, говорит Манли, отправляясь за покупками, брали с собой небольшие весы, чтобы не быть обманутыми каким-нибудь типом, оперирующим фальшивыми гирями: все сделки оплачивались золотым порошком, стоившим 16 долларов за унцию»³⁶.

Сетованиями на дороговизну жизни полны все письма с приисков. Леонар Кип жалуется на то, что невысказанно подорожали свечи, которые стоят теперь по доллару за штуку³⁷. В то время в Плейсервиле генерал Фрэнсис Дорн платил 1,5 доллара за фунт муки³⁸. В Вивер Крике, пишет Э. Гулд Бэффем, фунт муки продавали за 1 доллар, вяленую говядину за 2 доллара, свинину тоже за 2, патоку по 4 доллара за галлон, бутылка какого-нибудь «несчастливого рома из Новой Англии» стоила 8 долларов. «Требуя эту цену, трейдер и перевозчик извлекали больше прибыли из труда золотоискателя, чем он сам»³⁹.

Еще больше, чем золотоискателей, торговцы обманывали индейцев. За отмеривавшийся ложками золотой порошок они сбывали местным «заплесневевший хлеб», «гнилую треску», «пересушенную говядину» и «твердые, как камень, галеты»⁴⁰.

Трейдер был плутократом приисков. Однако и он тоже высказывал свои претензии: прежде всего слишком многие золотоискатели, которым он давал товары в долг, не могли расплатиться. Кроме того, он жаловался на слишком высокие закупочные цены в Сан-Франциско или в Сакраменто, и, наконец, считал чрезмерными транспортные тарифы за доставку товаров на прииски. Это заставляло многих трейдеров «приобретать караван мулов» и, оставляя свой магазин на помощника, самим везти товары через горы и холмы.

На вид ничто не отличало торговца от золотоискателей. «С неистощимой энергией, — пишет Алонсо Делано, — трейдер преодолевает все тяготы пути, не думая ни об одежде, ни о комфорте и утонченности, и предстает теперь перед нами с бородой золотоискателя, в таких же, как он, рубашке и штанах, всегда с готовой шуткой на устах. Он усваивает золотоискательский жаргон и ищет золото в золотоносных оврагах его карманов...»⁴¹ Нам известны цены, назначавшиеся молодым трейдером из Новой Англии Стефеном Чейпином Дэвисом, который в 1850 году открыл магазин — вымощенную булыжником палатку — на Юба-ривер. Он закупал товары в ближайшем городке Мэрисвилле. Он перепродавал за 5 долларов кирку, за которую сам заплатил 3; за 25 центов фунт двенадцатицентовой соли, за 1 доллар фунт пятидесятицентового кофе. Если

лярд, соленая свинина и картофель давали ему скромную прибыль, то на ртути она была огромной: действительно, ртуть, стоившую 85 центов, он перепродавал за 2 доллара⁴².

Скоро он перестал довольствоваться этой процветающей торговлей и решил заняться доставкой писем золотоискателей в Сакраменто и Сан-Франциско: привозить с почты адресованную им корреспонденцию. Все постоянно с нетерпением ждали вестей от своих семей. «Горный почтальон» стал обычным персонажем калифорнийских приисков, и там никого не ждали с таким лихорадочным нетерпением. Братья Дэвисы объехали окрестные золотоискательские лагеря и получили разрешение 300 золотоискателей на получение для них почты. Юный Стефен Чейпин сразу же отправился в Сан-Франциско. Меньше чем через три недели он вернулся с пятью десятками писем и с товаром на 300 долларов: «Я выехал из Сан-Франциско сразу же после прибытия парохода из Соединенных Штатов, купив 125 экземпляров нью-йоркских и новоорлеанских газет по 15 центов и продал по 50 центов каждую. Почтовые расходы составляют 45 центов, но мы получаем по 1 доллару и 50 центов за каждое письмо. Эта почтовая услуга более чем окупает дорожные расходы, и товары, которые мы продаем, обходятся в Сан-Франциско вдвое дешевле, чем будут стоить в Мэрисвилле»⁴³.

Алонсо Делано в свою очередь сообщает, что такой «почтальон», как правило, получал от 1 до 2 долларов с писем, которые доставлял на прииски, и 50 центов с тех, что отвозил на почту.

С каким волнением эти суровые люди, отрезанные от мира в диких горных ущельях, принимали почтальона! Каждый тут же отбрасывал кирку или лопату и бежал к ближайшему торговому посту, где раздавали почту. Однажды Делано увидел золотоискателя «в отчаянном состоянии», прислонившегося к дереву. Делано подошел к нему, чтобы увидеть его лицо. «Он получил письмо, и слезы ручьем катились по его щекам на длинную бороду. Были ли то слезы радости или печали? Никто этого никогда не узнает»⁴⁴.

Юный британец Т. Уорвик-Брукс 11 июля 1850 года пишет матери: «Вы не можете себе представить, как до-

роги здесь для нас эти свидетельства семейных уз... Боже мой... Когда кто-то из товарищей получает письмо, его поздравляют, как если бы он напал на карман – за лежь золота⁴⁵. Вообще, почта работала скверно. Многие письма терялись. Отсутствие вестей от родных и близких добавляло страданий золотоискателям. Того же 11 июля 1850 года Джордж Б. Ивенс отметил в своем дневнике: «Это самый счастливый день за все время, как я в Калифорнии. Я получил письмо от жены, первое письмо из дома, полное чувств и пожеланий счастья бродяге-мужу. Единственное дошедшее из двенадцати посланных писем»⁴⁶.

Будни золотоискателя

Благодаря письмам и воспоминаниям очевидцев можно с большой точностью представить себе, каким был обычный день золотоискателя. Вот что пишет Т. Уорвик-Брукс. Проснувшись в 4 часа утра, он натягивает «отвратительную старую рубашу и рваные, испачканные глиной штаны, почти лохмотья». «Я трачу на туалет три минуты, и заключается он лишь в том, что я чищу щеткой зубы перед завтраком и наспех ополаскиваю в реке лицо и руки, после чего бегу руководить распределением мяса, и по моей бороде стекает вода, делая меня похожим на речного бога»⁴⁷. А ведь Брукс хорошо воспитанный молодой человек, живущий с группой англичан, «очень чистоплотный и порядочный». Поэтому легко себе представить, какими средствами личной гигиены довольствовался менее цивилизованный человек. Там, где обосновывались люди, их ближайшими соседями становились блохи, вши, клопы.

Еда была простая: хлеб, ляд и фасоль, иногда блины, часто дичь. Бывало, что одна и та же посуда «служила для промывки золота, стирки одежды, замешивания теста и кормежки мула»⁴⁸. Еду старатели готовили по очереди, если не нанимали повара. Сразу же после завтрака мужчины принимались за работу. Начинался трудный день, проходящий с киркой или лопатой в руках. Люди просеивали песок, строили запруды, рыли каналы. С наступлением сумерек инструменты откла-

дывали в сторону. Зажигались лагерные костры, готовился ужин. Наступало время досуга. «Нас ждет долгий вечер, – писал Леонар Кип, – время, которое приходится чем-то занимать»⁴⁹.

О книгах на приисках почти не вспоминали. И даже если бы они были в лагере, то при такой стоимости свечей чтение стало бы занятием, которое могли себе позволить немногие. Чтобы как-то развлечься, самые спокойные и трезвые собирались вокруг костров и проводили вечер в болтовне, шутках и пении. Песни почти всегда напоминали о покинутом ими мире. Во всех письмах золотоискатели говорили о тоске по родине, о почти метафизической грусти одиночества, которая вечером угнетала их еще больше, чем днем. Ночная тишина постоянно нарушалась уханьем сов, криками диких гусей, воем волков. Последних было так много, и «они были такими дерзкими, – говорит Одюбон, – что крали у нас куски мяса, находившиеся у самой палатки, а однажды унесли большого гуся. Их бесконечный вой по ночам, крики диких гусей, а также гусей Хатчинсона (которых было очень много) и нестройные голоса цапель лишь обостряли печальную действительность, отделявшую нас от домашнего очага и от наших друзей»⁵⁰. Субботними вечерами во многих лагерях танцевали. Не было женщин? Ну и что с того! Золотоискатели веселились в мужском кругу.

Совершенно очевидно, что далеко не всех удовлетворяли эти непритязательные развлечения. Население калифорнийских приисков было чрезвычайно пестрым. Кроме выходцев из многих европейских стран с американцами смешивались мексиканцы, чилийцы, аргентинцы, перуанцы, полинезийцы, китайцы, индейцы и даже свободные чернокожие. Среди них были люди работающие, добродетельные, с возвышенным умом, но также и авантюристы, распутники, темные личности, не признающие ни веры, ни закона. Они только и делали, что пели грустные песни о доме, потому что, как совершенно справедливо заметил Леонар Кип, «многие из них, вероятно, никогда его не имели». С наступлением вечера они «выходят из своих палаток или из-под деревьев, где расстелены их одеяла, и отправляются в деревню, где в безумных оргиях тратят заработанное за день»⁵¹.

Но даже не уходя в деревню, в торговом посту или в «семейном пансионе» лагеря золотоискатели могут играть в карты, пить или даже транжирить на девиц с таким трудом собранное золото.

Порок и добродетель

Отсутствие на приисках женщин переживалось особенно болезненно. Когда Дэйм Ширли в 1851 году приехала к мужу в «Богатую Жилу», она встретила молодого парня из Джорджии, который не разговаривал с женщиной уже два года. «С сердцем, опьяненным этим радостным событием, он побежал покупать превосходное шампанское»⁵². И Алонсо Делано рассказывает, что утром в воскресенье он был разбужен одним из своих товарищей, который сообщил ему удивительную новость: ночью в лагерь приехала женщина с мужем. Схватив кирки и лопаты, пистолеты и ружья и прихватив с собой одну или две бутылки водки, лагерные мужчины направились к новой палатке. Прибыв на место они прокричали троекратное «ура» и разрядили ружья. Встревоженный супруг выскочил из палатки. Тогда, говорит Делано, «наш капитан взобрался на утес и обратился к ошеломленному мужу примерно в следующих выражениях: “Чужеземец, мы живем здесь в изоляции так долго, что больше не знаем ни о чем, происходящем в мире, и вообще уже позабыли, из чего он сделан. Мы помним, что наши матери были женщинами, но с тех пор прошло очень много времени, и следует признать, что мы позабыли, на что похожа женщина... Поскольку нам сказали, что вы ухватили одну, мы пришли, чтобы на нее посмотреть”»⁵³.

В мемуарах Чарлза Эдварда Пенкоста мы также находим анекдот, который показывает как истосковались старатели по женскому обществу. В один прекрасный день на прииск приехал человек с женой и двумя дочерьми семнадцати и пятнадцати лет. Он еще не успел завершить установку палатки, как несколько молодых людей уже принялись ухаживать за обеими девушками. Меньше чем через три дня один золотоискатель похитил младшую и женился на ней. Прошло несколько дней, и с другим галантным кавалером бе-

жала старшая. Отец, которого преследовала неудача, отправился искать золото в другой район. Когда он вернулся, то узнал, что его жена «также сбежала с каким-то весельчаком»⁵⁴.

Всеобщее, почти религиозное уважение к женщине царило на приисках, и это не преминул подчеркнуть француз Сент-Аман: «Вещь довольно удивительная для этой едва затронутой цивилизацией стране, где мужчина подвергается стольким опасностям, а женщина может путешествовать в полной безопасности». Действительно, насилия были редчайшими, и если случилось, что женщину где-то оскорбили, обидели или не признали, то это означало, что там не было американцев»⁵⁵.

Жизнь в Калифорнии для образованных девушек с хорошими манерами и привыкших к утонченности города, нелегка. Здесь нет «ни газет, ни церквей, ни лекций, ни театров, ни выходов за покупками, ни визитов, ни сплетен за чашкой чая, ни собраний, ни балов, ни пикников, ни живых картин, ни шарад, ни последних криков моды, ни ежедневной почты...» – жалуется Дэйм Ширли, сожалеющая еще и о том, что даже самые хорошо воспитанные золотоискатели, которые, живя в Соединенных Штатах, никогда не богохульствовали, «теперь сдабривают свой язык бранными словами»⁵⁶.

Огорчали добродетельных жен и дочерей старателей скученность и теснота, и поэтому часто одинокие дамы в приисковых лагерях попадали в дома терпимости и салуны. Недостаток женщин в Калифорнии придавал им особую товарную ценность. Увы, дома терпимости не пустовали, и их обитательницы едва успевали удовлетворять спрос. Однако Дэйм Ширли пишет, что гостиница в «Богатой Жиле», одноэтажное здание на десять номеров «с окнами в красных ситцевых занавесках, собранных в фестоны», была построена заядлыми игроками, как резиденция для двух «обездоленных созданий», которые торговали своими чарами. За отсутствием клиентов гостеприимный дом пришлось переделать. «Было бы большой честью для золотоискателей сказать, что эта спекуляция потерпела полный провал», – пишет Ширли. Мужчины «лишь окинули взглядом презрения и жалости этих созданий, к которым чувствовали искреннее сострадание»⁵⁷.

Было ли тут дело в добродетельности, или же несчастные были настолько испорченными, что золотоискатели предпочли воздержаться от увядшей плоти? Обратимся снова к письмам Т. Уорвика-Брукса. Юный англичанин рассказывает, что однажды один индейский вождь пришел в лагерь, чтобы продать мужчинам «ужасную маленькую сквау, совершившую “некое преступление”». Сначала он запросил 10 долларов, потом снизил цену до двух. Но она была так уродлива, что ему пришлось расстаться со всякой надеждой ее продать»⁵⁸. Таким образом, если верить свидетельствам того времени, похоже, что золотоискатели-англосаксы более охотно предавались чарам демона игры и пьяным радостям алкоголя, нежели плотским наслаждениям.

В мире, где все умы занимало золото, где сердца радовались лишь самым грубым развлечениям, где царил разгул самых варварских инстинктов, требовалось обладать большой нравственной силой, чтобы спасти свою душу. У золотоискателей не было недостатка в соблазнах. Духовно слабым людям далеко не всегда удавалось сопротивляться. В таких злочных местах, как салуны, не один золотоискатель спустил все свое золото, погубил здоровье, а бывало, и жизнь. Действительно, в тот период жизнь в Калифорнии была ужасным испытанием, особенно для молодых, и у Уильяма Льюиса Манли были все основания сказать, что «только тем фактом, что они представляли собою лучшую часть старых штатов, можно объяснить, что им относительно удавалось не впасть в порок»⁵⁹.

Однако не было недостатка и в примерах благородства, добродетели, порядочности, мужества. Калифорния обостряла инстинкты, как благородные, так и самые низменные. Т. Уорвик-Брукс, которого я опять цитирую как правдивого очевидца, отмечал, что Калифорния была «дикой страной солнца и цветов, безумных надежд и отчаяния, грубости и нежной, поистине рыцарской преданности, где все хорошее, что есть в человеке, становится лучше, а все его недостатки многократно усугубляются». Это также была страна, подчеркивает он, «самого полного свободомыслия, решимости и действенности, когда-либо известных на земле»⁶⁰.

Демон игры

Атеисты наравне со всеми соблюдали субботний отдых. Любопытно, что золотоискатели, и это подчеркивают очевидцы, прекращали работу в воскресенье. Но сразу же заметим: вовсе не ради прославления имени Господа. Даже в тех местах, где золото искали священнослужители, не было ни богослужения, ни молитвы. Бог был оставлен на покинутой родине, вместе с семьей и с хорошими манерами. Леонар Кип с грустью отмечал: «Среди развлечений золотоискателей большое место занимали попойки, вульгарные песни и нецензурная брань»⁶¹. Для набожных янки из Новой Англи эти воскресенья без молитвы были тяжким испытанием.

Самые мудрые обычно посвящали воскресенье работам по хозяйству, охоте и все тому же поиску золота, читали газеты многомесячной давности или играли в карты. Многие в этот день стирали и чинили одежду. «На приисках самыми неприятными из всех работ по дому были выпечка хлеба и стирка рубах», – отмечал Алонсо Делано. «Да простит меня Бог, если я когда-либо выражал неудовольствие плохим настроением женщины в день стирки. А так бывало; но я никогда до этого не был в Калифорнии и ни разу не выстирал для себя даже носового платка»⁶². Некоторые жены золотоискателей становились прачками: работа приносила доход. Только удачливые золотоискатели, имевшие богатый золотом участок, могли позволить себе прибегать к их услугам. В Джордж-Тауне – приисковом лагере при слиянии Кеньон-Крика и Американской реки, жена одного старателя в 1850 году брала за стирку рубахи 1 доллар⁶³. Дневной доход ее мужа на прииске был меньше.

Охота для мужчин была больше, чем просто способом отвлечься от однообразных будней. «Она придавала остроту жизни золотоискателя», – говорит Манли. Окрестности изобиловали зверем и дичью. Олени, антилопы, медведи, куропатки, перепела, голуби, утки, гуси не переводились. Чтобы добыть дичи на обед, хорошему стрелку не требовалось много времени. «Но, поднимаясь в гору, здешний охотник никогда не знал, встретится ли он лицом к лицу с сурком, оленем или с

медведем гризли»⁶⁴. Кроме того, охота предоставляла возможность знакомиться с пока еще девственными пространствами, представавшими во всей своей величественной красоте и дикой роскоши перед взорами переселенцев. Многие из них записывали впечатления в дневник. Великолепные, порой удивительные образцы растительного мира, красочные цветы, в весеннее время ковром устилавшие луга, прозрачные воды, низвергающиеся по крутым склонам Сьерры, поросшие лесом каньоны, осенью словно горящие тысячью костров, вызывают у всех восхищение и интерес, и кое-кто начинает мечтать о ферме или ранчо. «Мне хочется жить на ранчо, владеть пятью тысячами акров земли и тысячью голов скота и лошадей», – пишет Франклин А. Бак⁶⁵. Была у охоты и опасная сторона. У Эдуарда Ожера читаем: «Порой выстрел из огнестрельного оружия, направленный куда попало, поражает труженика, мирно спящего под сводом своей палатки»⁶⁶.

У этих огрубевших людей, одурманенных алкоголем, даже шутки порой приобретали опасный оборот. Так, один изрядно пьяный старатель однажды вылил бренди из бутылки на голову своего собутыльника, поджег его и выгнал из помещения с криком: «Человек горит! Выпроводите его отсюда!»⁶⁷ В другой раз пьяницы связали за косы двух китайцев.

Играли в фараона, покер, монте. Одновременно с девушками легкого поведения на калифорнийские месторождения прибывали и карточные шулеры. Такой профессиональный игрок кочевал из одного лагеря в другой, никогда не задерживаясь в одном месте больше чем на два или три дня – время, достаточное, чтобы «ободрать» нескольких неудачливых золотоискателей. Наивный старатель становился легкой добычей этих страшных людей. «На первый взгляд, – пишет Алонсо Делано, – его можно было принять за обычного золотоискателя». Разумеется, один взгляд на его холеные руки, а также ловкость, с которой он манипулировал картами, должны были дать понять его жертвам, что этот человек «искал вовсе не золотые “карманы” на прииске, а содержимое карманов партнеров по игре»⁶⁸. И все же страсть к игре овладевала многими из золотоискателей и уже не выпускала их из своих объятий.

Наш добряк-квакер Чарлз Эдвард Пенкост рассказывает, что однажды вечером, зайдя на торговый пост, чтобы сделать кое-какие покупки, он увидел там соседа, «миссурийца – доброго малого, но неграмотного и не признававшего светских манер, сидевшим за столом, где играли в фараона, а банкометом был известный шулер из Миссури – один из наиболее опасных». Пенкост тщетно пытался убедить соседа бросить карты и вернуться с ним в лагерь. Бедолагу хладнокровно обобрали на 8 тысяч долларов. «Подобные сцены разыгрывались в этих игорных вертепах каждую ночь», – жалуется Пенкост⁶⁹.

По свидетельству очевидцев, самыми азартными игроками были мексиканцы. Они делали самые крупные ставки и независимо от того, везло ли им или нет, всегда сохраняли невозмутимое спокойствие. Ни один мускул на их лице не выдавал ни радости, ни досады, а кучки самородков и золотых монет перед ними то росли, то таяли, а то и вовсе исчезали. Мексиканцы не были скупыми. Деньги нужны были им для того, чтобы их проматывать. Они считали, что золото было создано для того, чтобы играть, серебро, чтобы одеваться, а медь, чтобы питаться⁷⁰.

МАЛЫЕ ГОРОДА

В золотоносном регионе возникло множество малых городков: это Стоктон, Хэнгтаун (ныне Плейсервил), Невада-Сити, Грас-Велли, Джексонвил, Марипоза, Вивервил, Сакраменто, Сонора.

Именно Сонора была самым колоритным и живописным городом. Но вначале Сонора представляла собой золотоискательский лагерь. Ее основали мексиканцы из штата Соноры, которые прибыли сюда в 1848 году. Они поставили большую палатку, потом построили в два ряда жалкие хижинки, образовавшие улицу. Впоследствии здесь стали обосновываться торговцы и «предприниматели всякого рода».

Вслед за мексиканцами появились чилийцы, перуанцы, аргентинцы, американцы, китайцы. В Соноре вскоре проживало уже 5 тысяч жителей, и из золотоискательского лагеря она превратилась в шумный и процветающий город. Это едва ли не единственное место в Северной Калифорнии, где в 1849 году, как замечает канадец из Торонто Уолтер Перкинс, «можно было найти представительниц прекрасного пола»¹. Социальное положение прекрасных сеньорит соответствовало цвету их кожи; на первом месте были чина бланкас – белые китайки, и местисас кларас – светлые метиски; местисас неграс – черные метиски и чисто индейские женщины считались «пролетариатом». Но все были грациозными и элегантными.

Перкинс, бесценный хроникер сонорской жизни, в 1849 году открыл там магазин. Поначалу ему показалось, что он никогда не видел более прекрасного, дикого и романтического места. Кампо де Сонора – Сонорский лагерь, как его тогда называли, – утопал среди деревьев, а жилища были сделаны из толстой парусины, хлопчатобумажной ткани или из веток. Все они украшались «шелковыми драпировками ярких цветов, пестрым ситцем, флагами, всевозможными предметами, сверкающими и яркими: повсюду были разбросаны разноцветные мексиканские сарапе*, богатые манги**, расшитые золотом, самые дорогие китайские шарфы и шали, седла, уздечки, позолоченные и посеребренные шпоры. Эта картина напоминала описание колоритных восточных базаров»².

В лавках продавались самые роскошные вещи: кружевные мантильи, кашемировые шали, шелковые чулки, атласная обувь. Богато отделанные седла и переливающиеся всеми цветами сарапе соседствовали с пряностями, красной фасолью, сахарным песком и маисовой мукой³.

Бросался в глаза космополитизм Соноры. Повсюду встречались люди всех рас и национальностей, звучала многоязычная речь. Улицы были полны китайцев в коротких штанах, с длинными косичками и в забавных конических колпаках на голове; «цивилизованных» индейцев с босыми ногами, но в короткой рубашке или же в военной куртке; бородатых англосаксов с пышными шевелюрами, в тяжелых сапогах на ногах и с револьвером «кольт» за поясом, босых широколицых канаков в ярких, затянутых на талии рубашках и в хлопчатобумажных шортах, латиноамериканцев в пестрых костюмах. Самыми элегантными были мексиканцы в своих хлопчатобумажных штанах; рубашке и сарапе или же в одежде пастуха-вакero*** – кожаной куртке, штанах из грубо выделанной шкуры, с разрезом на одной ноге и отделанных рядами серебряных пуговиц, в кожаных сапогах с длинными серебряными шпорами, сверкавшими звездочками величиной с хорошее блюдо»⁴.

* Сарапе (от *исп.* *sarape*) – шерстяной плащ (кусочек ткани с прорезью для головы).

** Манга (от *исп.* *manga*) – накидка.

*** Вакеро (от *исп.* *vaca*) – корова.

Костюм южноамериканцев напоминал мексиканский, но вместо длинного сарапе те носили короткое пончо. У перуанцев пончо были из толстой белой хлопчатобумажной ткани, с отделкой из яркой тесьмы, у чилийцев – из плотной серой шерсти. И все они: перуанцы, аргентинцы и чилийцы носили «тяжелый пояс шириной восемнадцать сантиметров, с многочисленными карманами, в которых они держали деньги, табак и зажигалку или трут»⁵. Американцы, в особенности принадлежавшие к низшим слоям общества, на латиноамериканцев смотрели свысока. Они называли их кочегарами и с одинаковым презрением относились к батраку-пеону и благородному идальго, что было совсем не по вкусу последнему. Среди испанского населения Соноры были и превосходно образованные джентльмены, в особенности среди аргентинцев, чья «гордость за свою расу» страдала от этой расовой дискриминации со стороны «высокомерных и вульгарных янки», – говорит нам Перкинс. Справедливости ради сразу скажем, что аргентинцы и перуанцы, действительно представлявшие собой элиту местного общества, не проявляли никакого пренебрежения к чилийцам и мексиканцам.

Перкинс оставил нам целую серию живописных портретов представителей Соноры, с которыми ему пришлось иметь дело. Аргентинцы вполне достойны его похвалы. Они были «гордыми, чистыми в своих привычках, верными дружбе и обычно предпочитали гитару и поэзию тяжелой работе...». Одевались они «крикливо», в делах же аргентинцы обычно были «людьми чести». О чилийцах Перкинс отзывается менее лестно. «Простые чилийцы» прекрасно работали, но любили азартные игры, пили «скверное вино» и были «всегда готовы поиграть ножом», а заносчивость американцев не производила на них никакого впечатления. Чилийцы из высших классов – «шумные, агрессивные, склонные к игре и очень похотливые», но напивались лишь изредка и были крайне щепетильны в вопросах чести. Наконец, о мексиканцах, которые почти все принадлежали к пролетарскому классу, наш канадец судил как о людях «с жестоким, мстительным, кровожадным и подлым характером»⁶.

На американцев нахлынула многоязыкая волна иностранцев, прибывавших со всех концов света со своими нравами и обычаями. Жесткое соперничество за обладание участками усиливало напряженность. Поэтому никого не удивило сообщение о том, что американские золотоискатели потребовали от властей принять закон о налоге с иностранцев в размере 20 долларов. Скажем сразу, что этот шаг объяснялся в большей степени выгодой, нежели патриотизмом.

Суровая осенняя погода прогнала часть жителей Соноры обратно в Мексику или заставила их обосноваться южнее, в окрестностях Марипозы. Враждебность американцев в сочетании с введением нового налога, платить который некоторые не имели возможности, вынудила многих латиноамериканцев покинуть россыпи. Перкинс настаивает на том, что жители Соноры «всегда по-дружески относились к иностранцам». Несомненно. Однако так было не везде, и то там, то здесь развертывались настоящие сражения между американцами, которых обычно поддерживали англичане, и чилийцами, мексиканцами или французами. Что касается китайцев, массовый приток которых начался в 1851 году, то они стали «козлами отпущения» для всех.

Сонора обезлюдела. Перкинс в конце 1850 года отмечает в своем дневнике: «Город мрачен и тих... Ночи относительно спокойны. Ни фанданго, ни музыки, ни шума, ни танцев. Даже субботние вечера и воскресенье становятся такими же обычными днями, как и все другие...»⁷

Однако это лишь временное затишье. Хотя в 1851 году город насчитывал не больше 3 тысяч душ населения, он был более весел и возбужден, чем когда-либо, и несмотря на то, что в нем обосновывались многочисленные янки, латиноамериканцы по-прежнему доминировали. С наступлением хорошей погоды возвращались мексиканские семьи, и новое национальное меньшинство – французы множили ряды иностранного населения. Эту «галльскую» иммиграцию с радостью приветствовал англичанин Фрэнк Мэрриет, потому что, говорит он, «там, где есть французы, человек

имеет возможность пообедать, что очень важно... и там где есть французы, имеются и хорошие булочки, а кроме того, там много песен, веселья, доброго юмора, что выгодно контрастирует с грубым весельем обычно очень пьяного населения»⁸.

По выходным население Соноры прибывало тысячами на пять человек, которые приходили с соседних россыпей. Город, пишет Мэрриет, представляет собою «громоздкое увеселительное заведение для добропорядочных путешественников. И хотя все, или почти все, считают своим долгом являться сюда в субботу, чтобы “кутнуть” в воскресенье и в раскаянии вернуться к работе в понедельник, Сонора умывает руки...»⁹.

Начиная с лета 1849 года игорные столы устанавливали на улице, перед палаткой или жильем владельца. Бывало также, что какой-нибудь мексиканец расстилал свое сарапе прямо на земле, ставил по свече на каждом углу, в центр высыпал кучку золота или серебра, и к нему тут же стекались его соотечественники. Усаживаясь на землю, они принимались за игру.

В 1851 году игорные дома Соноры стали настоящими храмами развлечений. Опять послушаем Мэрриета: «В большинстве этих барачков внутреннее убранство было очень дешевым. Свечи в подсвечниках ярко освещали кучки золота, накапливавшиеся на столе, за которым играли в монте, тогда как в барах предлагались соблазны, устоять перед которыми не мог ни один смертный»¹⁰. Игорные заведения и салуны ломались от людей. И подавали там не только виски. Бары снабжались так же хорошо, как и в больших городах востока. Французы находили там абсент, латиноамериканцы – агуардиенте¹¹, американцы – джин-коктейль и бренди-стрейтс, а англичане – пиво.

Женщины Соноры

Хотя женщин в Соноре было довольно много, порядочную среди них было найти практически невозможно. В Калифорнию приехали тысячи женщин, пишет Перкинс, «но здесь нет жен, одни любовницы, или “независимые” женщины. Браку, заключаемому в при-

Капитан
Джон Саттер.
Когда он появился
в Калифорнии,
все отмечали
его сходство
с освободителем
Южной Америки
Симоном
Болivarом.

Форт Росс, ставший собственностью Саттера. *Фото А. Адамса.*

С 1841 по 1849 год сотни кибиточных караванов пересекали реку Миссури, устремляясь на поиски золота.

Дом Саттера в Калифорнии. *Сентябрь, 1851 г.*

Томас Ларкин,
американский консул в Монтерее.

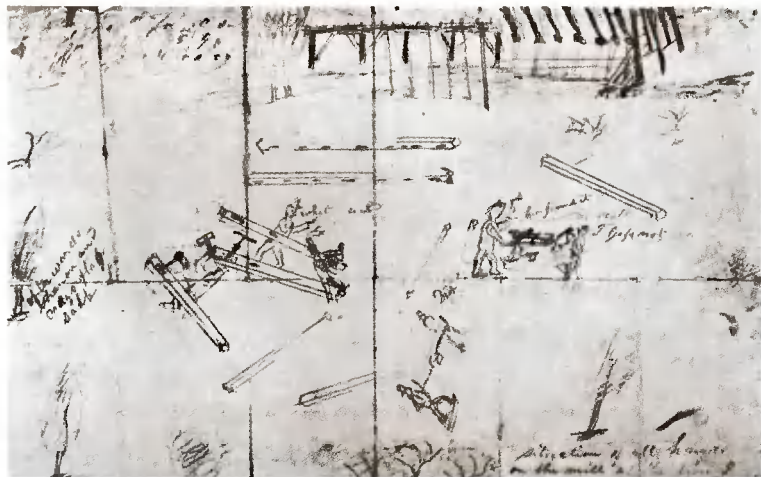
Джон Фримонт, поддержавший
бунт «Медвежьего флага».

«Медвежий флаг», поднятый бунтовщиками
над «Калифорнской республикой» в 1846 году.

Джеймс Маршалл.

Рисунки Маршалла, изображающие разработки золота.
Библиотека штата Калифорния.

Разработки на Американской реке.

Мормоны Дж. Браун, А. Смит, У. Джонстон и Г. Биглер, приехавшие в Калифорнию на поиски «желтого металла» вместе с Дж. Саттером.

Страница из дневника А. Смита об обнаружении золота.
Библиотека Хантингтона.

... to the river and washed. ... Sunday Jan. the 21st. - 48
... Mr. Marshall having moved and got liberty of him, and built a
small house down by the mill, and last Sunday we moved into it.
in order to get rid of the loggings, partially, mistle, and cook
for ourselves. This morn. ^{Mon. the 21st} Marshall found some pieces of
gold, and he has gone to the fort, for the
purpose of finding out. it is found in the stream in small
pieces; some have been found that would weigh five dollars.

Жена Саттера — Анна,
урожденная Дюбельд.

Дочь Саттера — Анна Элиза.

Джон Бидуэлл, прибывший
в Калифорнию в 1841 году.

Карта разработок золота. 1848 г.

Кабинет
Дж. Саттера
в центральном
здании форта.

Карманный набор золотоискателя для взвешивания золота.

Валюта «золотой лихорадки».

Правитель Мексиканской Калифорнии —
Мануэль Микельторено.

Повозка М. Микельторено.

На этом месте в холодных водах Американской реки в городе Колома Дж. Маршалл нашел крупницы золота.

Сакраменто, 1849 год. *Литография.*

Сатирическое
изображение
злотоискателя.
Литография.

Отдых
злотоискателей.
Литография.

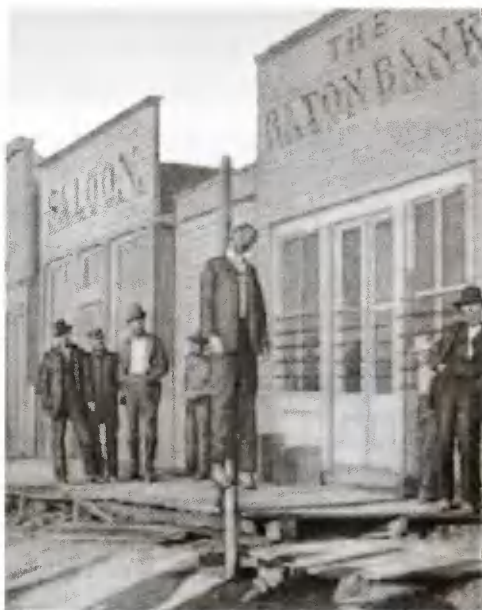
Бары по вечерам превращались в места развлечений подвыпивших золотоискателей.

Дома терпимости часто соседствовали с салунами.

Предполагается,
что это портрет
Хоакина Мурьеты.

Суд Линча.

Дж. Саттер в последние годы жизни. 1870-е гг.

Г. Биглер, У. Джонтсон, А. Смит и Дж. Браун в Сан-Франциско через 50 лет после начала «золотой лихорадки». Фото 1898 г.
Библиотека штата Калифорния.

Современный вид на форт Саттера,
где сейчас находится исторический музей.

сутствии пастора, мексиканка и француженка в Соноре предпочитают свободный союз. И имеют для этого свои причины. Первая никогда не выйдет замуж за еретика, но согласится стать его любовницей, вторая не представляет, что будет делать со связью, которая, как она хорошо знает, вскоре начнет ее тяготить, и природный темперамент быстро толкнет ее на разрыв»¹². Если наш канадец готов расточать похвалы сеньоритам, за чьи достоинства и элегантность он платит, к француженке он относится гораздо строже. «До крайности искусственная, – говорит он, – она приспособливает свои манеры к обстоятельствам, как делает это и со своими туалетами. Деньги – это единственное, что она обожает, и нет ничего, чего бы она не сделала, чтобы их получить». Короче говоря, она была подобна «яблоку с берегов Мертвого моря, соблазнительна внешне и с гнильцой внутри»¹³. В Соноре было и несколько англичанок из Сиднея, и американок, «приехавших из Соединенных Штатов», которые все были «вульгарны, ничтожны и подвижны животными инстинктами». У сеньорит были две страсти, которые они разделяли с мужчинами: игра и танец. Хладнокровие, которое они проявляли за игрой в монте, уподобляло их самым опасным шулерам. Богато разряженные, они отправлялись по вечерам в один из четырех салунов города, возбуждая восхищение у их клиентуры. Ни на минуту не прекращая курить сигарритас и флиртовать, рассказывает Перкинс, они играли в дьявольскую игру и, так же как мужчины, не умели остановиться вовремя, пока улыбалось счастье и перед ними росла горка золота. На какой-нибудь единственной карте они рисковали целым состоянием. Проигрывали ли они?

«Ни одного признака неудовольствия не появлялось на лице этих смуглых красоток. Вставая с места, они грациозно оправляли свое ребосо* на груди, чуть приоткрывшейся посторонним взорам от волнений, вызванных перипетиями игры, и с мягким и нежным “буэна ночес, сеньоры”, уходили неслышными шагами»¹⁴.

Повсюду пели и танцевали при любой возможности. Фанданго было одним из излюбленных развлече-

* Ребосо (от исп. rebosi) – мантилья.

ний сонорского общества. Разумеется, подчеркивает Перкинс, «общество не было столь избранным, как в нашей стране, но оно было более веселым, и с точки зрения приличий не приходилось желать ничего лучшего»¹⁵. Он и сам дал бал, на который пригласил 50 человек, и сообщает, «что любой иностранец был бы поражен превосходным поведением, благопристойностью и вежливостью женщин, богатством их туалетов, грациозностью танцев и правильностью языка»¹⁶.

Это подтверждает в какой-то мере и юный Франклин А. Бак, присутствовавший на фанданго в Соноре в 1852 году. Он пишет своей семье: «Оно состоялось в большом зале (разумеется, с баром у одной из стен), заполненном непрерывно курившими мужчинами и женщинами. На мужчинах были бархатные брюки с разрезом на одной ноге, украшенные серебряными пуговицами, или белые короткие штаны, красные шарфы и вышитые рубашки. Сеньориты были очень хороши в своих белых муслиновых платьях, так накрахмаленных, что близко подойти к ним было невозможно, и в шелковых чулках. Танцевали котильоны и вальсы, а одна сеньорита станцевала новый танец, надевав своими ножками и туфельками больше шума, чем мне удалось бы произвести своими тяжелыми ботинками. Она сказала мне, что это был “немецкий вальс”... Котильоны у них такие же, как и наши, но за тем исключением, что последняя фигура означает: “Все в бар”. Там вы утолите свою жажду общения с прекрасной партнершей... Фанданго закончилось благополучно. Я хорошо развлекся и вышел из заведения, не получив удара ножом, что было большой удачей, так как такие вещи нередки»¹⁷.

И все же, как пишет Фрэнк Мэрриет, если в Соноре и царил атмосфера веселья, а рестораны были превосходными, общество было не менее «распущенным в 1851 году, чем в Сан-Франциско в 1849-м»¹⁸. В салунах висели картины, изображавшие обнаженных женщин, а полуобнаженные танцевали на столах»¹⁹, – сообщает другой очевидец, Ганн из Филадельфии. Порой стены украшали даже непристойные сцены. Что касается домов терпимости, то они вообще никогда не пустовали. Под маской веселости Сонора скрывала свое настоящее лицо, отмеченное пороком.

В этой распутной атмосфере добродетели следовало бы иметь равноценное оружие, однако этого, к сожалению, не было. «Наконец-то! – радостно воскликнули все мы день или два назад при прибытии семьи нашего американского доктора. Но боже мой! Должен признаться, что мое перо краснеет, когда я пишу эту фразу: сравнение вовсе не в пользу нравственности. Какой ничтожный шанс получает добродетель, когда она принимает облик жителей Новой Англии с их нескладными долговязыми телами, бледнолицых, плохо одетых, и вынуждена конкурировать с элегантно ухоженным Пороком, красивым и грациозным? Неравная борьба... Добродетель должна иметь приятный вид, чтобы быть в состоянии одержать победу над ужасным врагом, так прочно укрепившимся на своих позициях»²⁰. По части насилия Соноре также не приходится завидовать Сан-Франциско. В течение третьей недели июня 1850 года Перкинс отметил четыре убийства: двоих янки обокрали в собственной палатке, где их нашли с перерезанным горлом: один чилиец был убит выстрелом из револьвера, а француз заколол кинжалом мексиканца. Двумя неделями позднее Сонора стала ареной шести новых убийств за 7 дней, а в июле 1852 года газета «Альта Калифорния» сообщала еще о восьми – за одну неделю.

Золотоискатели, сутенеры, карточные шулеры приезжали сюда каждый уик-энд. Одни, чтобы сделать покупки, другие – просто провести время или одурачить какого-нибудь наивного человека. Сонора построила несколько гостиниц, чтобы предоставить ночлег всем этим визитерам. В них обычно не предлагали клиентуре ничего кроме относительного комфорта дортуара*. Таким был и отель Холдена, где остановился Фрэнк Мэрриет. На первом этаже был игровой зал, на втором – номера, по крайней мере именно так следовало воспринимать это помещение. Но послушаем очевидца: «Когда я, сидя в баре, потребовал предоставить мне ночлег, меня попросили уплатить один доллар и записать свое имя на грифельной доске против любого свободного номера; это был номер 80.

* Дортуар (от *фр.* *dortoir*) – общая спальня.

Хотелось лечь спать. Мне сказали, чтобы я поднялся по лестнице и сам разыскал 80-й номер. Поднявшись на второй этаж, я оказался в длинном, плохо освещенном зале, размерами с нижний, в котором стояла в ряд сотня деревянных лагерных кроватей, обтянутых парусиной, каждая под синим одеялом и небольшим мешком сена вместо подушки. Мне приятно вспомнить, что, приученный ничему не удивляться, я проявил стоицизм, который заставил бы покраснеть раскрашенные щеки какого-нибудь воина из племени павни»²¹.

В греховной Соноре не было церквей. Единственными колоколами, звучавшими здесь по воскресеньям, были колокола торговцев. Перед каждой лавкой – тьендой – шла бойкая торговля с молотка. Торговец предлагал образцы своего товара, и каждый мог попробовать масла, сушеных яблок, пикулей или бренди, выставленных на аукционную продажу. Золотоискатели любили делать покупки на таких аукционах. Многочисленная толпа окружала аукциониста, так забивая улицу, что всадники и погонщики мулов с трудом пробивали себе дорогу.

Порой зеваки расступались, чтобы пропустить похоронную процессию. Перед мексиканскими процессиями всегда шел духовой оркестр, игравший печальные мелодии. Как только мертвого предавали земле, музыка становилась веселой, и к кортежу присоединялись клоуны и тореадоры, рекламировавшие вечерние представления на «аренах». По воскресеньям проходили корриды, куда устремлялось все мексиканское население города и окрестностей. Другими развлечениями, очень любимыми золотоискателям, были петушиные бои и бои быков с медведями-гризли. Регулярные представления давали бродячие цирки, театральные труппы. Каждую неделю организовывали любительские концерты французские музыканты – они оказались вполне приличными исполнителями. Наконец, бывали и демонстрации «моделей», зрелища настолько вульгарные, что власти грозились их запретить. «То, что эти непристойные спектакли не имели большого успеха, – с удовлетворением отмечает Перкинс, – говорит о том, что на приисках все же царит некоторая нравственность»²².

Стоктон – город, выросший как гриб

Еще один город-гриб – Стоктон находился в 80 километрах от устья Сан-Хоакина и в 160 от Сан-Франциско. В 1848 году это были всего лишь несколько палаток и один-единственный деревянный дом. В 1849-м здесь уже 2 тысячи жителей, к которым следует добавить еще тысячу человек, живших в нем временно. А в 1850 году город гордился гостиницей «из досок», почтой, театром, «деревянной» тюрьмой, многочисленными магазинами, французским рестораном и двумя пароходами, совершавшими регулярные рейсы в Сан-Франциско.

В 1849 году город на четыре пятых состоял из простых палаток, но это не мешало ему быть крупным рынком региона. В нем кипела бурная жизнь. «Все дороги, ведущие из Стоктона на прииски, забиты запряженными мулами, повозками, нагруженными товарами, – пишет Бейар Тейлор. – Они принадлежат большей частью американцам, в числе которых много бывших трапперов и горцев, но погонщики мулов – мексиканцы, а их сбруя и выюки были такими же, какие можно было увидеть 300 лет назад на холмах Гренады и на андалузских равнинах»²³. Владельцы повозок довольно быстро обогащались. Средняя стоимость транспортировки товаров из Стоктона даже на самые близкие прииски составляла в летнее время 30 центов за фунт.

У берега стояли на якоре несколько судов. Оставленные своими экипажами, отправившимися искать золото, корабли были превращены в склады. Когда Лео-нар Кип приезжал в Стоктон, в одном скромном бриге ютились мэрия и «дворец правосудия». «Ют служил залом заседаний суда, каюта – совещательной комнатой, трюм – тюрьмой; полубак был превращен в городскую больницу». В этот день никакого судебного заседания не было, и всеми этими помещениями завладели мальчишки. Вокруг «зала суда» шла рыбалка. Занято было и кресло судьи, а в ящике для его графина лежала приманка.

Недалеко отсюда, в конце улицы, была поставлена виселица. «Один ее вид имел большее значение для соблюдения закона и порядка, чем три церкви», – объяс-

нил путешественнику местный житель. «Учитывая состояние общества, – пишет Кип, – я в этом не сомневался»²⁴.

Общество здесь, как и повсюду, было очень космополитичным, и хотя мексиканцы были в меньшинстве, тон задавали именно они. Леонар Кип рассказывает, что многие «северяне» переняли привычки погонщиков мулов. В моду вошли пышные усы, большая калифорнийская шляпа украшалась шнуром с серебряными кистями, красные и желтые шелковые шарфы производили настоящий фурор, а «множество мужчин, чьи ноги никогда не обнимали живот мула, величественно выступали с самыми потрясающими шпорами на каблуках». Сам алькальд разъезжал на муле без пиджака, «во всей республиканской простоте»²⁵.

Построенный на берегу Сан-Хоакина, окруженный болотами, Стоктон зимой становился непролазной трясиной, в которой тонули люди и животные. Дождь и грязь были кошмаром, который многие пытались забыть в разгульных развлечениях салунов. «Я не отдал бы ни одной женщины Новой Англии или штата Нью-Йорк за всю Калифорнию», – вздыхал Финеас Блант, который оказался вынужденным прожить там зиму 1849/50 года²⁶. Но искатели лучшей доли по-прежнему приезжали. И по мере заселения Стоктона цена на землю поднималась. Говорят, что Чарлз Вебер, немецкий ранчеро и основатель Стоктона, якобы выручил за несколько месяцев 500 тысяч долларов, продавая по частям свои владения.

Люди сколотили себе в Калифорнии громадные состояния. Но никто, несомненно, не сделал этого быстрее Чарлза Вебера, потому что он не только спекулировал участками, но и с 1848 года нанял большое количество индейцев, которые разрабатывали его участки, и платил им одеялами, сарапе и украшениями²⁷.

Другие были менее удачливы. Так, владения Джона Саттера, царька Новой Швейцарии, захватили бездомные люди, которых называли скваттерами*. Он обратился в суды, но те объявили недействительными боль-

* Скваттер (от *англ.* squatter) – колонист, захвативший свободный необработанный участок земли при колонизации.

шую часть его прав собственности, и он вскоре лишился почти всех своих земель. Говорили, что он якобы хотел превратить свой форт в центр снабжения приисков Севера. И в этом тоже потерпел крах. Недалеко по реке, там, где в 1848 году были лишь тенистые пастбища да несколько лачуг, в которых жили служившие ему люди, возник город Сакраменто, который и взял на себя роль такого центра.

Сакраменто

Экономический взлет Сакраменто был молниеносным. «Цена участков здесь выше, чем в Сан-Франциско», – отмечал Бейар Тейлор в 1849 году²⁸. Сити Хотел – бывшая лесопилка, построенная Джоном Саттером, – приносил 30 тысяч долларов в год. Суточное питание в гостинице стоило 5 долларов, а в ресторанах – 20 долларов в неделю. Новая гостиница еще до окончания строительства была уже арендована за 35 тысяч долларов в год.

Здесь жили главным образом нью-йоркцы, а также люди из западных штатов. В городе был городской совет, свой устав, и там проходили разнообразные политические собрания. Выпускался также еженедельник «Плейсер таймс» тиражом 500 экземпляров.

Ежедневно работал конный рынок, своеобразие которого поразила Бейара Тейлора. Расположившийся под сенью огромного дуба, он был окружен палатками из голубой и белой парусины. Несколько дрожавших мулов да чахлые лошади стояли в конюшнях. «Сцена, открывавшаяся взору в разгар торговли, была довольно комичной. Единственными действовавшими здесь правилами торговли были прихоти тех, кто имел животных на продажу. Каждый продавец был сам себе аукционистом и лично расхваливал своих лошадей или мулов»²⁹.

Тейлор не нашел счастья на рынке. Но владелец соседней таверны продал ему превосходную серую кобылу за 100 долларов. В другом месте он раздобыл «сносное» седло и уздечку за 10 долларов, чехол для седла и потник за 5, пару мексиканских шпор за 8 и попону за 12 долларов.

Сакраменто быстро разрастался. В 1852 году Форт Саттера включается в черту города. Были проложены дороги, пересекавшиеся под прямыми углами. Тридцать две улицы шли вдоль реки Сакраменто, причем Первая – по самому берегу. Перпендикулярные улицы обозначили буквами алфавита: А, В, С, D и т.д. Многие из них были обсажены дубами и платанами. К сожалению, самые прекрасные деревья золотоискатели вырубали на дрова для лагерных костров.

Население, по данным Эдуарда Ожера, выросло тогда до 40 тысяч человек³⁰. Но цифра эта кажется сильно преувеличенной и без всякого сомнения включает не только жителей, но и приезжих. «Набережные загромождены бочками и ящиками, – пишет он, – и на протяжении больше четверти лье река запружена кораблями всех видов»³¹. Постоянные рейсы пароходов связывали город с Сан-Франциско, а дилижансы, как челноки, возили пассажиров на прииски и обратно. В Сакраменто были театр, церковь, несколько хороших гостиниц с бильярдными залами, барами, игорными комнатами и дорожками для боулинга. «Там можно видеть даже двух девушек, игравших на шарманке и тамбурине», – сообщает Франклин А. Бак³².

Театр был самым пристойным развлечением. Разумеется, публика его посещала не слишком избранная, но впечатлительная, и на каждом спектакле шумно выражала свои чувства.

В июле 1853 года сакраментский театр принимал знаменитую Лолу Монтес. Красавица Лола год назад отправилась в американское турне. Не устояв перед привлекательностью калифорнийской мечты, она завоевала Сан-Франциско, куда ее слава дошла раньше, чем она сама. Внимание поклонников привлекала ее красота, а не талант, так как танцовщицей она была посредственной. Она завоевала сердце редактора местного листка «Сан-Франциско Виг», и 2 июля в церкви миссии Долорес пастор благословил союз П. П. Хэлла и мадемуазель Лолы Монтес³³.

Супружеская пара сразу же уехала в Сакраменто, где Лола выступала. Публика оказалась капризной. «Один вечер ее встречали шиканьем, освистывали, оскорбляли, на следующий день ей аплодировали, превозносили до небес те же самые люди», – писала газета «Альга

Калифорния». Освистанная в Мэрисвилле, Лола решила оставить сцену и обосновалась в Грас Велли, где и прожила до 1855 года.

Игра по-прежнему была главной страстью жителей Сакраменто. Здесь играли исступленно, а музыку любили даже больше, чем в Сан-Франциско, с которым современники его часто сравнивают.

«Город этот во многом превосходит Сан-Франциско, по меньшей мере внешне, – пишет Исаак Бейкер в своей газете. – В городе процветают игорный бизнес, строительство и аукционная торговля. “Особыми заведениями” в городе, как и в Сан-Франциско, являются просторные игорные дома, день и ночь забитые людьми, старающимися “пристроить” остаток своего золотого песка, и многочисленными зрителями... и хотя эта пестрая толпа состоит из людей с весьма разными темпераментами и настроениями, пьянство и ссоры здесь пока редки, и обычно царит полный порядок»³⁴.

Со своей стороны Бак пишет, что «Сакраменто самый красивый и самый упорядоченный город штата... судя по количеству женщин и детей, которых я вижу в церкви и на улицах, я думаю, что здесь живет много семей». Да и сами джентльмены здесь образумились, и Бак констатирует, «что теперь его тоже не так часто можно увидеть в воскресенье пританцовывающим около какой-нибудь мексиканской сеньориты»³⁵.

В 1853 году в Сакраменто было не меньше 129 баров на 19 драгсторов – торговых комплексов с набором разных услуг. И поскольку в нем теперь жили 370 купцов и промышленников, то и дома терпимости – процветали.

Угрожали городу не только безнравственность и насилие, не обошли его стороной и стихийные бедствия. Зимой 1849/50 года наводнение снесло палатки и хижины. Потом в 1851 году разразилась эпидемия холеры, и тела ее жертв часто без церемоний сбрасывали в бурные воды реки. В 1852 году пожар уничтожил 600 домов. А в 1853-м едва восстановленный город подвергся новому наводнению. После этого было решено построить плотину, и время, когда прохожие летом поднимали 30-сантиметровый слой пыли, а зимой на те же 30 сантиметров увязали в грязи, миновало.

Несмотря на все превратности судьбы Сакраменто в 1854 году был объявлен столицей штата, выиграв у Сан-Хосе, где состоялись первая и вторая сессии законодательного корпуса, у Вальехо, куда он переехал в 1852 году, и у Бениции, которая была столицей с февраля 1853-го по март 1854 года. Острота борьбы характеризуется тем фактом, что члены городского управления Сакраменто в 1849 году предложили миллион долларов за то, чтобы их добрый город получил привилегию стать столицей Калифорнии³⁶.

Как жить в приисковом городе, если вы получили хорошее воспитание и всегда жили в набожном, порядочном обществе, где господствовала трезвость и в котором не было насилия? Одни быстро приспособились к новым условиям. Другие прокляли тот день, когда решили уехать в Калифорнию, и, встречая на тропях Мазер Лоуд только что прибывших новичков, карабкавшихся к россыпям, говорили им, чтобы они поворачивали обратно, бежали из этого ада, в котором разобьются их надежды, иссякнут нравственные силы и разрушится здоровье.

Горьким разочарованиям несть числа. Чтобы выжить, неудачливые золотоискатели нанимались чернорабочими в доки Сакраменто или Сан-Франциско, мойщиками посуды в рестораны или кладовщиками на склады. Они чистили проходим сапоги или пилили дрова. Бралась за все, чтобы только не умереть с голоду и скопить деньги на билет для возвращения домой. Сердце сжимается, когда читаешь дневники этих достойных уважения людей, которых преследовало невезение и которые в конце концов гибли. Такой была, скажем, судьба Джорджа В. Ивенса: изо дня в день записывавший свои несчастья и умерший в Сакраменто в 1851 году, он так и не увидел свою жену, к которой были обращены все его мысли³⁷.

Однако некоторые смутно предвидели истинную судьбу Калифорнии. Они поняли, что весь этот сброд, представляющий местное население, со своими наскоро построенными городами, жалкими удовольствиями и насилием был обречен на исчезновение, как только калифорнийские месторождения исчерпаются настолько, что продолжать добычу золота смогут только крупные компании, располагающие дорого-

стоящим оборудованием. И они решили закрепиться здесь прочно, создать свой дом.

Во всех горно-промышленных городах с начала 1850-х годов стали обосновываться немногочисленные респектабельные семьи, люди, воспитанные на Библии, серьезные и трудолюбивые. Они построили комфортабельные деревянные дома, открыли лавки, аптеки, медицинские кабинеты, банки, стали заниматься адвокатурой, сельским хозяйством, скотоводством, политикой, издавать газеты. По мере возможности они держали своих детей подальше от салунов, а в дни публичных смертных казней вообще не выпускали из дома.

Грас Велли

Грас Велли, расположенный среди гор, в районе, где в 1849 году открыты самые богатые жилы золотоносного кварца, был в свое время одним из самых развитых горно-промышленных городов. Крупные компании получали тут огромные прибыли. Первая компания, обосновавшаяся здесь, «Голд Хилл Компани» с 1850 по 1857 год добыла золота на 4 миллиона долларов. В этой лесной глуши, всего двумя годами ранее заселенной индейцами, медведями-гризли и койотами, был заложен город. «Взору представляется множество приятных на вид домов и лавок, совершенно новых, как если бы они только что вышли из лесопилки и тут же были разукрашены кистью художника», – пишет Алонсо Делано³⁸. Повсюду видны признаки цивилизации, согревающие сердце благодетельных людей: красивые жилища, часы на здании лесопилки, изысканная еда в гостиницах, на домах таблички с именами врачей и адвокатов, вывески на лавках. И еще более радостный знак – «в этой глуши выросла церковь, чтобы показать, что и здесь, на этой дикой земле, целиком посвятившей себя золоту, Бог не забыт»³⁹.

В Грас Велли были также почтово-пассажирская контора – «Адамс и компания», школа, газета, театр, построенный по всем правилам – с кулисами, декорациями, рампой, оркестром. Была здесь и публика, горячо приверженная искусству. Регулярно давались

общественные балы, а во всех салунах и гостиных судачили о похождениях Лолы Монтеc. Эксцентричная Лола жила в комфортабельном доме на Милл-стрит вместе со своим мужем, медведями-гризли и обезьянами. О ней ходили и продолжают ходить довольно странные слухи. Говорят, что она якобы ударила кнутом редактора местной газеты Генри У. Шипли за то, что он имел смелость напечатать о ней что-то не так; говорят также, что она потребовала развода по той причине, что муж убил одного из ее медведей, который исцарапал его и покусал.

Город становился все красивее: строились прекрасно меблированные дома, в которых селились уважаемые семьи, писал Т. Уорвик-Брукс своей семье в 1851 году. Разумеется, многие другие жилища не становились от этого комфортнее.

Во время июльских выборов 1851 года Брукс 8 дней прожил в Грас Велли у своих семейных друзей.

«Дом представляет собой простую квадратную лачугу, разгороженную на четыре комнаты тонкими перегородками высотой три метра. На полу всего один ковер, а стены и потолок обтянуты белым холстом. В мое распоряжение гостеприимно предоставили лежащий на полу матрас, одеяло же гость обычно привозит с собой»⁴⁰.

В доме всего одна кровать. Случилось так, что к хозяевам в дом с неожиданным визитом приехала одна старая английская дама с супругом. Нет проблем! Им отдали кровать, а хозяйева дома пристроились в комнатушке, где спал юный Брукс. «Они и слушать не хотели о том, чтобы я уехал. И я спал в одном углу комнаты, а супруги в другом. Но в Калифорнии не забывают о приличиях. Миниатюрная супруга ускользнула в свой угол, тогда как мы задержались у печки (раз уж друг приехал среди ночи), потягивая грог с виски и болтая о кварце и политике. Потом мы последовали примеру мадам. Ночная одежда золотоискателя почти не отличается от дневной, и он довольствуется тем, что, ложась спать, просто сбрасывает сапоги и завертывается в одеяло. Утренний туалет упрощен до крайности: умываются, как кому заблагорассудится»⁴¹.

После этого нужно вычистить печку, наколоть дров, вымыть тарелки и кастрюли, подмести пол, наносить

воды. Наконец приходит момент приготовления завтрака, состоящего из «рагу, бифштексов и кофе». Хотя можно понять, что в этом мире, почти лишенном женщин, где лишь некоторые редкие представительницы украшены всеми качествами и добродетелями, этого молодого человека вовсе не удивили хозяйственные способности, выказанные хозяйкой. «Она из Нового Орлеана, и у нее больше талантов к развлечениям, чем знаний по домоводству», – пишет он. Но, может быть, это комплимент?

Патриотические праздники

Хорошие рестораны в Грас Велли, как и в других горно-промышленных городах, были в руках французов, и даже те, кто их недолюбливал, признавали врожденный дар французов к искусству кулинарии. Как пишет в цветистом стиле своего времени Сент-Аман: «Наше кулинарное искусство ценят на всех широтах, и отдают нам предпочтение даже на тихоокеанском побережье, быстро привыкая к нашим способам доводить до совершенства все кушанья, вплоть для абсолютно чуждых родине Валера и Поста»⁴².

Французы обожают праздники, особенно патриотические. Французские переселенцы принадлежали к разным социальным слоям, но при том значении, которое придавалось ими годовщине Республики 1848 года, есть все основания думать, что у большинства этих людей были республиканские убеждения. Так почему бы не поднять трехцветный флаг, не спеть Марсельезу и военные песни, ударить в барабан, выступить с тостом, произнести речи? В Соноре в честь годовщины провозглашения Республики французская община устроила обед на 150 персон, «чего раньше никогда не видели в этих местах, – пишет Перкинс. – Подавали блюда, которые наверняка можно было бы найти в Нью-Йорке, но вряд ли в этой стране»⁴³.

В следующем году французские золотоискатели, обосновавшиеся на Фезер-ривер, не только пили в честь праздника, но и организовали манифестацию с факелами и прошли по Рич Бар. Дэйм Ширли видела,

как они «шли извилистой тропой по склону холма, являя собою очень красочное зрелище: у каждого в руках была небольшая сосенка, на макушке которой сияла диадема из огоньков, восхитительно подсвечивавших темную зелень и сверкавших, как какие-то призрачные короны в безлунной и туманной ночи». Ее так рассмешили их слова, сказанные с акцентом, что она записала их в дневнике: «Шорж Вашингтон, Джеймс К. Полк, Наполеон Бонапарт! Свобода! Равенство! Братство! Эндрю Джексон, президент Фильмор и Лафайет!»⁴⁴

Следует также подчеркнуть, что по части патриотизма американцы не уступали французам. День рождения Вашингтона, День независимости, вступление штата в Союз были поводами для шумного выражения любви к своей стране.

4 июля 1852 года в Рич Бар было крупным событием, пишет Дэйм Ширли своей сестре. Она сама принимала деятельное участие в приготовлениях. Из белого полотна, красного коленкора и куска голубого тика, взятого с тента индийского бара в гостинице «Гумбольдт», она смастерила знамя, в центре которого была звезда, покрытая золотым листом, символизировавшая Калифорнию. Это знамя богатства было поднято на маковку великолепной сосны перед отелем «Эмпайр». Вместе с г-жой Б. она также декорировала столовый зал отеля и сделала букеты. Один – из жасмина, белых лилий и веток кедра – предстояло вручить оратору от имени местных дам. Церемония началась в 10 часов 30 минут. Праздничный комитет, к сожалению, забыл принести текст Декларации независимости. Вместо нее оратор прочитал внимательной аудитории несколько стихотворений, сочиненных по этому случаю местным поэтом, пожелавшим остаться неизвестным, после чего произнес волнующую речь. Обед был превосходным. Произносилось множество тостов. Одна из дам спела несколько прекрасных песен, «и все прошло на самом высоком уровне».

После пяти часов вечера, к сожалению, эмоции взяли верх над разумом. В баре собрались желающие утолить жажду. Возник политический спор. Началась потасовка, а в конце вечера «семь или восемь мужчин из ричбарской элиты», опьяненные виски и патриотическими чувствами, открыто набросились на «испанцев»⁴⁵.

Утром 4 июля 1853 года в Вивервиле произошла «всеобщая попойка», с перерывами продолжавшаяся весь день и закончившаяся «большим вечерним балом». Публика так разохотилась, что продолжила веселье и на следующий день. Из горно-промышленного центра Шасты, что в 60 километрах от Грас Велли, «в субботу и воскресенье приехали на мулах четыре дамы». Вечером они танцевали, ели и пили до двух часов ночи. На следующий день они все это продолжили и протанцевали всю ночь. «Они уехали на заре и проделали 60 километров на спине мула через самые опасные горы, какие вы, возможно, видели лишь на картинах», – пишет Франклин А. Бак своей семье. И в следующем году: «Мы отпраздновали 4 июля, как в старые добрые времена». Один видный деятель прочитал Декларацию независимости, произнес «блестящую» речь, а с наступлением темноты уже рвались петарды и сверкал фейерверк. «Французы разукрасили также свое заведение – салун “Диана”. Вечером на нем загорелась великолепная иллюминация. В продолжение праздника были музыка и танцы...»⁴⁶. Пили на празднике лишь содовую воду. Таким образом, это был примерный праздник, который можно противопоставить обычным пьянкам золотоискательских землячеств. Калифорния в 1854 году явно вставала на путь спасения.

Вивервил

Вивервил раскинулся в великолепной долине, окруженной высокими горами, над которыми господствует гора Шаста – гигант с шапкой из вечных снегов на вершине. В 1852 году в городе было четыре десятка домов и 1200 жителей жили в его окрестностях. Район был богатым, золото легкодоступным, и дела процветали.

Франклин А. Бак решил здесь обосноваться. Он арендовал магазин, затем приобрел караван мулов, чтобы снизить себестоимость продуктов, которые он покупал и продолжал продавать по прежним высоким ценам, в особенности зимой. Связь с Сан-Франциско иногда прерывалась из-за скверной погоды, и хитро-

умный торговец, запасшийся продуктами, мог получать большие доходы.

Численность населения непрерывно увеличивалась. К американцам, немцам, голландцам, французам, ирландцам в 1853 году добавились 500 китайцев. Они были самыми лучшими клиентами Бака, покупая в больших количествах рис, лярд, треску, зерно и, конечно, виски. Хижины из жердей постепенно сменились на элегантные дома. «Теперь у нас четырнадцать лавок, четыре гостиницы, четыре игровых зала, работающих в полную силу», – удовлетворенно замечал Бак. В салуне «Диана» появились хороший оркестр и танцовщицы, и жители могли наслаждаться застольными развлечениями, принятыми в цивилизованных странах. Летом всем хотелось прохлады, «мы следили за этим, и у нас всегда были прохладительные напитки и замороженные сливки»⁴⁷.

Были построены здание суда и тюрьма, и администрация города делала все для того, чтобы установить порядок. Разумеется, по воскресеньям по-прежнему продолжались петушиные бои и даже скачки на лошадях – развлечения, особенно шокировавшие переселенцев из Новой Англии, и Бак признавался, что все, и в том числе он сам, пили. Он пытался утешить свою семью: «Немного выпить может каждый добропорядочный гражданин»⁴⁸.

А в Вивервиле жили добропорядочные люди: мирные семьи, честные женщины и высоконравственные мужчины, силившиеся положить конец безнравственности в общине. Несколько дам организовали воскресную школу, и пастор без церкви призывал верующих возродить в городе хоть какую-то духовную жизнь.

В Вивервиле был театр с залом на 500 мест, и Бак писал своим родителям, которым этот вид развлечения казался пагубным: «Театр – это, разумеется, самое нравственное и самое дешевое место, где можно проводить вечера. На сцене нам представляют в какой-то степени мир, в котором мы жили. Это и пение, и танец. Ревнивые супруги и нежные любовники, благородные дамы и служанки – все это проходит перед нашими глазами, и на какой-то момент мы отдаемся иллюзии, переносясь в прошлое. И на следующий день у нас есть о чем поговорить... [Театр] это прекрасный оазис в пустыне»⁴⁹.

Зима 1854 года выдалась безрадостной. Золото на приисках попадалось все реже. Дела шли трудно. Те, кому удавалось «сорвать большой куш», тут же покидали прииски, чтобы стать торговцами или заняться земледелием. Около половины жителей Вивервила работали, другая половина ничего не делала и не испытывала по этому поводу никакого стыда. Бездельники жили за счет того, кто работал. «Все в этой стране, насквозь пропитанной золотом, были разорены», – жаловался Бак, имея долгов на 3 тысячи долларов. Эти слова, конечно, преувеличение, но признаки экономического спада были налицо.

С наступлением хорошей погоды дела оживились, и Франклин А. Бак взбодрился. Своим родителям и брату он сообщает о последних событиях в городе. В июне одна квакерша, некая мисс Пеллет, приехала проповедовать воздержание и трезвость. Храбрая девушка взгромоздилась на ящики перед гостиницей и обратилась к горожанам. К ней сбежались люди из салунов и магазинов. «Никакие собачьи бои не привлекли бы такой толпы», – пишет Бак. Она говорила полтора часа, останавливаясь только для того, чтобы перевести дыхание, а вечером, в зале театра, еще два часа, «и все о воздержании». Под конец она пустила «шапку по кругу» и собрала 75 долларов.

Другим событием, о котором с удовольствием пишет Бак, было появление нового пастора, молодого методистского* проповедника. В воскресенье он дважды проповедовал в зале суда перед многочисленной аудиторией, и в общине была организована подписка для поддержания его миссионерской деятельности.

Особенно оживленным стал июль. Праздновали День независимости. Демократы и республиканцы (виги) добились согласия⁵⁰. И особым событием стала «китайская война», всколыхнувшая политическую активность в регионе.

* Методисты – приверженцы методизма, одного из направлений в протестантизме, возникшего в Англии в XVIII в. и получившего распространение в США. Методисты требуют строжайшей дисциплины и точного (методичного) выполнения церковных обрядов и предписаний.

Переселенцы из Поднебесной Империи

Среди китайских золотоискателей, промышленявших в окрестностях Вивервила, были две воюющие между собой группировки. Причины возникшего между ними конфликта неизвестны, и никто не знает, к какому тайному обществу принадлежали участники тех схваток. Известно лишь, что и та и другая стороны тщательно подготовились к битве. «Все кузнецы заняты изготовлением оружия, – пишет Бак. – Мы продали все свои кйрки и весь порох, и отовсюду собирались зеваки, чтобы поглазеть на сражение»⁵¹.

Битва началась рано утром и кипела до 4 часов пополудни. Силы были неравными: 150 бойцов с одной стороны и 500 – с другой. Первые уступили под ударами вторых. Было убито 6 или 8 человек и многие ранены. На следующий день состоялись похороны, что тоже для американцев и европейцев стало совершенно необычным зрелищем – побежденные намного превосходили победителей в торжественности церемони. Это позволяло думать, что они более богатые и влиятельные.

То была не единственная «китайская война» периода «золотой лихорадки». В 1856 году 1200 членов братства «Сем Юп» встретились с 900 членами братства «Ян Вос» в Китайском лагере – горно-промышленном центре, ближайшем к Соноре. На этот раз причина конфликта известна. Сначала произошла ссора из-за участка, на следующее утро золотоискатели «Сем Юп» скатили в раскоп «Ян Вос» огромный камень, который мешал им работать. Война была неизбежна. Китайцы повсюду взяли за оружие. И если «Ян Вос» удовлетворялись традиционным оружием – трезубцами, копьями, пиками и кинжалами, то «Сем Юп» заказали в Сан-Франциско 150 винтовок и большое количество боеприпасов. За 10 долларов в день плюс порция виски они наняли инструкторов из числа янки⁵².

В схватке были убиты 4 человека, 12 ранены, и «Сем Юп» несколькими неделями позднее отпраздновали это событие в Сакраменто прекрасным банкетом, закончившимся фейерверком.

Однако не следует думать, что китайцы были беспокойной общиной. В своей массе они были мирными людьми. Преследуемые золотоискателями всех национальностей, включая мексиканцев, которые прогнали их с лучших раскопов, они никогда не сопротивлялись, а бежали в предгорья и довольствовались разработкой участков, оставленных другими.

Первые переселенцы из Китая прибыли в Калифорнию в феврале 1848 года. Их было трое, в том числе одна женщина. В 1852 году их стало уже около 30 тысяч. Вскоре их стали обвинять в распространении азартных игр и проституции. Если допустить, что китайянки действительно были проститутками, то они должны были иметь железное здоровье, чтобы успевать удовлетворять спрос. В 1851 году китайское население Калифорнии насчитывало 12 тысяч мужчин и 7 женщин, с января по август 1852 года в Сан-Франциско высадились 18 тысяч китайцев и только 14 китайцев. Учитывая тот факт, что китайские мужчины никогда не имели дела с белыми проститутками, эти обстоятельства должны были бы благоприятствовать воздержанию больше, чем распутству.

Их обвинили также в поощрении рабства, в продаже девушек содержательницам публичных домов, что в действительности и было. И наконец, китайцев обвиняли в том, что они грязны, едят крыс, что, впрочем, более спорно. На самом деле американцы боялись переполнения города людьми другой расы. Первых переселенцев приветствовали как людей, полезных обществу, и газета Сан-Франциско «Альга Калифорния» даже писала: «Эти пришельцы из Поднебесной превосходные граждане, и мы рады отметить, что каждый день их прибывает очень много»⁵³. Но когда их оказалось действительно много, американцы встревожились, и в 1852 году губернатор Калифорнии, обращаясь к законодательному собранию, заявил, что желательно введение ограничений на въезд для китайцев.

Они были самыми терпеливыми и самыми упорными золотоискателями. Даже тогда, когда залежи оказывались исчерпанными, они неустанно продолжали просеивать песок.

Райский уголок

Начиная с 1853 года появились первые признаки истощения богатых калифорнийских месторождений, что подтверждается данными таблицы⁵⁴.

Налоговый год	Добыто золота
1848	245 301
1849	10 151 360
1850	41 273 106
1851	75 938 232
1852	81 294 700
1853	67 613 487
1854	69 433 931
1855	55 485 395
1856	57 509 411
1857	43 628 172
1858	46 591 140
1859	45 846 599
1860	44 095 163

В 1870 году доход от добычи упал до 18 миллионов долларов.

Другие цифры не менее красноречивы. Тогда как численность населения в горно-промышленных районах увеличилась с 57 797 до 82 573 человек в 1850-е годы, число занятых сельским хозяйством подскочило с 1486 до 20 836 человек⁵⁵. Как и в коммерции, и в области недвижимости, создавались состояния и в сельском хозяйстве. Под Сан-Хосе 150 акров, засаженных картофелем, луком и помидорами, принесли своему владельцу 200 тысяч долларов. Под Сакраменто 4 человека за один сезон заработали 40 тысяч долларов на 16 акрах картофеля. В 1851 году некто Кибур, чью ферму посетил Джон Рассел Бартлет, заработал 8 тысяч долларов, продавая на рынке Сан-Франциско лук со своих двух акров⁵⁶. Цена крупного рогатого скота поднялась с 6 до 75 долларов за голову.

Мормоны, люди особенно находчивые, были одними из первых, понявших важность сельского хозяйства для будущего Калифорнии. 500 из них под руководством капитана Ханга прибыли в 1851 году в долину реки Сан-Бернардино, купили за 75 тысяч долларов ранчо «Сан-Бернардино де Лугос» площадью 37 тысяч акров и через два года начали строительство города Солт-Лейк-Сити по проекту, разработанному Брайхемом Янгом.

Трудолюбивые, трезвые, дисциплинированные мормоны были образцовыми колонистами – фермерами, механиками, ремесленниками. «Благодаря их умению, – пишет отец Хуан Кабальерия, – прекрасная долина расцвела во всем своем богатстве»⁵⁷. Урожай зерновых в 1852 году был превосходным, и по завершении жатвы мормоны организовали большой праздник, чтобы возблагодарить Бога.

Жизнь в Сан-Бернардино текла мирно. Мормоны возвели форт для защиты от индейцев, особенно беспокойных в этот период, построили церковь, школу. Женщины шили и соревновались в искусстве изготовления знаменитых лоскутных одеял.

Несомненно, примерная жизнь этой мормонской общины является одной из самых колоритных страниц периода «золотой лихорадки», и после хаоса приисковых городов Сан-Бернардино представляется настоящим райским уголком.

САН-ФРАНЦИСКО

Попытка с точностью описать Сан-Франциско в период «золотой лихорадки» дело не простое. Не то чтобы отсутствовали планы и описания, просто этот город, переживая множество драматических коллизий, постоянно менял свой облик. Его улицы были построены за одну неделю; целые кварталы разрушались за несколько часов. Пожары шесть раз за четыре года опустошали его. Первый случился 24 декабря 1849 года, и в огне исчез знаменитый Паркер-Хаус, самое известное здание Сан-Франциско. Едва восстановленный, он сгорел снова, и не один раз, а дважды. Еще три пожара пожирала город в 1850 году, а в 1851-м он дважды становился добычей огня. После каждого пожара жители сразу же решительно и самоотверженно принимались за восстановительные работы. Сан-Франциско возрождался из пепла более величественным и красивым.

В 1850 году город получил признание своего городского статуса и в том же году появился в Справочнике городов, который насчитывал 2500 названий. Но его автор писал, что в этом городе «приезжих – тысячи человек, подавляющая часть горожан живет в палатках, а отдельные районы вообще не поддаются точному описанию», поэтому составитель справочника приносит свои извинения читателям¹.

По старым картам и планам понятно лишь, что город был построен в виде амфитеатра на склоне холма и обращен своим «фасадом» к заливу. Улицы пересекались под острыми углами, как повсюду в Новом Свете, независимо от конфигурации участка, а те, что были проложены перпендикулярно, карабкались к вершине холма под большим углом наклона. В 1840 году Сан-Франциско был ограничен заливом, Монтгомери-стрит, и улицами Калифорнийской, Вальехо и Пауэлла. Плаза, или Портсмутская площадь, была центром города. На ней находились таможня, средняя школа, служившая одновременно и храмом, и самые известные игорные дома. На Телеграф Хилле, холме, резко обрывающемся в залив, высился семафор – гордость жителей Сан-Франциско, который принимал сигналы и заранее оповещал торговые дома и бизнесменов о подходе судов.

В 1850 году стало очевидно, что Сан-Франциско больше не может вместить свое население. И тогда были начаты серии гигантских работ, стоимость которых оценивалась почти в полмиллиона долларов². Холмы срезали с помощью парового грейдера, и удалявшиеся таким образом землю и камни сбрасывали в залив, создавая насыпной участок для нового квартала, который стал деловым районом. Набережные продлили на километр, а поперечные улицы, которые их перерезали, были построены на сваях. Несколько кораблей без мачт, служивших складами, были оставлены на месте и выглядели курьезно посреди улиц.

Палаточный город

Скажем сразу: Сан-Франциско, несмотря на свое восхитительное окружение, ничем не мог усладить глаз цивилизованного путешественника, и если город чем и подкупал, то оживленностью своих улиц, колоритностью населения, качеством своих ресторанов, разнообразием зрелищ и развлечений да кругом довольно сомнительных удовольствий, в которые оказывался вовлеченным не один рассудительный мужчина. «Все впервые прибывающие в Сан-Франциско оказываются полностью сбитыми с толку... – заметил Бейар

Тейлор. – Человек не может понять: бодрствует ли он или погружен в какой-то чудесный сон»³.

В 1849 году Сан-Франциско даже не был городом. Энергичный методистский пастор Уильям Тейлор, один из первых поселившихся в этих местах, категоричен: это «палаточный лагерь».

«Ни одного кирпичного дома, и всего несколько деревянных; и ни набережной, ни пирса в порту. И если бы не было нескольких саманных домов, можно было бы легко вообразить, что этот город всего лишь лагерь расположившегося на привал большого каравана, пришедшего накануне, чтобы здесь переночевать; город насчитывал тогда около 20 тысяч жителей»⁴.

Улицы, разумеется, еще не были выровнены. Не было ни тротуаров, ни мостовых. Жители без зазрения совести выбрасывали на них все отбросы, повсюду сновали крысы, и не было никакого освещения. Во время дождя прохожие вязли в грязи, в сухое время их глаза забивала пыль. После сильных ливней, а дождь в зимнее время в Северной Калифорнии идет непрерывно, улицы становились похожими на грязевые реки. Прохожие отваживались выходить на улицу только в высоких сапогах и порой проваливались в грязь по пояс. «Однажды две лошади провалились в трясину на улице Монтгомери так глубоко, что пришлось отказаться от мысли их выволить, и их предоставили судьбе, – пишет Дэниел Леви. – В другой раз трое, вероятно пьяных, угодили в одну из таких трясин и погибли, задохнувшись»⁵.

Другой современник, Уильям Хит Дейвис, сообщает, что «вместо тротуаров укладывали вдоль улиц на расстоянии примерно в пятьдесят сантиметров друг от друга ящики из-под вирджинского табака и бочки из-под гвоздей из Новой Англии»⁶. Жители Сан-Франциско, отправляясь на работу, были вынуждены прыгать с ящиков на бочки, для чего были нужны крепкие ноги и верный глаз. Горе неловким: малейший неверный шаг мог обойтись очень дорого. «Грязь! Я до сегодняшнего дня не подозревал, что значит быть грязным», – писал Т. Уорвик-Брукс спустя некоторое время после прибытия в Сан-Франциско⁷. Что же касается Исаака У. Бейкера, то он признавался в своем дневнике: «Это самое гиблое, самое безнравственное, самое

варварское, самое грязное место, какое только можно себе представить, и чем скорее мы отсюда уедем, тем будет лучше»⁸.

В порту находились корабли всех типов, принадлежащие разным странам. Некоторые из них стояли на мели, другие лежали на боку, третьи были прибуksированы, разоружены и переделаны. В 1849 году в Сан-Франциско было мало домов и много людей, а строительных материалов не хватало, и они были так дороги, что многие из брошенных кораблей были превращены в гостиницы, магазины или склады. Один из них, бриг «Эвфемия», был куплен муниципалитетом и превращен в тюрьму.

Едва Исаак У. Бейкер, сойдя с корабля, ступил «на своего рода набережную», как, поднявшись на несколько ступенек, оказался «прямо внутри деревянной постройки, побеленной снаружи известкой и украшенной внутри кричаще-яркими драпировками, с дверями в каждом конце». С одной стороны был бар с «лучшими алкогольными напитками», с другой – «стол, колода карт и целая куча долларов и дублонов... Сомнений не было: я попал в кабачок, одновременно являвшийся и игорным домом». Бейкер быстро прошел насквозь через это «логово порока» и, выйдя на улицу, угодил «в реку грязи», местами «бездонной глубины». Покорно заправив штаны в голенища сапог, он начал восхождение на холм. Из салунов и игорных домов доносилась музыка. На небольшой площади разносчики, стоявшие по щиколотку в грязи, предлагали прохожим ножи, одежду и всякую мелочь. В старой крытой двуколке с надписью «Ресторатор» мужчина продавал горячий кофе и пирожки. Напротив, в кофейном магазине – простой палатке из хлопчатобумажной ткани на печке попыхивал чайник, наполненный кофе; клиенты сидели на ложе хозяина (простая охапка соломы), а тот «обслуживал их с грацией и ловкостью гарсона в приличном ресторане»⁹.

Пройдя чуть дальше, Исаак У. Бейкер оказался перед салуном, меблированным «стульями, канапе и столами красного дерева». Земляной пол был покрыт грязью, которую гарсон пытался убрать «с помощью не метлы, а лопаты». За баром его взору открылось отвратительное зрелище: какая-то «дама» подавала спиртное многочисленным посетителям.

Он пошел дальше в гору. «Всюду было примерно одно и то же, но в более крупных масштабах, – замечает он, – более крупные постройки, дома и лавки. Улицы стали более широкими, но и лужи – более глубокими; игорные дома стали больше и более импозантными». Вот, наконец, и большая площадь – Портсмут-сквер, в то время просто пустой участок земли, над которым на вершине мачты развевался флаг государственного Казначейства.

Дома и улицы

В 1850 году Сан-Франциско выглядел уже лучше. Было наспех построено несколько красивых домов. Палатки и лачуги исчезли. Многие дома были привезены в разобранном виде с восточного берега или даже из Европы и собраны здесь. На углу улиц Калифорнийской и Монтгомери высился красивый кирпичный дом. Но кроме трассированных улиц все было построено хаотично, без общей планировки и без намека на гармонию.

«Было очень трудно освоиться в этом удивительном месте, – пишет Леонар Кип. – Я присел на какой-то ящик на углу улицы, несколько сбитый с толку царившей вокруг суетой. Сама Уолл-стрит никогда не выглядела такой оживленной. С разных судов к берегу непрерывно подходили шлюпки; полные товаров двуколки ежеминутно выгружали свой груз перед различными лавками; горожане непрерывным потоком лавировали между бочонками и бочками, загораживавшими дорогу там, где следовало быть тротуарам; напротив аукционист громогласно объявлял о каждой продаже многоязыкой толпе. В основном это были американцы, но существенно разбавленные китайцами, чилийцами, неграми, индейцами, канаками. Смещение красных рубах, золоченых эполетов, испанских пончо, длинных кос и шапок из меха енота-полоскуна придавало этому сборищу почти карнавальнй облик»¹⁰.

Он дошел до Плаза, этой большой пустынной площади. На ней размещались лотки с провизией и штабелями строительных материалов. С одной стороны поднималось длинное испанское здание, построен-

ное из высушенного на солнце кирпича и украшенное широкими деревянными портиками. Это была таможня. Совсем рядом с нею находилась более поздняя деревянная постройка, «в которой царил алькальд, высший блюститель закона и порядка»¹¹.

С другой стороны площади высился восстановленный Паркер-Хаус, «одноэтажное деревянное здание в стиле, присущем самым изысканным загородным домам». Это, разумеется, была гостиница и одновременно игорный дом. «За исключением таможни все другие здания, окружающие площадь, были деревянными, и почти во всех главным видом деятельности был игорный бизнес. У каждого заведения было свое название, обозначенное на фасаде огромными буквами: “Эльдорадо”, “Альгамбра”, “Веранда”, “Белла Юнион” и т.п.». Кип незаметно заглянул внутрь некоторых из них и был удивлен, увидев, «как можно с помощью французских обоев, красивых циновок и небольшого подсвечника придать грубому старому амбару вид комфортабельного зала». Покинув эти «вертепы, открытые день и ночь, где не соблюдают даже субботы», он дошел до улицы, которая показалась ему отданной исключительно ресторанам. «Их было очень много, и в большинстве случаев они были не слишком чистыми». Многие из этих заведений предлагали также ночлег. Разумеется, речь шла не о кокетливых номерах, обтянутых красным коленкором – тканью, украшавшей стены почти всех калифорнийских жилищ того периода, а о грубых кушетках, расставленных вдоль стен столового зала, порой даже в виде двухэтажных нар. Несмотря на скорее вызывавший отвращение облик заведений, владельцы гордо выписывали над своей дверью какое-нибудь пользующееся популярностью имя: «Астор Хаус», «Дельмонико», «Ирвинг-Хаус», «Св. Карл», «Америкэн», «Юнайтед Стейтс», что очень веселило Леонара Кипа, человека, привыкшего к светским манерам.

Кип прошел еще несколько шагов по этой «гастрономической зоне». Дома здесь стояли дальше один от другого, и здания из досок уступали место более легким конструкциям, домикам, крытым толстой парусиной, а то и коленкором. Здесь и там виднелись комфортабельные жилища, «перекроенные» из каюты с

какого-нибудь корабля, а в одном месте «большой упаковочный ящик был наспех переделан в премилую спальню с большим количеством очень чистой соломы. Разумеется, она была похожа на конуру, но от этого не менее комфортабельна внутри»¹².

Он прошагал еще несколько минут и оказался в лагере, где жили те, кто готовился уехать в район приисков и решил жить и питаться, не прибегая к услугам гостиниц с их высокими ценами. Эти лагеря были разбиты в «трех небольших ложбинах» на окраине города, названных Счастливой долиной, Веселой долиной и Довольной долиной, «вероятно, в момент чьего-то поэтического вдохновения, потому что росшие там колючие кусты, а также раскиданные повсюду головы и рога быков, разумеется, не превращали эти места в обетованную землю, на которой можно было бы устроить загородную резиденцию»¹³.

Оттуда Леонар Кип дошел до пресидио, заброшенного и полуразрушенного административного здания, занятого всего несколькими рабочими. Затем он подошел к зданию старой испанской миссии, где еще жили священник и несколько индейцев. Когда-то великолепные сады были в полном запустении, а церковь наполовину развалилась.

Уже начинало темнеть, когда он вернулся в Сан-Франциско. В домах зажглись огни. «Куда ни посмотри, везде виднелись переполненные людьми заведения, где пили и играли. Был там также и цирк, а рядом бушевал костюмированный бал с негритянским оркестром. Город казался захваченным неистовым водоворотом развлечений, и чем больше они служили низким вкусам, тем больший успех имели у горожан»¹⁴.

Длинный Причал

3 марта 1851 года в порт Сан-Франциско прибыл Альбер Бенар. Открывшийся перед ним город уже не имел ничего общего с былым нагромождением палаток и дощатых домов, вид которых произвел такое скверное впечатление на первых золотоискателей. После последнего пожара Сан-Франциско значительно изменился, и французы были приятно удивлены,

увидев «хорошо проложенные красивые улицы, деревянные и кирпичные дома, выстроившиеся по строгому плану». Он готовился к тому, что придется опять месить ногами липкую грязь, но был приятно удивлен, шагая чуть ли не по паркету, «правда грубо обработанному»¹⁵.

Бенар любознателен – он хочет все видеть, всюду побывать. Увы, в своих мечтах он порой рассчитывает увидеть из сан-францисского порта горы Сьерра-Невады, «вершины которых, постоянно покрытые снегом, словно стремятся коснуться небес» – и порой утрачивает чувство меры. Кроме того, его записки отдают шовинизмом и самодовольным тщеславием. Тем не менее у него острый глаз, и он оставил чрезвычайно занятные отчеты о городе и его нравах.

Не без восторга он на следующий день после своего приезда прошел по городу, – восторга вполне объяснимого, если вспомнить о том, что он только что провёл шесть месяцев без четырех дней в море. Он с удовольствием и любопытством увидел Портсмутскую площадь, «большую, квадратную, вокруг которой были построены великолепные кирпичные дома»¹⁶. Он любовался Монтгомери-стрит, «этой сан-францисской улицей Оноре, [где] обосновались главные банкиры и торговые фирмы, и [где] на каждом шагу слышен перезвон колоссальных масс золота», и иронически посматривал на знамена и флаги, развевавшиеся над лавками и жилыми домами.

Он спускается по Коммершл-стрит – «чрезвычайно людной улице, ведущей к морю», облик которой его удивляет: «Лавки посреди улицы, у каждой двери – лотки торговцев, на которых разложены продукты всякого рода, прибывающие с другой стороны залива, превращают улицу в настоящий базар». Здесь день и ночь снуют взад и вперед тяжело нагруженные двуколки. Забитые товарами магазины выстроились в ряд почти на всем ее протяжении; а дома, утыканные флагами, создают в городе атмосферу постоянного праздника»¹⁷.

Наконец он вышел к Длинному Причалу – просторной деревянной набережной на сваях, которую ежедневно поглощает прилив. Рейд забит судами всех размеров и флагов.

Бенар говорит о «тысячах судов», но это явное преувеличение. Точное представление о судоходстве в Сан-Франциско можно получить, обратившись к списку судов, бросивших в порту якорь 31 октября 1851 года: 232 американца и 148 иностранцев, из которых 36 британцев и 11 французов¹⁸.

Пароходы регулярно ходили в Сакраменто, Мэривилл, Гумбольдт, Тринидад, а паром делал три рейса в день в Окленд, небольшой городок на другой стороне залива. Вдоль набережных стояли на якоре клиперы, самые прекрасные парусники в мире, чьи мачты гордо поднимались в небо. Тяжелые и непрезентабельные пароходы связывали Сан-Франциско со Штатами через Панаму или Сан-Хуан. Каждые 15 дней из Сан-Франциско уходил в Нью-Йорк почтовый пароход.

1-е и 16-е числа каждого месяца назывались пароходными – отправлялась почта. «Решительно все, мужчины, женщины и дети, местные жители и иностранцы, негодяи и золотоискатели, коммерсанты всех категорий, рабочие и не поддающиеся классификации авантюристы, старожилы и недавние переселенцы – все ждали этого дня», – сообщает современник¹⁹. Накануне деловыми людьми овладевало крайнее возбуждение, и почти все их время занимало составление писем и памятных записок. Для эмигрантов это был день писем семьям и друзьям.

Почта

Прибытие почтового парохода повергало город в еще большее возбуждение, чем его отплытие. Новости из дома, возможность почитать «свои» газеты хотя бы с опозданием на несколько месяцев были для этих изолированных от мира людей ни с чем не сравнимым удовольствием. И нет ничего удивительного в том, что самым многолюдным местом в Сан-Франциско была именно почта.

Это было небольшое строение с широкой крышей, покрытой дранкой, поддерживаемой четырьмя колоннами с фасада. Сюда сходились все письма: золотоискатель с прииска, калифорниец, живущий на своем

ранчо, или коммерсант с Коммершл-стрит, все получали свою почту именно здесь. Почтовое отделение почту адресатам не доставляло. За исключением нескольких обеспеченных жителей Сан-Франциско, плативших за абонентский ящик внутри отделения 1,30 доллара в месяц в 1849 году и 6 долларов в 1852 году, всем остальным приходилось стоять в очереди, чтобы получить свои письма.

В первое время для выдачи корреспонденции было всего два узких окна в фасадной стене здания. Одно, как ни странно, было резервировано «для военных моряков, солдат, французов, испанцев, китайцев, духовенства и для дам»²⁰. В 1849 году почта приходила один раз в месяц, на ее сортировку и распределение у почтовых служащих уходили долгие часы. Очереди растягивались на несколько кварталов, доходя до вершины холма и теряясь в зарослях кустарника.

Бейар Тейлор, решивший «изучить проблему сортировки и распределения корреспонденции», рассказывает о своем опыте: «Однажды вечером в почтовое отделение прибыли семь мешков с почтой. Служащие быстро перекрыли все входы, и оставшаяся снаружи толпа устроила настоящую осаду. Содержимое мешков вывалили на пол, и десять пар рук принялись за работу. Почтовики сортировали письма всю ночь и весь следующий день. Толпа, которую разогнала было ночная прохлада, вернулась и, несмотря на предупреждение, что отделение не откроет окон выдачи, расходиться отказалась. Шли часы, и нетерпение людей нарастало. Они стучали в двери и в окна, угрожали, умоляли. Некоторые даже собирались подкупить почтмейстера, но тот оказался неподкупным.

Во второй половине дня почта пользователей абонентских ящиков была разложена. Служащий предложил им организовать очередь и только после того, как они с этим разобрались, открыл дверь. Тут же возникла «ужасающая» толчея. Стекла ящиков выдавили, а деревянная перегородка вот-вот была готова рухнуть»²¹.

Почтовые служащие, а вместе с ними и Бейар Тейлор, трудились всю ночь и все утро следующего дня.

Окна выдачи были открыты в полдень. Но многие решили провести ночь перед почтовым отделением, чтобы быть первыми. И на этом предприимчивые дельцы норовили погреть руки – перепродажа леса около окна выдачи стоила до 20 долларов. Во время долгого и томительного продвижения к окошку разносчики продавали конфеты, попкорн, пирожки, газеты, кофе и фрукты.

«Грустно, но интересно было наблюдать за лицами людей у окошка», – пишет Тейлор. Он видел, как одни, прочитав, разрывали письма в клочья, другие плакали от счастья, от горя или от разочарования. Третьи покрывали письма поцелуями, иные раскатисто смеялись...²² Незабываемые минуты.

Почтовая служба понемногу налаживалась. В 1852 году окошки открывались с октября по апрель с 8 до 17 часов ежедневно, и даже в воскресенье, если почта прибывала в этот день. Ежедневно почту отправляли в Сан-Хосе, Санта-Клару, Беницию, Сакраменто, Мэрисвилл, Стоктон, по вторникам в Монтерей и Сан-Хуан, по средам в Санта-Крус, по пятницам в Антиох, дважды в месяц в Санта-Барбару, Сан-Луис Обиспо, Лос-Анджелес и Сан-Диего. Для удовлетворения претензий французов к почтовикам был даже нанят один служащий-француз.

Письма в Европу оплачивались при отправлении и при прибытии. «Стоимость пересылки писем высока», – говорил Сент-Аман. Но добавлял, что «письма идут хорошо, когда они оплачены и если почтовое судно не попадает в кораблекрушение»²³. Пересылка письма в США стоила 40 центов, в пределах Калифорнии 12,5 цента.

Внимание жителей привлекало и другое здание – таможня. Его перевели с Портсмутской площади в дом на углу Монтгомери-стрит и Калифорния-стрит. Повидимому, налоги тяжелым грузом ложились на иностранные товары, и Альбер Бенар прямо говорит, что «таможня в Сан-Франциско – это настоящий лес Бонди, в котором к вашему горлу ежеминутно представляют пистолет, чтобы вас обобрать»²⁴. Эти слова в какой-то мере подтверждает и Эдуард Ожер: «Доходы таможни Сан-Франциско неисчислимы. Не считая ставок от двадцати до восьмидесяти процентов за

иностранные товары, они увеличивают свои доходы за счет штрафов, требуемых при обнаружении малейших признаков обмана, за пустяковые нарушения правил, за плохую редакцию даже честной декларации».

На аукционных продажах обнаруживались все виды товаров, изъятых таможей, даже невостребованные получателем. «Одной из особенностей таких продаж... – замечает Ожер, – является конфискация для продажи багажа, содержимое которого никому не известно». Багаж выставляется на скамью, тщательно запертый, и публика толпится вокруг в недоумении. «Что же там внутри? Вот в чем вопрос»²⁵.

Уличный шум

На продуваемом всеми ветрами месте Длинного Причала Бенар поставил «бутик» из пяти или шести плохих досок, быстро продал содержимое своих ящиков, привезенных из Франции, и купил дешевые товары у аукциониста, которые затем продал с трудом. Улицы Сан-Франциско были полны этих мелких кочующих торговцев, вокруг которых всегда собирались зеваки. Они торговали пирожками, овощами, фруктами, винами, всяческой дешевкой. Устанавливали лоток и объявляли себя торговцами. Все это продолжалось до издания в 1851 году городского постановления о запрете публичной торговли на улицах и на причалах, положившего конец коммерческой карьере Альбера Бенара, который после этого занялся журналистикой и театром.

Улицы были запружены и гудели, как бесчисленные рои пчел. В воздухе стоял непрерывный шум от тысяч выкриков и других звуков: повозок, запряженных мулами и лошадьми, носившихся по городу галопом, причем возница «стоял в своем экипаже, как кучер римской колесницы», от колокольчиков и барабанов уличных аукционистов, приглашавших прохожих вступить в сделку, от церковных колоколов, призывавших верующих к молитве, от набата, возвещавшего о пожаре²⁶.

В городе, где дома, тротуары и мостовые были в основном деревянными, где отбросы кучами валялись

на улицах, где содержались на складах огромные запасы алкоголя, где ветер часто свистел со страшной силой, нередко возникали пожары. Они были постоянной угрозой для горожан, так как быстро принимали катастрофические размеры. В самых бедных кварталах они возникали каждую ночь. Едва услышав набат, «все население устремлялось к месту несчастья наперегонки с пожарными насосами»²⁷. В ночь с 3 на 4 мая 1851 года в пепел превратились шестнадцать кварталов. «Зрелище было одновременно ужасным и великолепным, – сообщает Альбер Бенар. – На глазах рушились, как карточные домики, главные дома города: Паркер-Хаус, Юнион Хотел, Эмпайр, Театр Адельфи, таможня, Американский театр, от которых оставалась лишь большая куча дымящихся головешек»²⁸. Материальный ущерб составил 10 миллионов долларов.

На следующий день после пожара Бенар поставил палатку на Портсмутской площади. «Из двух пустых бочек и четырех досок» он соорудил стол, принес бутылки вина, коньяка, виски, джина и рома... и стал ждать клиентуру, «которая тут же не замедлила появиться, так как почти все американские бары сгорели и пьяницам – а в них здесь нет недостатка – больше негде было выпить»²⁹.

Новый пожар, случившийся 22 июня, поглотил всю ту часть города, которая не сгорела 4 мая. На этот раз ущерб достиг 2 миллионов долларов.

Смелость и эффективность действий пожарных не подвергались сомнению. «Самая большая честь, которую мы можем воздать пожарным Сан-Франциско, – пишет Мэрриет, – это просто рассказать о них правду, сказать, что они усердны и бесстрашны и что служат они бесплатно»³⁰. Пожарных набирали из лучших людей города. В конце 1851 года Департамент пожарной охраны насчитывал около 1500 человек и располагал 20 насосами. Каждая рота, организованная по-военному, выбирала себе название и униформу и экипировалась за свой счет. Форма была ярко-красная. Когда в праздничные дни пожарные проходили по улицам, «было невозможно предположить, что за этим блеском скрывается такая самоотверженность и профессионализм»³¹, пишет Мэрриет.

Город возрождается из пепла

Жители Сан-Франциско с жаром принялись за работу. Они расчищали пожарища, убирали мусор, восстанавливали все, что было можно. Зато теперь появилась возможность строить дома из кирпича и камня. Кирпич везли из Сиднея и Лондона, гранит – из Чили и Массачусетса. Муниципальный совет установил на улицах 90 масляных уличных фонарей и превратил Театр Дженни Линд на Портсмутской площади в ратушу и суд. Для строительных рабочих это был золотой век. «Каменщики, плотники, кирпичные мастера зарабатывали по 40–50 франков в день», – пишет Сент-Аман.

Родился новый город, полный прекрасных жилых домов, вид которого очаровал Эдуарда Ожера: «Сан-Франциско стал одним из самых живописных городов. К вершине холма поднимаются кирпичные и деревянные дома, совершенно не похожие друг на друга. Кирпичные или каменные здания, основательные, как крепости, образуют оригинальный и архитектурный ансамбль. Прекрасные долины теперь включены в черту города, а палатки золотоискателей заменены великолепными, расположенными по строгому плану домами»³².

Все мостовые замощены камнем, а тротуары – деревом, но на самых многолюдных, например на Монтгомери-стрит, «тротуары каменные». Теперь в Сан-Франциско 7 школ, 12 церквей, 50 гостиниц, 60 магазинов спиртных напитков, 26 ресторанов, 4 банных заведения, 137 салунов, 5 дантистов, 99 адвокатов, 11 пожарных команд, 21 консульство и 26 часовщиков³³.

Двумя годами позднее, 11 февраля 1854 года, в Сан-Франциско появилось газовое освещение, и в том же году начала действовать трамвайная линия между двумя крайними точками города – Норс-Бич и Саус-Парк, а когда-то похожая на пустырь Плаза превратилась в красивый общественный парк. Наконец, в городе появился Монетный двор. Самой крупной монетой, которую чеканили в Калифорнии, был слэг – или восьмиугольник, «октогон», как ее называли из-за восьмиугольной формы. Эта 50-долларовая монета была, разумеется, для всех предметом зависти, и

Сент-Аман сообщает, что, разочаровавшись во французской политике, люди стали говорить: «Больше я хочу быть ни легитимистом*, ни социалистом, хочу стать октогонистом»³⁴.

В 1856 году, когда «золотая лихорадка» уже стихала, Сан-Франциско был красивым, богатым, обширным, динамично развивающимся городом, со всеми учреждениями цивилизованного мира: банками, роскошными отелями, церквями, приютами, больницами, страховыми компаниями, торговой палатой, 33 ежедневными и еженедельными изданиями, с благотворительными обществами и Юношеской Христианской ассоциацией, с масонскими ложами и другими тайными орденами, с литературными обществами, библиотеками, театрами, клубами и с восемью обществами трезвости³⁵. Но в нем по-прежнему царили насилие и безнравственность.

Малая Чили и Малый Китай

Общество было колоритным, беспокойным, разношерстным, космополитичным. На улицах звучала многоязычная речь, и можно было встретить людей всех рас, а разнообразие одежды добавляло облику города красочности. Некоторые национальные меньшинства образовывали отдельные группы, ограниченные одной улицей или кварталом, которые порой становились отвратительными гетто. Таковы были чернокожие – изгои общества, оттесненные в район Кирни-стрит.

То же можно было сказать и о латиноамериканцах, сгруппировавшихся в Маленькой Чили (название, появившееся на плане Сан-Франциско, изданном в 1852 году). В 1849-м Маленькая Чили была палаточной деревней на южном склоне Телеграфного холма, и ее население жило в основном доходами от петушинных боев, танцевальных залов и домов терпимости. В 1852 году центр Маленькой Чили, Джексон-стрит,

* Легитимисты (*лат.* *legitimus* – законный) – монархисты, сторонники так называемой легитимной династии, свергнутой революцией; во Франции партия легитимистов, сторонников династии Бурбонов, возникла после июльской революции 1830 г.

с ее многочисленными барами, по вечерам превращавшимися в дансинги*, становился местом развлечения подвыпивших золотоискателей. Большая привлекательность этих заведений кроме обилия и разнообразия продававшихся там алкогольных напитков состояла в «мексиканках, перуанках, чилийках и негритянках в кричащих туалетах»³⁶.

Постоянными посетителями здесь были и бывшие каторжники из Австралии, обретающиеся близ Кларкс Пойнта в Сидней Тауне – логове воров, шулеров, бандитов и преступников-рецидивистов. К ним мы еще вернемся.

Бывали здесь и китайцы, которые завладели Сакраменто-стрит и Дюпон-стрит, а также всеми примыкавшими к ним улицами, создав настоящий город в городе. «Внешний вид их лавок, национального костюма, специфический запах, вся атмосфера, в которой они жили, все это создавало красочный образ оживленного уголка азиатского города»³⁷. Среди них было много лавочников, рестораторов, прачек. Можно даже сказать, что китайцы были монополистами стирки. Белье, выстиранное в «различных окрестных лагунах и источниках»³⁸, гладили в Маленьком Китае. В каждом самом крошечном, самом захудалом жилище на любой улице можно было видеть китайца, гладившего чистое белье, ловко управляясь с утюгом, наполненным жаркими углями. В Сан-Франциско, городе холостяков, прачки и трактирщики процветали. Стирка рубахи стоила в 1851 году 50 центов, а годом раньше обходилась много дороже. В Маленьком Китае жили также почтенные лавочники и несколько богатых торговцев, «вежливых, умных и образованных джентльменов», при случае надевавших роскошные костюмы и порой говоривших на отличном английском языке³⁹.

Но согласно авторам анналов Сан-Франциско, которые были добросовестными хроникерами, большинство китайцев – «лодыри», и проводят время за игрой. «Китайские игорные дома день и ночь были полны людей этой расы», – утверждали они.

«Маленькой Франции» в Сан-Франциско не было. Тем не менее французы составляли значительное со-

* Дансинг (англ. dancing – танцевальный) – зал для танцев.

общество, которое сохраняло обычаи и привычки своей страны. Но, не сливаясь с американским населением, французы не были сплочены, как китайцы. Они никогда не создавали многочисленных групп. Классовое сознание, политические убеждения, воспитание способствовали изоляции французов в четко различных категориях, независимо от того, какими были их занятия в Калифорнии. Несомненно, революционные события во Франции 1848 года порождали злобу и неприязнь, разобщили калифорнийских французов. Француз нелегко покидает родину, а когда это делает, то чаще из тяги к приключениям, нежели из желания обосноваться на чужбине надолго. Если, разумеется, за ним нет преступлений и ему не приходится бежать от строгостей закона или искать политического убежища, а также если его не высылают само государство. Поэтому не удивительно, что в целом французские колонисты были не слишком благодородны.

Французы

Сколько их было? Любая цифра неточна. Население перемещалось, местные власти не проводили переписи иностранцев, и даже документы, находившиеся в распоряжении консульства, недостоверны. Сент-Аман, долго занимавшийся этим вопросом, отказался назвать свою цифру. Он пришел к выводу о том, что во всей Калифорнии французское население должно было достигать от 25 до 30 тысяч человек. Но, добавляет он, «общая численность за шесть лет, считая всех, кто здесь был, кто вернулся, кто умер или временно приезжал в страну, должна оцениваться цифрой вдвое большей»⁴⁰.

Чем они занимались? Благодаря Альберу Бенару, С. де Лаперузу, М. де Сент-Аману, Эдуарду Ожеру и многим другим, мы располагаем очень точными сведениями о занятиях французов в Сан-Франциско. Как и китайцы, они обладали монополиями, «очень интересными монополиями, которых американцы у нас никогда не оспаривали», — пишет М. де Сент-Аман. Их можно понять. Французы мыли посуду, подметали улицы, нанимались слугами, чистильщиками сапог.

Чистильщики, среди которых М. де Сент-Аман обнаружил бывшего нотариуса, брали 25 центов за чистку пары обуви. «Признаюсь, мой патриотизм не доходил до того, чтобы отдавать им мои деньги»⁴¹.

Судьба нотариуса – чистильщика сапог – лишь один пример невезения, с которым встречались переселенцы. И далеко не единственный. В письме графа де Россе-Бульбона мы читаем:

«В этой путанице маркиз де... стал служащим своего бывшего шофера, сделавшегося банкиром. Бывший банкир, экс-миллионер, мечтал о месте крупье в игорном доме бывшего Геракла, который ныне делает больше долларов, чем было ядер в сорок восьмом году...; М. Г. ... бывший гусарский полковник, стирает и гладит рубашки, бывший морской лейтенант устроился водоносом, виконт – гарсон в кабачке, и мечтает о дне, когда станет кабатчиком. Уж и не знаю, какой герцог стал чистильщиком сапог...»⁴²

С. де Лаперуз рассказывает, что на ступенях деловой биржи «Калифорния Эксчейндж» он заметил целую вереницу чистильщиков «в ужасных лохмотьях». Он подошел к одному из них, который показался ему «менее грязным, чем прочие», и сказал, поставив ногу на подставку: «Ну-ка, приятель, начисти-ка мне это поскорее до блеска...» Тот, принимаясь за мой ботинок, поднял голову, и у него вырвался возглас удивления. Мы бросились в объятия друг к другу». Чистильщик был не кем иным, как графом Андре де Сент Ф., юным супрефектом при Луи-Филиппе⁴³.

Французы были также поварами, рестораторами, точильщиками, продавцами вина. Их можно было часто встретить на улицах толкающими перед собой ручные тележки, с помощью которых они доставляли вино «корзинами и дюжинами бутылок» на дом состоятельным клиентам. Вина были крупной статьей французского экспорта и соперничали с английскими сортами пива, которые очень ценились, но и стоили дороже других. Несмотря на 40-процентный таможенный сбор цена бутылки хорошего бордо была не больше 25 центов. По данным М. де Сент-Амана, Калифорния в 1851 году потребляла в день от 15 до 20 тысяч бутылок вина – цифра впечатляющая, если учесть, что в этом золотом Штате жило всего около

300 тысяч человек. Надо сказать, что из-за отсутствия сборщиков винограда в Калифорнии его срезали по мере созревания и продавали на рынках, вместо того чтобы служить сырьем для производства вина. Верно и то, что, как с удовлетворением замечает М. де Сент-Аман, «общества трезвости здесь не были так популярны, как в других штатах Союза»⁴⁴. Однако ни в одном другом штате они не были столь полезны. Алкоголизм был здесь настоящим бедствием. Клипперы, прибывшие из Соединенных Штатов в течение трех последних месяцев 1851 года, привезли 494 890 галлонов крепких алкогольных напитков, а в предшествовавшие девять месяцев – 1 миллион⁴⁵.

Другой областью, в которой блистали французы, была мода. «В вопросах хорошего вкуса и элегантности нам нет равных ни среди англичан, обладающих такими превосходными товарами, ни среди немцев с их низкими ценами, ни среди искушенных в промышленности швейцарцев, ни даже среди американцев, делам которых способствуют таможенные тарифы. Нашим модным изделиям отдается предпочтение перед модной продукцией любой другой страны»⁴⁶. Париж, несомненно, господствовал в этом смысле в Сан-Франциско, и самым известным домом моды был «Город Париж», где некто М. Феликс Вердые по баснословным ценам продавал кружева и шелка.

Среди французов было и несколько негоциантов, банкиров, два-три издателя, журналисты, крупье, артисты, музыканты, один «драматург» – Жюль де Франс, автор «Гого в Калифорнии», и один траппер, маркиз де Пэндрей д'Амбель, персонаж совершенно необычный, колоритный, как индейский охотник.

Увязший в долгах дворянин и сумасброд, Пэндрей высадился в Калифорнию в 1850 году. Отказавшись от «бухгалтерской работы в торговле, а также от тяжелого труда золотоискателя»⁴⁷, он поставил свою палатку на другом берегу залива и вел жизнь американского траппера. Одаренный ловкостью и меткостью, он стал удачливым охотником и снабжал город дичью. С. де Лаперуз рассказывает: «Дважды в неделю он отправлял в Сан-Франциско шлюпку, готовую буквально пойти ко дну под тяжестью добычи – косуль, лосей, зайцев, кроликов, белок, диких гусей и уток, местных

кроншнепов или куропатов, а то и дополнял этот груз одним или несколькими медведями». Пэндрей якобы заработал таким образом 30 тысяч долларов. Но жизнь охотника, даже охотника на медведей, оказалась слишком однообразной для деятельного маркиза, и он поспешил организовать экспедицию в Сонору, «чтобы завладеть богатой провинцией» и «по-доброму, или же силой» потеснить апачей⁴⁸. Он без труда собрал отряд из разочаровавшихся французов-золотоискателей. Экспедиция потерпела крах. Однако не один Пэндрей лелеял эту безумную мечту. В следующем году, в свою очередь, на завоевание Соноры отправился Рауссе-Бульбон. И снова провал.

Наконец, было ремесло, в котором французы проявляли свой особый талант: проституция. Разумеется, она не была их монополией, но в этом печальном ремесле французы в Сан-Франциско и за его пределами особенно хорошо преуспевали. Тот факт, что англосаксы называли бандершу «мадам», на мой взгляд, является потрясающим. В этой профессии, как и в моде, французы несомненно задавали тон.

Сан-францисские бандерши

В греховном Сан-Франциско, где золотой мираж выкачивал силы тысяч мужчин в расцвете лет, эти «мадам» и их пансионерки сколачивали целые состояния. Первыми были проститутки из Латинской Америки. Они работали в Маленькой Чили. «Порой, – сообщает Герберт Эсбери, изучавший «фауну» сан-францисского дна с терпением и тщательностью энтомолога, – не менее полдюжины чилиек использовали одно и то же жалкое пристанище, мебелировка которого ограничивалась унитазом, несколькими ветхими раскладушками или соломенными матрацами, принимая своих посетителей либо по отдельности, либо одновременно, и проявляя тем самым полное презрение ко всякой интимности отношений»⁴⁹. За шесть первых месяцев 1850 года в Сан-Франциско высадилось около двух тысяч женщин, главным образом развратниц из Франции и других европейских стран, а также из восточных и южных городов

Соединенных Штатов, в основном из Нью-Йорка и Нового Орлеана. И этот поток не иссякал. На борту каждого судна, отправлявшегося в Калифорнию, было несколько падших женщин, и скоро за Сан-Франциско закрепилась печальная «привилегия»: район красных фонарей был здесь гораздо обширней, чем в городах раза в четыре более крупных.

На самом дне оказывались колонии грешниц портовых кварталов. Самые милостивые, а это порой были опытные куртизанки, становились пансионерками элегантных заведений, соседствовавших с Плазой. Некоторым из этих женщин удавалось разбогатеть. Альбер Бенар, «желая знать все», побывавший везде, пишет: «Есть такие, что за месяц накапливают сумму, достаточную для того, чтобы иметь возможность вернуться во Францию и жить там на проценты... Почти во всех домах можно видеть несколько француженок. Одна стоит у входа⁵⁰ и проникновенными и красноречивыми взглядами привлекает празднующихся, другая сидит весь вечер у стола, за которым играют в ландскнехт, и заводит игроков, третья за стойкой с сигарами воспаляет сердца с такой же легкостью, с какой разжигает сигары, четвертая мяукает в кафе весь вечер под аккомпанемент пианино...»⁵¹

Несомненно, среди них были распутницы с уже увядшими прелестями, которые вели жалкое растительное существование, но в общей массе легкодоступных женщин и они зарабатывали много денег. Все очевидцы категоричны. Альбер Бенар изучил тарифы: женщине, составившей компанию мужчинам в баре или за столом игры в ландскнехт, платили одну унцию золота за вечер, то есть 16 долларов. Продававшая сигары получала столько же. «Это твердая ставка, и они заняты в своих заведениях только вечером. День в их полном распоряжении, и они используют его, принимая многочисленных клиентов». Они оценивали свою благосклонность фантастическими суммами: «Ста пиастров⁵² едва хватало за один миг наслаждения, а целая ночь стоила не меньше двух, трех или даже четырех сотен долларов»⁵³.

Некоторые из этих женщин удачно выходили замуж, торжественно похоронив свое прошлое, и при-

нимались хорошеть и размножаться. Такие союзы вдохновили одного трубадура на сочинение довольно непристойной песни, которая долгие годы звучала в городе:

Золотоискатели приходят в сорок девять,
Шлюхи – в пятьдесят один
И, собравшись вместе,
Делают сына-аборигена⁵⁴.

Прибытия каждого судна с нетерпением ждали владельцы салунов, дансингов, игорных домов и борделей. Особенно ждали кораблей французских, ведь на их борту всегда есть несколько «французских мадемуазелей». «Им все внимание!» – восклицает г-н Сент-Аман⁵⁵. С. де Лаперуз в свою очередь рассказывает, что едва его корабль бросил якорь в порту, как был окружен целой флотилией лодок:

«Сидевшие в них устроили настоящую свалку – каждый желал первым перевалиться через борт, потому что речь для них шла о важнейшем деле – надо было успеть нанять прибывших женщин на работу любой ценой... Хозяева публичных заведений не жалели двух или трех тысяч франков в месяц, чтобы первыми показать этих дам за своими стойками, за игорными столами... и в других местах»⁵⁶.

Прибытие груза свежих грешниц часто анонсировали заранее. Так, корреспондент «Нью-Йорк геральд» в Париже 20 июня 1850 года объявил список парижанок, только что отплывших в Калифорнию. В их числе были м-ль Фризетта, «бывшая актриса Фоли Драматик», м-ль Жюли Мантон, «хорошенькая брюнетка с горящими глазами», г-жа Сара Меркер, «наездница на ипподроме», м-ль Дина Верне, «самая бесстрашная всадница Булонского леса...»⁵⁷.

Шикарные заведения Сан-Франциско были богато украшены. Внутреннее убранство, по словам современника, «самое дорогое, самое пышное, пробуждающее сладострастие»⁵⁸. Всюду белое кружево, красный дамаст, ковры с Востока. «Великолепный» оркестр, шампанское по 10 долларов за бутылку. Иногда «мадам» устраивали вечера, на которые приглашали первых мужчин города. «На турецком или брюссельском ковре кружится какой-нибудь политик с игривой со-

блзнительной красоткой, к ним присоединяется судья, получающий удовольствие, танцуя с прекрасными грешницами, которых может быть завтра пошлет в исправительный дом» – такова нарисованная дрожащим пером Фрэнка Соула картина этих «вертепов», где «странная женщина» развращала добропорядочного мужчину⁵⁹.

«Добродетельные женщины, сестры мои, плачьте! Ваш удел чистить кастрюли, стелить постели, натирать паркет, следить за детьми. Заботы грешниц – богатые туалеты, горячие лошади, прогулки в галантных компаниях, французские рестораны». Преподобный Уильям Тейлор полон сострадания к добродетельным калифорнийским женам, не имеющим возможности выйти из дому, оторваться от бесконечной работы по хозяйству, «потому что большинство их не может платить сто долларов в месяц служанке за помощь, и поэтому лишено возможности принимать даже самое малое участие в жизни общества. Добродетель тяжело шагала по улицам, сгибаясь под тяжестью какой-нибудь привычной ноши, тогда как в общественной жизни доминировали взятые напрокат изнеженные проститутки, придававшие своему умирающему огню эфемерный блеск обманчивыми улыбками»⁶⁰.

Когда преподобный Тейлор встречал на улице одну из этих «потерянных девушек», он как джентльмен, которым и был, снимал шляпу, но одновременно произносил свистящим шепотом, достаточно громким, чтобы она могла слышать: «Позор!»

Некоторые мадам сумели даже прославиться. Таковы были Ирен Маккреди, чей компаньон Джеймс Маккейб был совладельцем Эльдорадо – самого роскошного игорного дома Сан-Франциско, Арабелла Рэян, больше известная как Прекрасная Кора, владелица дома терпимости на Пик-стрит и любовница Чарлза Кора, профессионального игрока и убийцы. У нее клиенты находили самых красивых, самых дорогих и самых «компетентных» девушек⁶¹.

Такой была и китайка А Той, самая знаменитая и самая гнусная. Она приехала в Сан-Франциско, вероятно, в 1849 году. Ей тогда было 23 года, она была миниатюрна и красива. Жила поначалу в лачуге на улоч-

ке, выходявшей к Клей-стрит, в самом центре района, который стал впоследствии Маленьким Китаем, и перед ее дверью каждый вечер выстраивалась длинная очередь. В следующем году эта маленькая проститутка стала бандершей. Она переселилась в более просторный и более комфортабельный дом, взяла пансионерок, а впоследствии занялась торговлей девушками, поставляя их богатым китайским купцам за хорошие деньги. Купленных в Китае по цене от 30 до 90 долларов, их перепродавали в Калифорнии, в зависимости от возраста и красоты по цене от 300 до 3 тысяч долларов⁶².

Поиски супруги

«Бог сказал: “Нехорошо человеку одному. Нужно, чтобы я сотворил подходящую ему помощницу”», – напоминает Тейлор. И Бог ниспослал на человека оцепенение, а когда тот очнулся, то увидел рядом с собою «самое красивое создание, какое ему когда-либо приходилось встречать, плоть от плоти его, для него одного, любящее и готовое быть любимым...»; и сегодня у Адама в Калифорнии тысячи сыновей, которые «все были бы счастливы заснуть таким же самым сном и отдать два ребра, если это будет необходимо, только бы проснуться в объятиях помощницы»⁶³.

К Тейлору приходило много молодых людей с просьбой найти для них достойную супругу. Кроме того, он получал многочисленные письма от одиноких золотоискателей. Но он был бессилён удовлетворить эти просьбы, и это его огорчало. Тем более что в восточных штатах число «невостробованных» девушек превышало число холостяков в Калифорнии. Он предлагал «гуманитарным обществам», занимавшимся наймом девушек для работы служанками, распространить свою деятельность на девушек-невест, честных и набожных. «Я думаю, что легко можно было бы создать какой-нибудь фонд солидарности, чтобы предусмотреть дополнительные расходы, вызванные этим новым направлением их деятельности», – пишет он. «Сразу же по прибытии, – продолжает Тейлор, – “очаровательные и добродетельные Марии”

были бы вверены заботам уважаемых семейств в ожидании замужества. Им оставалась бы только забота о выборе».

На Востоке некая г-жа Фэрхам думала так же. Только предприятие это показалось подозрительным и провалилось. В 1856 году на общую численность населения в 507 067 душ в Калифорнии насчитывалось всего 70 тысяч белых женщин, тогда как численность мужчин в возрасте от 18 до 45 лет поднялась до 175 тысяч человек.

В тот период жизнь без домашних очагов и семей, несмотря на успехи в восстановлении нравственности, продолжала оставаться до странности легкомысленной. Пасторы гневно возмущались происходящим в Сан-Франциско: он и впрямь был «современным Вавилоном».

РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ИГРЫ

Ювенал* когда-то метал громы и молнии против «дегенеративной толпы» детей Рема, упрекая римлян в том, что его интересуют только две вещи: хлеб и зрелища. То же самое можно было бы сказать и о жителях Сан-Франциско, всецело поглощенных алкоголем и игрой. Это, как признают все очевидцы во главе с Бейяром Тейлором, два преобладающих пристрастия калифорнийцев.

Пили повсюду. Это стало привычкой. Пили много и очень часто перебирали. «Количество потребляемой ежедневно водки почти ужасающе, – жалуется Фрэнк Соул. – Ею торгуют во всех игорных домах, на набережных, почти на каждом углу, особенно на некоторых улицах, и почти во всех заведениях»¹. Количество питейных мест по сравнению с числом горожан было несопоставимо.

Одни искали в опьянении лекарство от своих неприятностей, от безделья, скуки, тоски, уныния, от неудачи. Другие пили по привычке, ради праздника, или чтобы «обмыть» какую-то сделку, – всегда можно найти повод, для того чтобы опрокинуть стаканчик.

Деловые встречи обычно проходили в шикарных барах, которые росли как грибы на Коммершл-стрит

* Ювенал Децим Юний (ок. 60 – ок. 127) – римский поэт-сатирик.

«Не останавливались ни перед какими расходами, чтобы привлечь клиента, – пишет Фрэнк Мэрриет. – Владельцы баров – настоящие “артисты” в своей профессии. Мягкие софы и кресла-качалки, обитые бархатом, ждут празднующихся. Но народ предпочитает те бары, в которых за стойкой стоит женщина»². Самым пьющим всегда оказывался американец. Г-н Сент-Аман признавал, однако, что хотя «его склонность к пьянству несколько чрезмерна, это ему не мешает. После длившейся целый день попойки он окунается в воду и погружается в работу с новой энергией»³. И Мэрриет также пишет, что даже если жители Сан-Франциско и пили много, они никогда не напивались допьяна.

В притонах портового квартала, этих логовах порока, преступления, болезней и нищеты, пили такой низкопробный алкоголь, что многих он доводил до кладбища. Соул рисует нам картину кромешного ада, в который попадают калифорнийцы, отвернувшиеся от добродетели: «Пьяные мужчины и женщины, одутловатые, в грязной одежде, заполняют притоны каждый вечер, проводя долгие часы в отвратительных пьяных оргиях. Американцы и европейцы, мексиканцы и южноамериканцы, китайцы и негры вместе губят свое здоровье, давая работу полиции и суду. Пьют скверный алкоголь, по шиллингу или по два за стакан, и эта пестрая компания поет, пляшет, затевает ссоры, дерется, играет и под звуки рваного барабана, потрескавшейся скрипки и расстроенного органа предается всевозможным вульгарным развлечениям, похотливым и непристойным»⁴.

Таковыми были злачные места. Но было и множество других, вплоть до изысканного заведения, открытого в марте 1852 года Бэрри и Паттеном на Монтгомери-стрит, которое не перестает расхваливать Фрэнк Соул. Салуны были превосходно меблированы, игра в них была запрещена, и ни один похотливый художник не расписывал их стены. Первый этаж, «где находились бар и стойка с сигарами, [был украшен] целомудренными картинами, акварелями и в масле, и неплохими гравюрами в богатых золоченых рамах». Роскошные лампы и канделябры освещали комнату. За баром, «изобилующим хрусталем и серебром», сияли боль-

шие зеркала. Подавались только самые лучшие выдержанные вина, а бармен слыл мастером приготовления коктейлей. Ежедневно избранной клиентуре предлагался бесплатный завтрак. На втором этаже находился превосходный бильярдный зал. Не удивительно, что это заведение стало местом встреч самых высокопоставленных джентльменов Сан-Франциско. Но эти роскошь и изысканность стоили дорого. Соул говорит, что его владельцы сверх 60 долларов в день за аренду помещения ежедневно тратили на текущие расходы еще 100 долларов. Только лед стоил от 50 центов до 1 доллара за фунт, «а потреблялось его огромное количество»⁵.

Весы и револьвер

Спекуляция на человеческих пороках и страстях всегда обогащает. В игорных домах их ловкие владельцы старались одновременно удовлетворить вкусы и игроков, и любителей выпить: в каждом таком заведении имелся бар. Восемь самых крупных и самых красивых игорных домов – «Эксчейндж», «Эмпайр», «Юнион», «Паркер», «Эльдорадо», «Веранда», «Соседа» и «Белла Юнион» располагались на западной и северной сторонах Плазы. «Роскошь там была совершенно безудержная, – пишет Лаперуз, – посетителей искушали всевозможные соблазны»⁶.

Каждый вечер здесь собиралась разношерстная толпа, чтобы выпить, поболтать, покурить и поиграть. Мексиканцы дневали и ночевали в этих заведениях. В «Эльдорадо» Лаперуз остановился на минуту около окруженного двумя рядами зрителей стола, за которым шла игра в монте, с интересом наблюдая за одним из игроков-мексиканцев: «Он пристроил у себя на коленях огромную открытую дорожную сумку, полную дублонов, и без конца черпал их оттуда горстями потому, что банкometу необычайно везло»⁷.

В каждом зале было около двадцати столов. Между многочисленными зеркалами и канделябрами на стенах висели «прекрасные французские картины, единственным сюжетом которых были обнаженные женщины»⁸. За столами играли в монте, фараона, ландс-

кнехта и в рулетку. «Задача банкомета в монте очень трудна, – отмечал Фрэнк Мэрриет, – и несмотря на окружавшую его толпу и не прекращающуюся музыку его голова непрерывно занята сложными расчетами, а глаза бдительно (а на вид небрежно) следят за лицами сидящих за столом и якобы неотрывно разглядывающих свои карты; он должен под взглядами внимательных наблюдателей применять все свои хитроумные приемы и стараться, чтобы его не поймали за этим, так как это могло бы стоить ему жизни»⁹.

Действительно, всегда казалось, что крупье и банкометы плутовали, как утверждает Альбер Бенар. «Игра не была честной, – говорит он, – почти все мечущие банк во время игры в монте, фараона и рулетку, самые ловкие игроки и самые опытные шулеры, которых только можно себе представить»¹⁰. Поэтому крупье всегда держал перед собой в выдвижном ящике не только весы для взвешивания золота, но и револьвер, чтобы охлаждать горячие головы. «Каждый, или почти каждый вечер, – сообщает Мэрриет, – ему приходится братья за револьвер, чтобы защититься»¹¹.

Револьвер полковника Кольга – оружие почти не знакомое Европе – привлек внимание всех французов. Г-н Сент-Аман совершенно справедливо пишет: «Ежедневно происходит много ссор, которые в любой другой стране получали бы мирное разрешение, но револьвер сразу все портит»...¹² «Очередь из шести выстрелов» досаждала зрителям. Очень редко развязка наступала на улице или в салоне и обходилось без жертв, не имевших никакого отношения к ссоре. Такие случаи были многочисленны. В «Эльдорадо» Альбер Бенар пять или шесть раз был свидетелем того, как американцы обменивались ударами ножа или выстрелами. Он видел в «Белла Юнионе» двух игроков, которые из-за какого-то пустяка разошлись на пять шагов прямо в игорном зале и разрядили друг в друга свои револьверы.

Спокойно сидевший за соседним столом посторонний человек оказался беззащитным перед шальной пулей, просвистевшей над его ухом и разбившей зеркало за его спиной. Зрители мгновенно попрятались, кто под бар, кто за колонны, с криком: «Не стре-

ляйте!», что по словам Мэрриета означало лишь «не стреляйте, пока мы не уберемся отсюда»¹³. Игра сразу же возобновилась после прекращения стрельбы. Вынесли раненых и убитых, а гарсон тщательно вытер следы крови.

Некоторые видные горожане требовали запрета на ношение оружия, по крайней мере в городе. Однако отсутствие безопасности на улицах делало принятие такой меры невозможным. Таким образом, все отправлялись играть, потанцевать или выпить вооруженными до зубов. «Менее осмотрительные и боязливые французы, – отмечал г-н Сент-Аман, – выходили в город значительно легче вооруженными»¹⁴.

Судьи, пасторы, врачи, адвокаты, торговцы, канцелярские служащие, предприниматели, лавочники, бизнесмены и авантюристы – решительно все посещали игорные залы. Но не все играли. Некоторые ходили туда, чтобы побывать в женском обществе, послушать музыку, просто встряхнуться, ощутить теплоту общения и, разумеется, выпить; другие же, чтобы понаблюдать за нравственным падением человечества.

Играли по-крупному. В начале «золотой лихорадки» нередко можно было видеть игрока, ставившего на одну карту 150–200 унций золота. Даже в игорных притонах портового квартала на игорный стол выкладывали целые состояния. В одной трущобе, куда зашел Лаперуз, была принята формула «самые эксцентричные и самые простые вместе». Перед банкометом и перед каждым игроком по ранжиру выстраивали стекло – от бокалов для вина до ликерных рюмок: «Брались за тот, чей размер соответствовал ставке, которой игрок собирался рискнуть, насыпали в него золотой песок, выравнивали картой, и если проигрывали, то просто высыпали его содержимое перед банкометом, который в свою очередь, если выиграли вы, брал такой же бокал, что и ваш, наполнял его золотом, выравнивал и опустошал перед вами»¹⁵.

Китайцы тоже были азартными игроками, и в Малом Китае были свои игорные дома, которые Фрэнк Соул описывает как небольшие залы на 3–12 столов. «В самых крупных, – говорит он, – играет оркестр из пяти или шести китайских музыкантов, исторгающих

из своих причудливых инструментов такие странные звуки, что для белого человека слушать их настоящая пытка». Порой какой-нибудь певец дополняет своим «завыванием или пронзительным криком» этот ужасный концерт, который Соул сравнивает с «мольбами тысячи обезумевших от любви мартовских кошек», с «криками, курлыканьем, ревом, лаем павлинов, индюков, ослов и собак», с «душераздирающими криками сотен торговых пробками, точильщиков ножей, изготовителей напильников...». В эти места, похоже, отваживаются заглядывать и некоторые белые авантюристы¹⁶.

Законом, подписанным губернатором в апреле 1855 года, игорные дома были запрещены. Тем не менее игра продолжалась – подпольно.

Терпсихора, Кутидон и Мом

В будние дни, как вспоминают очевидцы, улицы Сан-Франциско были заполнены людьми, «спешащими по делам», а ночь отдавалась развлечениям. Жители Сан-Франциско не упускали случая развеяться, ведя светский образ жизни с приятным ощущением, что это не обременительно для их кошельков. Для таких людей в городе организовывались балы, прогулки, лошадиные скачки, корриды, хорошие рестораны, цирки – хватало всего.

Калифорнийцы, мексиканцы и южноамериканцы сходили с ума от танцев и музыки. В Малой Чили праздники фанданго были регулярными. Так назывался бал, посещавшийся исключительно простонародьем. Элита тоже танцевала, но в своем кругу.

Танцевали также и в многочисленных салунах, и в домах терпимости. Но до 1851 года в Сан-Франциско не было настоящего бального зала. Владельцы «Калифорния Эксчейндж» решили два раза в неделю, по средам и субботам, давать костюмированные балы. Успех был ошеломляющим. Послушаем Альбера Бенара: «Все женщины города – француженки, американки, мексиканки назначают свидания, и к ним толпой сбегаются мужчины. Женщины заказывают или же сами шьют для каждого вечера новые костюмы, и порой на них

можно увидеть действительно прекрасные платья, на которые не пожалели кружев»¹⁷.

На этих балах французы в своем кругу отдавались самым эксцентричным и неистовым танцам. В другой части зала американцы танцевали кадрили, «спокойно и бесстрастно, в традиции, естественной для этого народа». Поодаль – «мексиканский танец со всей его томностью и небрежной леностью». Было ощущение, что в зале одновременно проходили «три совершенно разных бала», и группы танцующих смешивались только для вальсов, полек и галопов¹⁸.

Входной билет стоил 3 доллара, и зал был всегда полон. Бенар считал, что эти балы походили на дававшиеся в Париже, в зале Сент-Онорин на улице Сент-Оноре. С одной разницей: «Здесь ни один вечер не обходится без нескольких выстрелов из пистолета»¹⁹. Женщины, посещавшие эти балы, принадлежали, разумеется, к полусвету. Уважаемые сан-францисские дамы никогда не позволили бы себе отправиться на публичный бал. Зато бывало, что на «светские» приемы стремились попасть куртизанки. Так, на одном из вечеров, организованном дамами церковных общин Сан-Франциско, внезапно появился «славившийся богатством и могуществом в деловом мире человек под руку с роскошно одетой женщиной, хорошо известной в городе предосудительными отношениями со своим богатым кавалером»²⁰. Этой парой были знаменитая мадам Ирен Маккреди и Джеймс Маккейб. Тут же присутствовавшие дамы послали к Маккейбу «комитет из джентльменов» и потребовали от него, чтобы он удалился вместе со своей спутницей. Весьма вероятно, что Сара Ройс, рассказавшая эту историю, не была в курсе истинной профессии прекрасной Ирен. Того факта, что она имела любовника, было достаточно для того, чтобы закрыть ей доступ в порядочное общество.

Скоро бальные залы – эти храмы, посвященные «Терпсихоре, Купидону и Мому»²¹ – получили широкое распространение. В них с не меньшим пылом служили и Бахусу. «Представьте себе большой зал площадью примерно сто квадратных футов, с баром длиной в пятьдесят... искрящимся целым батальоном графинчиков резного стекла, с декоративными цветными и

позолоченными орлами над бесконечным строем ликеров и вин – американец не может чувствовать себя комфортно за бокалом коктейля, если над ним не развевается «Звездный флаг» и если глаз символа нации орла – пусть и стеклянный – не заглядывает в этот бокал»²². У дверей клиенты должны были сдать свои зонты кассиру, а оружие – полицейскому. Ссоры случались от этого не реже, но мужские кулаки и дамские ноготки делали их менее опасными.

Храмы гастрономии

Многочисленные рестораны были рассчитаны на содержимое разных кошельков и на любые вкусы. У каждого национального меньшинства были свои заведения, соответствовавшие их запросам. И несмотря на то, что французы в этой профессии первенствовали, китайцы, немцы, чилийцы, мексиканцы, итальянцы, американцы, канаки и даже англичане открывали не меньше ресторанов, в которых их соотечественники наслаждались национальными блюдами.

Сан-Франциско был переполнен съестными припасами. На рынках и в ресторанах в изобилии продавались не только местные продукты, такие, как мясо, рыба и дичь, но и любые импортные – от консервов до устриц, не говоря уже о фруктах и овощах. Картофель поначалу был такой редкостью, что рестораторы для привлечения клиентов выставляли у своих дверей соблазнительные объявления: «Сегодня картофель, картофель к каждому обеду»²³. Тогда одна картофелина «величиной с орех» стоила 25 центов²⁴. С 1851 года эти времена стали уходить в прошлое. Самая утонченная кухня предлагалась немногим любителям, чей кошелек был набит достаточно туго, и такие заведения первого класса, как «Дельмонико», «Саттер», «Ирвинг», «Джексон», «Франклин» и «Лафайет», были дорогими. Самый дешевый обед в них стоил от 5 до 12 долларов. Правда, в дешевом заведении можно было рассчитывать на сносный обед без вина, за 1–3 доллара. В соответствии с меню за жареную утку платили 3 доллара, за куропатку-гриль 2 доллара. Дюжина устриц в коробке стоила 1 доллар, порция баранины или свинины

75 центов, говядина (самое дешевое мясо) – 50 центов, свежее яйцо – 1 доллар²⁵.

Самый знаменитый из ресторанов, «Дельмонико», был реконструирован, расширен и заново украшен. Теперь он стал почти достоин своего нью-йоркского тезки. Зайдем в него вместе с Алонсо Делано. Пройдя через стеклянную дверь, вы попадаете в длинный хорошо натопленный зал с мраморным полом и изысканной мебелью – глубокими креслами и мраморными столиками, на которых к услугам клиентов домино, чтобы можно было «убить время в ожидании заказа». Справа – роскошный бар, где двое служащих готовы «предугадать все ваши желания» с предупредительностью, которой трудно сопротивляться. «Горящий пунш к виски?» «Нет, нет, просто бренди с водой»; и вы проходите в обеденный зал. Во всю его длину тянутся в строгом порядке ряды столиков, покрытых скатертями, со свежими салфетками. Вам предлагается меню, «которое могло бы спровоцировать даже отшельника на нарушение монастырского устава. В этом меню есть все, что еще недавно летало, ходило или плавало»²⁶.

Нужно было обладать аппетитом Гаргантюа, чтобы продержаться до конца званных обедов, даже при сервисе «по-французски», когда все блюда ставились на стол одновременно и приглашенные могли есть то, что захотят и когда захотят – или, скорее, когда смогут, так как часто случалось, что вожденное блюдо исчезало из-под носа обедавшего и оказывалось у более расторопного соседа.

Меню обеда на 40 персон, данного 28 июля 1852 года в салоне «Лафайет» в честь француза Эжена Деллезера, содержало не меньше семи перемен. В числе блюд, подававшихся сразу после супа, мы находим «молочного поросенка а-ля Монморанси» и говяжье филе «по-парижски», в числе закусок – рагу из риса «а-ля Мазарини» и пирожки «по-флорентийски», в числе блюд после закуски – «тюрбан» из зайца «а-ля Периге», сюпрем из птичьего филе «по-гречески», майонез из омара в желе, в качестве жаркого предлагались: кусок косули «по-парижски», молодые цыплята, откормленные зерном, с кресс-салатом, индюшата, начиненные трюфелями «по-перигорски». Затем перед десертом

подавали легкие сладкие блюда, которых всего было восемь, в том числе бланманже, миндальное печенье с апельсином, желе «по-сакраментски», русскую шарлотку, орлеанский пудинг. За всем этим следовали «полные десерты».

Этот обед для гурманов, на который собралось «много наших самых видных торговцев, чиновников, капиталистов и представителей свободных профессий», разумеется, сопровождался винами и алкогольными напитками «лучшего качества»²⁷.

Французские предприниматели открыли несколько ресторанов, не столь роскошных, как «Дельмонико» или «Лафайет», но и они ценились горожанами не меньше. Таким был ресторан «Золотая курица», название, которое скверное англосаксонское произношение быстро переделало в «The Poddle Dog» – «Пудель». Такими были и «Мэзон Риш», и «Мэзон Маршан», а также другие гастрономические храмы, куда приходили обедаться жители Сан-Франциско²⁸.

Было также и несколько «особых заведений», скопированных с ресторанов парижских бульваров, где за непомерную цену можно было заказать изысканный обед, который подавали «юные отзывчивые Гебы»²⁹, а в 1851 году один французский ресторан открыл «особые кабинеты», где гастрономия соединялась с флиртом. Заведения каждый вечер заполнялись отъявленными кутилами – бонвиванами и куртизанками в шуршащих платьях.

«Элита» в 1853 году собиралась в ресторане «Уинн Бранч», открытом в январе трактирщиком Уинном. «Бранч», расположенный на углу улиц Вашингтона и Монтгомери, был украшен с большим вкусом, и алкогольные напитки были у Уинна запрещены. Подавали мороженое, желе, пирожные и самые изысканные прохладительные напитки; «посетители могли встретить там самых уважаемых дам и господ страны». Г-н Уинн, уже владевший знаменитой «Фаунтин Хэд», держал 100 человек персонала, и его доходы с двух заведений доходили до 57 тысяч долларов в месяц. Кроме того, он был кондитером и экспортировал свои конфеты во все страны мира³⁰.

Он приехал в Сан-Франциско в 1849 году без гроша в кармане, заняв у друга деньги на дорогу. Начинал

торговцем вразнос, продавая на улицах конфеты с лотка, подвешенного на шее с помощью пары бретелек³¹. Потом он открыл небольшую лавку, которую дважды уничтожал пожар. Но он был настойчив и в конце концов сколотил значительное состояние. Щедрый филантроп, он всегда был готов помочь ближнему, кормил «бедных и голодных» в своих двух ресторанах, помогал жертвам «бедствий и катастроф», а в 1853 году он пожертвовал 7 тысяч долларов церкви³².

Театр

У жителей Сан-Франциско было много способов занять свой досуг или, попросту говоря, убить время. Прежде всего театр. В январе 1850 года в Сан-Франциско приехала театральная труппа с намерением дать несколько спектаклей. Поскольку театра в городе еще не было, актеры выступили на втором этаже здания, в котором находилась редакция газеты «Альга Калифорния». Успех этого предприятия был очевиден, и несколькими месяцами позднее на улице Вашингтона был построен небольшой уютный зал. За ним поднялись и другие театры, «Дженни Линд», «Адельфи», «Америкен», «Метрополитен» и «Юнион».

Параллельно со своей журналистской деятельностью Альбер Бенар решил создать театральную труппу, а директор «Дженни Линд» согласился сдать ему в аренду зал для нескольких представлений. Бенар по этому случаю добавил к своей фамилии театральный псевдоним «де Рюссайль» и написал пьесу «Калифорнийский гений», которую сам же и поставил на сцене, став одновременно и режиссером, и контролером. Эту пьесу играли четыре вечера подряд, и зрители встречали спектакль бурными аплодисментами. Сгоревший во время пожара в мае 1851 года деревянный «Дженни Линд» был восстановлен в камне и кирпиче, с четырьмя ярусами, партером, оркестровой ямой, ложами и амфитеатром. Стены оставались голыми, «без обоев и обивочной ткани, без украшений, и при входе в зал вас пронизывал холодок», говорит Бенар³³.

Но это не смущало американскую публику: «Я не могу обойти молчанием тот совершенно необычный для американцев пыл, с которым они выражали актерам благодарность за доставленное удовольствие... Во Франции мы аплодируем до изнеможения, иногда кричим “браво”. В Италии, Испании, Англии, России удовольствие и удовлетворение выражают, насколько я знаю, таким же образом. В Америке все по-иному. То, что повсюду служит выражением неодобрения и осуждения – свист – там изъятие восторга. Чем больше американцам нравится спектакль, тем больше они в театре свистят, а когда к адскому шуму, вызванному свистом, добавляются дикие крики, что бывает часто, это значит, что публика в восхищении»³⁴.

Цена места в театре высока: 3 доллара в первом ярусе, 2 доллара во втором, 1 доллар в партере, но постоянная труппа играет хорошо, а в главных ролях выступают ведущие актеры. Таковы знаменитый комедийный актер Джеймс Старк с Восточного берега, трагик Джуниус Брутус Бус, основатель крупной актерской династии, самым знаменитым представителем которой был Джон Уилкис, убийца президента Линкольна.

Как журналист, Бенар имел доступ во все театры. Его любимым был «Американ Сиетер». Это, пишет он, «настоящая бонбоньерка. Комфорт, которым так хорошо умеют себя окружать как американцы, так и англичане, заявляет о себе на каждом шагу. Повсюду мягкие ковры, которые, приглушая шум шагов, позволяют спокойно прогуливаться в кулуарах и заглядывать в ложи, не вызывая безумных криков из партера “Тише! Тише!”». Ярусы украшены «изящными росписями», ложи – «тонкими муслиновыми занавесками и бархатом гранатового цвета». Таким же бархатом обтянуты диваны и кресла. Труппа «более чем удовлетворяет потребности зрителей». Бенар особо отмечал очарование и талант мисс Карпентер, «прелестями, которой не устают восхищаться и аплодировать». Зал бывал полон каждый вечер. Оркестр, «довольно многочисленный и руководимый хорошим дирижером, во время антрактов играет кадрили, вальсы и польки, несколько лет назад производившие фурор в Париже»³⁵.

Об «Адельфи Театре», где выступала французская труппа под руководством трех женщин, Бенар отзывается со всем присущим ему остроумием. «Разумеется, здесь, в 6 тысячах лье от Парижа, мы не можем быть слишком требовательными и строгими, и поэтому всегда готовы находить очаровательными вечера, которые эти дамы устраивают для нас каждое воскресенье. И прежде всего лично я не могу быть слишком строг к любой из этих любезных, добрых дам, которые очень ко мне расположены», – пишет он в своем вступлении. Тем не менее, хотя Бенар по понедельникам и публиковал в своей газете «такие длинные рецензии, которых не всегда удаивались даже лучшие постановки наших парижских театров», он признавал, что спектакли, которые они ставили, были весьма посредственными. «О, лживая пресса! Я про себя оплакиваю тех, кто следующим воскресеньем, поверив статье “Театр”, напечатанной в “Дейли Тру Стандарт”, спешил заказать ложу, надеясь провести в театре один из самых приятных вечеров»³⁶.

Осенью 1853 года был построен «Метрополитен» – «самый красивый храм драматического искусства в Америке», писал Фрэнк Соул. Это был такой опасный соперник для «Америкен Сиетер», что его владельцы в какой-то момент даже собирались закрыться.

Как раз в этот период в Сан-Франциско приехала молодая филладельфийская актриса Матильда Херон, «никому не известная и никого не знавшая», – в пути это несчастное дитя потеряло своего импресарио. Ее ангажировал «Америкен Сиетер», и своим талантом, своим «артистическим гением» она покорила город. Ее в глубоком молчании зачарованно слушали как «пожиратели арахиса на галерке», так и «почтенные бездельники» в партере. «Спокойная благопристойность салона вытеснила шумную оживленность цирка, даже яростные аплодисменты считались неуместными»³⁷.

У американцев и китайцев также были «места развлечений», отвечавшие их традициям и вкусам. В 1852 году появилась театральная труппа в Малом Китае, а в 1853-м был открыт еще один театр. К китайским зрителям часто присоединялись и западные.

Цирковые представления

Регулярно давали представления итальянские, немецкие, мексиканские, французские и английские оперные и балетные труппы, привлекавшие толпы зрителей. В обществе царило не только праздничное настроение: одиночество, в котором жили большинство горожан, толкало их в многолюдные места. И если излюбленным заведением жителей Сан-Франциско был салун, где они действительно чувствовали себя «как дома», то и многие другие места были для них спасением от скуки. В Сан-Франциско был даже концертный зал – гордость порядочного общества, где собирались люди, влюбленные в серьезную музыку и предпочитавшие «благопристойные» зрелища. Там же читали и лекции. Фрэнк Соул радовался тому, что теперь «литературная публика» получила возможность слушать «выдающихся ораторов», обсуждать проблемы нравственности и науки, а также заниматься «другими поучительными вещами»³⁸.

Еще одним притягательным зрелищем были цирковые представления. В Сан-Франциско в 1849 и 1850 годах открылись два цирка: первый на Кирни-стрит, второй на Монтгомери. Третий развернул свой шатер чуть позднее на западной стороне Портсмутской площади. Публику не смущали ни отсутствие комфорта – зрители сидели на деревянных скамьях, ни стоимость входного билета – 3 доллара в партере, 5 долларов в ложе, ни посредственность аттракционов. Восхищенная публика замирала от страха перед прыжками наездников, взрывалась хохотом в ответ на проделки клоунов с размалеванными лицами, волновалась, глядя на акробатические трюки гимнастов, приходила в умиление от шансонеток в исполнении местных лирических артистов.

Развлекались тихими играми: боулинг, бильярд, домино, шахматы – все они были чрезвычайно популярны. Американцы были фанатиками боулинга – кеглей для взрослых, в то время не известного в Европе. В боулинг играли, сообщает г-н Сент-Аман, «как в помещениях или под навесом, так и на открытом воздухе, как когда-то у нас играли в мяч через сетку на огороженном поле». Из-за мячей размером с человеческую го-

лову эту игру называли боулинг, что означает «слишком утомительный»³⁹.

Французы предпочитали боулингу бильярд. В Сан-Франциско открылось множество академий бильярда, привлекавших огромное количество бездельников, несмотря на высокую цену, которую вынуждали платить хозяева залов. Французы составляли их «неутомимую клиентуру».

Они также были страстно привержены домино. Тихое развлечение? Как бы не так. Послушаем г-на Сент-Амана: «В некоторых модных парижских кафе шумное домино служит предметом горячих споров для тех, кто заглядывает сюда, чтобы выпить чашечку кофе или бутылку пива»⁴⁰.

В Сан-Франциско находились и яростные любители шахмат, и г-н Сент-Аман, открывший в своем доме клуб, приносивший скромный доход, удивлялся мастерству игроков, как англичан, так и американцев, мексиканцев и французов. «Несомненно, очень немногие провинциальные города, а может быть, таких не нашлось бы вовсе, могли бы выставить на соревнование столь сильных игроков»⁴¹.

Были и жестокие игры: петушинные бои, корриды, схватки между быками и между собаками, или медведями-гризли. Как и очень популярные в Сан-Франциско бега, эти цирковые развлечения происходили по воскресеньям в «Миссии Долорес», примерно в трех километрах от Сан-Франциско. По мощеной дороге с недавних пор ходил омнибус. По воскресеньям сюда устремлялись тысячи людей во главе с мексиканцами. Еще одна такая арена находилась в черте города, на Вальехо-стрит.

Неотъемлемое индейское и испанское наследие мексиканца – религиозность, любовь к праздникам и гипноз смерти. Смерть освещает его жизнь. Большому любителю родео, в ходе которого, как и в других праздниках с участием наездников, побеждает мужская сила, зрелища на арене приносят ему дикую радость.

Вызов смерти – традиция мексиканских матадоров. Народ воспламеняется при виде этих людей в сверкающих костюмах, этих гордых, пылких всадников, атакующих дикого быка, заставляющих думать, что Бог

создал лошадь только для того, чтобы доставить удовольствие мексиканцу.

Но не одни мексиканцы любили кровавые зрелища. Жители Сан-Франциско всех национальностей по воскресеньям заполняли арены, на которых шли бои животных. С каким-то патологическим наслаждением они смотрели на то, как раздирали друг друга на части собаки, медведи и быки. Это была целая череда ужасов, способная увлечь людей, вышедших за жесткие рамки общественного бытия, раскрепостивших все свои эмоции и страсти.

Хуже того: стало привычным всеобщее наслаждение фактом насильственной смерти.

ЗАКОН И ПОРЯДОК

«Город полон негодяев, ша-
стающих по улицам в поисках добычи. Единственный
способ обуздать всех этих грабителей – показать им,
что в стране, где каждый может честным трудом зара-
батывать себе на жизнь, они заслуживают виселицы».

Так сурово высказывается Нельсон Кингсли в 1850
году¹. Ему вторят многие – Сан-Франциско был насто-
ящим разбойничьим притоном.

До 1849 года горожане жили в своего рода Арка-
дии*. В городе царили гармония и покой. Жизнь была
безмятежной и даже приятной несмотря на ветер, ту-
маны, крысы и грязь. Каждый знал своего соседа, и ни-
кому не приходило в голову запирать свою дверь на
ключ. Не было не только церкви, но и полиции, и
тюрьмы.

Эта эра невинного простодушия закончилась с
открытием золотых россыпей. Сан-Франциско пре-
терпел ряд жестоких потрясений, которые резко из-
менили социальную структуру общества. Прежде все-
го произошел исход населения на прииски. Затем
последовал массовый наплыв переселенцев. За три го-
да своеобразного «переходного периода» не было со-

* Аркадия – область в центральной части Пелопоннеса. Изобра-
жалась райской страной с патриархальной простотой нравов.
В переносном смысле – счастливая страна.

здано административной структуры, способной охранять закон и порядок.

Первая волна преступности обрушилась на Сан-Франциско в начале 1849 года. Среди добровольцев полка полковника Стивенсона, все новобранцы которого были ньюйоркцами, конечно, были честные и храбрые молодые люди, но было также много и проходимцев, бывших ранее активными членами «Dead Rabbits» («Мертвые кролики»), «Plug Uglies» («Отвратительно-зажигательные») и других банд из кварталов Бауэри и Файв Пойнтс. Один из них, по имени Сэм Робертс, организовал из шайки преступников банду «Гончих», которые, подстрекаемые политиками, принадлежавшими к организации «Now nothing»², совершали преступления, демагогично выдавая себя за патриотов и защитников американских интересов. «Гончие» разгуливали по улицам с развевавшимися по ветру флагами, с воплями и бранью охотились на латиноамериканцев, как почти столетие спустя в Германии фашисты будут охотиться на евреев. Рядом с Плазой, в большой палатке, названной ими «Таммани Холл», они устроили свой штаб по аналогии с «Таммани Холл Клубом», штабом демократической партии в Нью-Йорке и прибежищем гангстеров.

Остальное население было слишком занято зарабатыванием денег, чтобы сострадать этим жертвам, тем более что обитатели Малой Чили имели скверную репутацию. Что касается алькальда, то и он расписался в своем бессилии. Так наглость «Гончих» дошла до предела: 15 июля 1849 года они, пьяные, ворвались в Малую Чили, рвали в клочья палатки, грабили, избивали, убивали и поджигали все вокруг.

Чаша терпения горожан переполнилась – энергичный глава мормонов Сэм Бреннан призвал жителей Сан-Франциско собраться в 3 часа на Плазе. Пришла громадная толпа. Бреннан с возмущением порицал этот акт терроризма. Была открыта подписка в пользу его жертв и создана группа добровольцев для освобождения города от «Гончих». В течение следующего часа 250 решительных мужчин были приведены к присяге, вооружены, и охота на «Гончих» началась. К концу дня двадцать из них были арестованы и закованы в кандалы на борту военного судна США,

остальные бежали. Арестованные предстали перед судом и были приговорены к разным срокам тюремного заключения в зависимости от содеянного.

Но единомышленники их не забыли, и спустя несколько дней под тем предлогом, что в Сан-Франциско не было тюрьмы, преступников освободили. Но они были так напуганы, что уже не смогли собраться в банду, а вскоре и вообще уехали из города.

Сиднейские утки

Через несколько месяцев город снова захлестнула волна преступности. Из Австралии приехало много бывших каторжников. Некоторые из них отправились на прииски, большинство же осели близ Кларк'с Пойнт и скоро возглавили воровской мир города.

Жителей Сидней Тауна – сутенеров, убийц, пьяниц, путан, грабителей и прочих преступников всех мастей – стали называть «сиднейскими утками». Сиднейские утки жили вымогательством, разбоем, карманными кражами, проституцией, игрой. Они шантажировали скомпрометировавшие себя семьи, собирали дань с незаконных таверн и винных погребков. В таких заведениях, как «Бор'с Хэд», «Фьерс Гризли», «Гоут», можно было за щепотку золота получить благосклонность какой-нибудь распутницы, выпить виски или полюбоваться непристойным зрелищем. «Гоут» был убежищем Грязного Тома Макэлира, сутенера, который за несколько центов был способен съесть или выпить любые отбросы и нечистоты. Когда в 1852 году его арестовали, он похвалялся тем, что не был трезвым семь лет, и признался, что даже не помнит, когда мылся в последний раз³.

Считается, что в 1850 году в Сан-Франциско ежедневно совершалось 2 убийства и что 4 из 6 больших пожаров, пожиривших город, были результатами преступных поджогов. Время от времени арестовывали того или другого сутенера – теперь в Сан-Франциско были тюрьма – бриг «Эвфемия» и несколько полицейских. Были назначены шериф и маршал города. Но некоторые полицейские были связаны с бандитами, большинство адвокатов не внушали доверия, а многие

судьи и присяжные были продажными. Случались также освобождения из-под стражи из-за «следственных ошибок». Когда преступники в конце концов попадали под суд, осуждали их редко, и ни один никогда не был казнен.

Никто не решался выходить на улицы Сан-Франциско по ночам. Фрэнк Мэрриет рассказывает анекдот, прекрасно иллюстрирующий разгул преступности, царивший в городе. Как-то вечером один из его друзей возвращался домой по пустынной улице, когда он приблизился к какому-то закрытому ресторану, из окна которого вырывался слабый свет, к нему подошел мужчина и очень вежливо спросил, который час. «Мой друг столь же вежливо поднес к свету большие часы в виде луковицы, осторожно приложив к луковице ствол своего револьвера, и предложил незнакомцу самому посмотреть на циферблат. Тусклый свет осветил барабан его “шестизарядника”, когда прохожий не без труда разглядывал стрелки часов».

Этим история не закончилась. Оба уже были готовы разойтись, когда свет впервые упал на их лица, и тут они узнали друг друга. Оказалось, что не далее как этим же вечером вместе обедали⁴.

По инициативе Бреннана население снова активизировалось. Ночью 10 февраля 1851 года на одного уважаемого сан-францисского торговца С. Дж. Янсена напали двое бандитов, отобрали у него 2 тысячи долларов и оставили умирать. Назавтра полиция арестовала двух «сиднейских уток». Одного звали Роберт Уиндред, другого, утверждавшего, что он англичанин и что зовут его Томас Бердью, опознали как Джеймса Стюарта, бывшего каторжника, разыскиваемого за многочисленные кражи и за убийство шерифа графства Юбы Чарлза Мура. Сам потерпевший, немного оправившись, опознал в Бердью-Стюарте обокравшего его грабителя.

Янсена в городе все очень любили. Возбужденная толпа собралась около городской ратуши, где оба преступника содержались в карцере под надежной охраной, и потребовала, чтобы их немедленно повесили. Тем, кто хотел, чтобы правосудие свершилось по всей форме, Сэм Бреннан заявил: «Мне крайне удивительно слышать разговоры о судьях и мэрах. Я устал от этих

разговоров. Эти люди убийцы и грабители. С нас довольно последних восемнадцати месяцев, в течение которых мы были игрушками для этих судей, приговаривающих каторжников к высылке в Соединенные Штаты. Мы сами и мэры и судьи, палачи и законники. Законы и суды Калифорнии пока еще не повесили ни одного преступника; а тем временем мы каждое утро читаем сообщения об убийствах и ограблениях. Мне эти технические детали не нужны. Все эти штуки изобретены для защиты виновных»⁵.

Суд Линча

Алькальд обещал, что преступление будет караться по всей строгости закона. Бердью-Стюарт был отправлен в Мэрисвилл для суда за убийство шерифа Мура и приговорен к повешению, но поскольку речь шла об англичанине Томасе Бердью, исполнение приговора было отложено, так как его сходство с австралийским бандитом было действительно поразительным. Что касается Уиндредра, осужденного на 14 лет тюремного заключения, то ему через некоторое время удалось бежать из тюрьмы с помощью сообщника.

Терпение горожан подходило к концу. Сэм Бреннан собрал видных людей города, и был создан комитет бдительности для «защиты жизни и имущества граждан и жителей города Сан-Франциско»⁶. Для его штаба выбрали здание на углу Беттери и Пайн-стрит, и было решено, что саперная рота «Моньюментал» будет на суд над преступником созывать своих членов похоронным звоном (вместо яростного набата, как в случае пожара).

В ночь 10 июня 1851 года похоронный колокол прозвучал впервые. Тысячи людей, не имевшие ни малейшего понятия о том, что происходит, устремились на этот призыв. Сидевший в тюрьме Джон Дженкинс был одним из самых отпетых подонков Сидней Тауна. Бреннан выступил с речью перед собравшимися, чтобы прояснить ситуацию. Он сказал, что вина этого человека доказана, и спросил, какого наказания он заслуживает. «Повесить его!» – в один голос выкрикнула толпа. На приведенного на Плазу Дженкинса накинули

петлю. «Толпа людей потянула веревку, и тело казненного взвилось вверх, словно чтобы он сам мог убедиться в том, что на этот раз справедливость восторжествовала и он получил по заслугам», – пишет Альбер Бенар⁷.

Комитет раскрыл имена своих 184 членов и, ссылаясь на старый мексиканский закон, запрещавший любому ранее судимому въезд в местные провинции, приказал населению Сидней Тауна немедленно покинуть Калифорнию. Некоторых из них выслали, другие бежали, третьи затаились. Тем временем комитет бдительности отыскал настоящего Томаса Стюарта и послал своего представителя в Мэрисвилл с целью освобождения несчастного Бердью, которому вернули кошелек с несколькими тысячами фунтов. Джеймс Стюарт, прекрасно понимавший, какая судьба его ждала, решил, по словам одного свидетеля, «окончить свои дни во славе» и признался в «сотнях совершенных им преступлений», не упустив ни одной детали. Он заявил также, что у него были сообщники из числа полицейских и что они за 6 тысяч долларов способствовали бегству многих преступников. Ему дали два часа на покаяние, затем вооруженные члены комитета бдительности повели его на пристань и повесили перед собравшейся там довольно большой толпой.

Население было очень довольно, а губернатор Джон Макдоугал – не слишком. В глубине души он был согласен с комитетом бдительности, однако как губернатор не мог допускать подмены законной судебной власти судом Линча. Поэтому когда комитет арестовал двоих новых бандитов, Сэмюэля Уиттекера и Роберта Маккензи, осудил их и приговорил к повешению, он послал шерифа с текстом « *Habeas corpus*»⁸ – «Закона о неприкосновенности личности» и с усиленным нарядом полицейских, чтобы доставить осужденных в городскую тюрьму. Несколько «хранителей бдительности» не смогли оказать никакого сопротивления, и заключенные, «страшно обрадованные»⁹, говорит современник, последовали за шерифом.

В течение двух дней ничего не произошло. На третий, в воскресенье 24 августа, вооруженные «бдитель-

ные» силой ворвались в тюрьму, захватили обоих грабителей, заставили их сесть в экипаж и галопом доставили в штаб комитета. «Эта операция была проведена так быстро, – рассказывает Эдуард Ожер, – что не прошло и пятнадцати минут между похищением, транспортировкой и казнью осужденных, хотя расстояние от тюрьмы до штаба комитета составляло два километра»¹⁰.

Услышав звон похоронного колокола, тысячи жителей Сан-Франциско собрались на месте казни. В первом ряду стоял С. де Лаперуз. Он с большим удовлетворением присутствовал при казни этих «кровожадных людей», сеявших ужас. Если Уиттекер (которого по ошибке звали Стюартом) умер быстро, то Маккензи, «крепкому парню, – говорит Лаперуз, – понадобилось больше времени, чтобы отдать свою подлую душу дьяволу, и перед нами предстало необычное зрелище, описанное некоторыми знатоками, но о котором мне рассказывать довольно трудно»¹¹.

Заметим сразу же: современники одобряли суд Линча, независимо от их национальности и воспитания. Послушаем еще раз такого тонкого человека, как Лаперуз: «...Во время этого применения закона Линча я не оставался в стороне и с рвением тянул веревку, положившую конец подвигам этих бандитов»¹². А Эдуард Ожер вспоминал: «Насколько бы незаконным ни было это присвоенное судом Линча право на строгость его приговоров, когда речь идет о жизни людей, следует признать, что общество бдительности оказало огромную услугу населению Калифорнии. Без его полезного вмешательства в период, когда Сан-Франциско был прибежищем для всех жуликов и где закон находился в руках преступных мздоимцев, жизнь каждого человека и его личная собственность оставались бы незащищенными»¹³.

Французы, американцы, англичане – все признают, что именно благодаря непримиримой позиции «бдительных» город Сан-Франциско может избавиться от преступников. К моменту роспуска комитет насчитывал 700 членов.

Их деятельность устрашала бандитов, «по-крысиному» бежавших от всеобщего гнева. Она приводила в ужас также представителей судебной и администра-

тивной власти, политиков и полицейских, которые взялись, наконец, за исполнение своих обязанностей, и законопослушные граждане Сан-Франциско могли целых два года спать спокойно.

Закон прииска

Сан-Франциско первым подал пример. Затем комитеты бдительности были созданы во всех городах, а комитет Соноры заключил соглашения о взаимной помощи с комитетом Сан-Франциско. Но в районах золотых месторождений суды Линча обосновались уже давно. Миновали идиллические времена 1848 и 1849 годов, когда здесь было много золота и царила честность. На берегах Калифорнии высаживались и сливки общества, и подонки всех мастей. Один калифорниец, Дон Фернандес, отлично охарактеризовал ситуацию, саркастически объявив 1849 год «великим годом импорта»: «Австралия посылала сюда своих преступников, Италия – музыкантов, Германия – парикмахеров и любителей пива, Англия – боксеров, Франция – сутенеров и проституток, Мексика – игроков в монте, Чили – воров и карманников, Перу – воров, Ирландия – бандитов с большой дороги, а Соединенные Штаты – полицейских и заговорщиков, а также время от времени пролетариат, ремесленников и фермеров»¹⁴.

Поскольку на приисках не было ни шерифов, ни полиции, ни судьи, поддерживавших порядок, населению приходилось вершить правосудие самостоятельно. Тогда единственной целью суда Линча было поддержание покоя добропорядочных граждан и устранение опасных людей. К сожалению, стремительность, с которой вершился суд, возможно, приводила к ошибкам, впрочем, г-н Сент-Аман убеждает нас в том, что при вынесении на его глазах приговоров «ни один обвиняемый не заявлял о своей невинности... Никто не проклинал судей, и все выказывали удивительное смирение перед единодушным принятием приговора. Я не думаю, что в Калифорнии была когда-нибудь допущена судебная ошибка, которую следовало бы обжаловать»¹⁵.

Отрадно, но это вовсе не исключает того, что строгость наказания часто была несоразмерна содеянному. Закон приисков был жесток. Одно дело повесить опасного преступника, совсем другое – арестовать виновного в краже лошади или мула, или просто в проникшего в палатку золотоискателя. Но что поражает, так это животное наслаждение этих людей жестокостью приговоров, ведь всех провинившихся приговаривали только к повешению. Нравы золотоискателей были так же суровы, как и условия их жизни. По установленному ими «кодексу», обычно одинаковому для всех приисков, обвиняемых в так называемых «золотоискательских» преступлениях наказывали кнутом. «От 50 до 100 ударов кожаным кнутом по голой спине, – рассказывает золотоискатель Джеймс Х. Керсон. – Если преступление состояло в краже лошадей, мулов, быков или большого количества золота, преступника всегда приговаривали к смерти»¹⁶. Иногда виновному отрезали уши и брили наголо голову. Очарование жестокости? Равнодушие к ней? Но кто отвел бы взгляд от мученика?

В 1848 году Бейар Тейлор восхищался тем, что в этой обширной дикой стране, населенной всего 100 тысячами жителей, не знавшей ни закона, ни правил, не имевшей ни гражданской, ни военной защиты, ни замков на дверях, за которыми подчас были несметные богатства, преступность практически отсутствовала. «Аргонавты» обычно считали, что порядок сохранялся благодаря «примерным» наказаниям убийц и воров. Порой, сожалея о жестокости кнута, они считали его применение необходимым, поскольку в отсутствии тюрем трудно было найти более действенные меры. «Я не сторонник подмены закона самосудом, – говорит Керсон, – но те, кому известен благотворный эффект суда Линча в 1849-м и комитета бдительности в 1851 году, согласится со мной в том, что только их учреждение спасло Калифорнию, когда она была на пороге бойни и резни, которых никогда раньше не знал мир»¹⁷. Это, разумеется, преувеличение, но то, что деятельность народных судов сдерживала бандитизм и коррупцию, было фактом.

Однако, несмотря на страх перед судом Линча, число преступлений, совершенных в 1850 и 1851 годах,

было таким большим, что Уолтер Перкинс писал из Соноры: «Мой дневник по стилю становится похожим на “Ньюгейт Кэлиндер”¹⁸. Одного взгляда на газеты того времени достаточно, чтобы заметить – речь в них шла только об убийствах, насилии и резне. В период с 1849 по 1854 год калифорнийцы израсходовали 6 миллионов долларов на финские ножи и пистолеты, и в официальных отчетах зафиксировано 2400 убийств, 1400 самоубийств и 10 тысяч “случайных смертей”¹⁹.

Судьбы повешенных

Линчевание продолжалось. Приговоры, порой поспешные, выносившиеся с пристрастием, приводились в исполнение если не извращенными способами, то по меньшей мере варварскими. Особенно возмутительны были праздничные гулянья, сопровождавшие некоторые казни через повешение. Так, в Рич Бар на глазах у потрясенной ужасом Дэйм Ширли одного шведа, приговоренного «советом золотоискателей» к смерти, привели под дерево, чтобы повесить на суку. Казнь взбудоражила всю округу, и по этому случаю пьяницы разграбили салун. Толпа «смеялась и кричала, как если бы речь шла о зрелище, устроенном специально для развлечения». В голову одному из пропойц пришла ужасная мысль: пока осужденный молился, он подошел к нему, вложил ему в руку засаленную тряпку и, икая, велел взять его «носовой платок». Если осужденный невиновен, он должен «выпустить платок из рук, как только окажется в воздухе, но если виновен, то не давать ему упасть ни в коем случае»²⁰.

В Уайрике одного француза, посаженного в тюрьму за убийство, вытащили из тюрьмы тремя десятками бесноватых молодчиков, которые усадили его на лошадь, накинули на шею петлю и привязали другой конец веревки к дереву. Но узел веревки соскользнул, и наполовину задушенный француз с вылезшими из орбит глазами принялся глухо хрипеть. «Тогда трое зрителей повисли на его ногах, а еще один – на плечах. Несчастный умирал под всеобщий хохот»²¹.

В лагере золотоискателей «Драй Диггингс», что в центре «Мазер Лоуд», зрелище для публики устроил

сам осужденный. Этого человека, ирландского преступника по имени Ричард Кроун, привели под смоквицу, чтобы повесить. При подготовке к казни обнаружилось, что нет лестницы, чтобы привязать веревку к достаточно высокому суку. Ну и что! На шею осужденному надели петлю и предложили самому влезть на дерево, «как влезают обезьяны». Тот согласился, потребовав сигару – «настоящую гаванскую». Взобравшись на сук, он закрепил веревку, попросил слова и принялся рассказывать свою биографию со всеми ужасающими подробностями, его слушали так, как «слушали бы чтение главы из какой-нибудь непристойной книги на вечерней посиделке. Все смеялись до упаду. Никто и не подумал оплакивать ни тело, ни душу несчастного». Когда он закончил свой рассказ, ему подали знак, и он «без единого слова прыгнул в вечность»²².

«Драй Диггингс» называли еще и Хэнгтауном²³ – «городом висельников». До ирландца Ричарда здесь были повешены два мексиканца и один янки, а потом два француза и один чилиец. Покушение на убийство могло привести на виселицу того, кто пользовался плохой репутацией. Так было с этими двумя французами и чилийцем. Очевидец, Э. Гоулд Баффем, рассказывал, что он прибыл на прииск ясным зимним утром. Шоком было для него знакомство с тем, как здесь вершат правосудие! Вокруг дерева, к которому был привязан человек, собралась толпа. Баффем подошел ближе и с ужасом увидел, что судья кожаными кнутами бил осужденного по голой кровотокающей спине. Четверо других подверглись такому же наказанию: 39 ударам кнута, после чего двоих французов и чилийца снова отвели в суд. Признанные виновными в покушении на убийство, они были приговорены к повешению.

Э. Гоулд Баффем попытался было вмешаться. Он протестовал против того, что считал пародией на правосудие. Но толпа, возбужденная частым и продолжительным прикладыванием к бутылке, не желала ничего слышать. Люди даже обещали повесить и его вместе с бандитами, если он не уgomонится. «Потом глаза каждому осужденному завязали черным платком, связали руки и по сигналу, без священника

и молитвы, затащили на повозку и отправили их к праотцам»²⁴.

Власти встревожились и попытались восстановить в правах закон. Но юстиция была неспособна противостоять подъему преступности. К лету 1850 года уголовники всякого рода, как мексиканцы, так и индейцы и американцы, заволокли окрестности Соноры. Убийства совершались и днем и ночью. В довершение всего на приисках свирепствовала холера. И тогда люди решили вершить правосудие сами. 10 июля схватили пятерых индейцев, подозревавшихся в тысяче преступлений, судили их «по правилам» и приговорили к немедленному повешению. Приведенные под дуб с петлей на шее, они бесстрастно ждали, пока судьи закончат свои приготовления. Двое из приговоренных даже спокойно курили, когда внезапно сквозь толпу прорвались судья графства с тремя помощниками шерифа, верхом на лошадях, схватили всех пятерых и га-лопом повезли в тюрьму.

Наказание кнутом

«Мы не можем больше так жить, – жаловался Уолтер Перкинс. – Во всем штате тюрьмы не прочнее ореховых скорлупок. Ни один заключенный не находится здесь в безопасности, и самые опасные преступники постоянно совершают побег. Мы хотим иметь суд, который проводил бы процесс, выносил приговор и в тот же день приводил его в исполнение. Никаким иным способом мы не сможем избавиться от тысяч сутенеров, которые теперь полностью безнаказанны»²⁵.

Создание комитета бдительности в Соноре значительно улучшило положение. Состоящий из ответственных и высоконравственных людей, он был решительно настроен вести процессы справедливо. В суде заслушивали свидетелей, заключенные имели право на юридическую помощь. Казни известного бандита Тома Хилла, а также нескольких мексиканских деспердос подействовали благотворно: сочтя климат Соноры неблагоприятным, многие нарушители закона покинули эту землю.

Но работы у комитета не убывало, так как в городе еще было немало отпетых мошенников, воров, пьяниц, возбудителей волнений. Полдюжины были арестованы, приговорены к наказанию кнутом, к обриту головы, а двое – к клеймению плеча.

Место экзекуции было выбрано на вершине холма, где стояла одинокая сосна. Осужденного привязывали к дереву, и вокруг него собирались члены комитета, образуя большой круг. Один из них находился в центре круга и вслух отсчитывал удары кнута. После каждой серии из 20 ударов врач осматривал осужденного. По завершении наказания ему брили одну сторону головы, после чего среди присутствовавших собирали пожертвования. Собранные деньги вручали наказуемому и предупреждали его, что если когда-нибудь он окажется ближе 16 километров от Соноры, то снова подвергнется такому же наказанию²⁶.

Строже всех комитет наказал одного бандита – «двести пятьдесят ударов кнутом», который, «если бы были доказаны все его преступления, был бы повешен. Несколько других печально известных злодеев были жестоко избиты кнутом и изгнаны из города. Ситуация в городе изменилась к лучшему», – сообщал Перкинс²⁷.

Перкинс был цивилизованным человеком, и остается только удивляться тому, что он ни разу не возмутился жестокостью самосудов. По его мнению, эти варварские наказания были неизбежны, ведь жизнь в Калифорнии была небезопасна. Никто ни на минуту не сомневался, что преступник заслуживал наказания. Если осужденный умирал вследствие телесного наказания – а такое бывало, – это мало кого волновало. Калифорния времен «золотой лихорадки» была дикими джунглями, в которых не было места сентиментальным чувствам. Быть замученным до смерти или быть убитым? Таков был единственный вопрос. «Члены комитетов бдительности, – говорит Перкинс, – действуют под свою ответственность и по крайней необходимости и принимают все возможные меры, чтобы соблюдать все формальности и действовать справедливо. Поскольку они движимы исключительно чувством долга и стараются быть беспристрастными, было бы несправедливо называть их действия судом Линча»²⁸.

По-видимому, единственный приговор, взволновавший сердца людей, был приговор одной женщине. Дело слушалось в Даунивиле. В ночь 4 июля 1851 года группа подвыпивших американцев шагала по улице, и проходя мимо дома, в котором жила южноамериканская женщина со своим любовником, один из них, по имени Кеннан, довольно сильно выпивший, споткнулся и так навалился на дверь дома, что она открылась. Собутыльникам удалось вытащить его из двери прежде, чем жильцы оправились от удивления. На следующий день протрезвившийся Кеннан решил извиниться перед дамой за причиненное ей беспокойство. Он отправился к ней с другом. Как только он вошел в дом, завязался оживленный разговор по-испански; Кеннан говорил на этом языке, а его друг испанского не знал. Женщина выглядела очень разгневанной. Внезапно она выхватила кинжал и вонзила его в грудь Кеннану.

Немедленно был созван народный суд. Женщина утверждала, что Кеннан якобы ее грубо оскорбил. Со своей стороны друзья Кеннана свидетельствовали в его пользу. Тогда обвиняемая заявила, что ждет ребенка, и потребовала врачебного обследования. В результате была подтверждена ее трехмесячная беременность. Но другой врач, приглашенный для консультации, был противоположного мнения. И женщину приговорили к повешению. У виселицы она заявила, что если бы ей пришлось повторить свой удар, она сделала бы это с наслаждением. Затем она затянула узел на своей шее и «радостно умерла»²⁹.

Комментируя это событие, г-н Сент-Аман (по ошибке назвавший местом трагедии Сонору) пишет: «Эта казнь легла на совесть американцев тяжким грузом. Никто не хотел оказаться замешанным в это дело, но и все горько сожалели об опасной поспешности. Если бы эта женщина была белой расы, ее бы, разумеется, не убили»³⁰.

Романтичный разбойник

Наше описание калифорнийской жизни было бы не полным, если бы мы не упомянули о разбойниках с большой дороги, и в частности – о самом знаменитом

из них, Хоакине Мурьете. Историк Бенкрофт называет его «королем калифорнийских бандитов» и описывает как «романтического героя» – веселого, стройного, с гармоничными движениями, крупными черными глазами, чувственным ртом, шелковистыми усами, с ниспадающими на плечи черными волосами, со свободными и дружелюбными манерами и с рыцарской натурой³¹.

В рассказывавшихся о нем бесчисленных историях трудно отличить правду от лжи. Кое-кто даже считает его всего лишь вымышленным персонажем. Однако нет сомнений в том, что разбойник с большой дороги по имени Хоакин Мурьета в действительности существовал. В то время о нем говорили повсюду. Полиция разыскивала его целый год. Квакер Чарлз Эдвард Пенкост говорит, что «встретил знаменитую партизанскую банду Хоакина», и нет никаких причин ставить его слова под сомнение. Но похоже, что одному Хоакину, из которого сделали сверхчеловека, приписали много разбойных нападений, совершенных другими мексиканскими десперадос, а в тот период их было немало. Несомненно, что многие эпизоды его жизни были плодом воображения калифорнийцев.

Традиция XIX столетия, а мы будем придерживаться именно ее, представляет Хоакина Мурьету как храброго мексиканского бандита, щедрого и преданного друга, галантного в обращении с дамами и безжалостного к врагам, которого привела к рискованному ремеслу главаря банды якобы лишь ненависть к американцам. Одним словом – патриот.

Говорят, что Хоакин появился в Калифорнии в начале периода «золотой лихорадки». Весной 1850 года он работал на платном участке россыпи Станислаус. Однажды вечером полдюжины американских десперадос проникли в его скромную лачугу, избили его, после чего изнасиловали его жену – нежную красавицу Розиту. «Придя в сознание, – говорит Бенкрофт, – он увидел растерзанную Розиту, зарывшуюся лицом в тряпье и содрогавшуюся от рыданий. И понял он, что случилось самое худшее»³².

Хоакин с Розитой бежали в Мерфи Диггингс, где молодой человек стал банкометом игры в монте. Он уже выправил свои финансовые дела, когда полиция

арестовала его вместе со сводным братом за кражу лошади. Брата повесили, его же избили кнутом, хотя он заявлял о своей невинности. И тогда Хоакин Мурьета поклялся мстить.

Разбой был своеобразной специальностью мексиканцев, и Мурьета преуспел в нем, как никто другой. В течение трех лет он обирал всю золотую страну и даже юг Калифорнии. Со своей бандой он нападал на дилижансы и на одиноких проезжих, грабил лагеря золотоискателей и делил награбленное с преследовавшимися согражданами. Он разыскал и убил всех изнасиловавших его жену и казнивших его брата. Почти всех их он захватил живыми, привязывал к седлу своей лошади и волочил по каменистой горной дороге, пока они не превращались в бесформенную кровавую массу. Его имя нагоняло страх на американское население. Он появлялся повсюду. Его обвиняли в каждом преступлении, совершенном на территории от Шасты до Марипозы. Порой с ним бывало до двадцати человек, иногда до восьмидесяти (это позволяет думать, что на самом деле речь шла о разных бандах). Его помощник, Мануэль Гарсиа, по кличке Трехпалый Джек (у него была изувечена рука), был настоящим чудовищем, единственным наслаждением которого было перерезать горло какому-нибудь китайцу, чтобы увидеть его кровь³³.

За голову Хоакина была назначена внушительная награда. В 1852 году штат Калифорния обещал за него, живого или мертвого, 5 тысяч долларов, а в следующем году некоему капитану Гарри Лаву, помощнику лос-анджелесского шерифа, было позволено взять 25 солдат, чтобы поймать объявленного вне закона преступника. Охота была долгой, и близ озера Туларе они наткнулись на мексиканскую банду, приготовлявшую себе завтрак у костра. Это был Хоакин с семерыми своими людьми, по крайней мере так подумал Лав. В последовавшей перестрелке Хоакин и его сподручный были убиты. «Для опознания» голова одного и рука другого были отрезаны, заспиртованы и отосланы в Сан-Франциско. А 18 августа во всех газетах появилось следующее сообщение: «Голову Хоакина можно увидеть у Кинга. На углу Хэллек и Сансом-стрит. Вход: один доллар».

Действительно ли то была голова знаменитого бандита Мурьеты? Его жена Розита это отрицала и была уверена в том, что ему удалось бежать в Мексику.

Мрачная подробность: поговаривали, что его волосы продолжали расти в банке со спиртом, и люди, в особенности мексиканцы, спешили увидеть этот феномен. Позднее голову Хоакина и руку Трехпалого Джека отправили в Музей ужасов д-ра Гордона на Монтгомери-стрит, разрушенный во время землетрясения 1906 года.

«Бдительные» 1856 года

«Радуйтесь, вы, игроки, и вы, путаны. Ваш триумф поистине велик. Вы одержали победу надо всем, что свято, добродетельно и добропорядочно.. Закон гарантирует безопасность, но это вранье! Плачьте вы, честные люди Сан-Франциско. Оплакивайте город, который вы построили!»

Автор этих строк – Джеймс Кинг Уильямский, редактор «Сан-Франциско Ивнинг Булетин». Несколько месяцев позднее, 14 мая 1856 года, Кинг был убит среди бела дня выстрелом из револьвера на углу улиц Монтгомери и Вашингтона. Его убийца, Джеймс П. Кэзи, был одним из членов муниципального совета Сан-Франциско.

В этот период на калифорнийской сцене доминировали две политические партии – демократы и так называемые «Know Nothing» – «Ничего не знающие», их представители принадлежали к воровскому миру. Штабы обеих партий состояли из профессиональных игроков, сутенеров и авантюристов, продвинувших своих людей во все административные и судебные органы. Коррупция была всеобщей. Преступления совершались среди бела дня и оставались безнаказанными. Судьи, присяжные, полицейские – каждый имел свою цену.

17 ноября генерал Ричардсон – начальник полиции (маршал) Соединенных Штатов – был убит на улице сутенером и влиятельным политиком Чарлзом Кора за то, что пренебрежительно обошелся в театре с постоянной любовницей Кора. Чарлз, веривший в могущество своих друзей, дал себя арестовать. Он знал, что

никто не осмелится его осудить, и нагло заявил судье, что считает себя невиновным.

Возмущенная пресса объявила войну преступному миру Калифорнии и криминальным политикам. Возглавил борьбу Джеймс Кинг Уильямский (взавший такой псевдоним, чтобы отличаться от других Кингов – эта фамилия была очень широко распространена). Он из дня в день резко выступал против коррумпированных чиновников, раскрывал их злоупотребления властью. Для честных людей он стал героем-правдолюбом, для преступного мира – человеком, с которым нужно разделаться. Им не нравилось, что в своем «Ивнинг Булетин» скандальный журналист «копается в грязном белье» и «эксгумирует трупы». Хотя он уже владел восемнадцатью газетами в Сан-Франциско, последняя, «Ивнинг Булетин», уже через полгода стала выходить самым большим на Западе тиражом. 14 мая 1856 года в передовице, которой было суждено стать последней, он смело взялся за Джеймса Р. Кейси, бывшего обитателя тюрьмы Синг-Синг. В статье Кинг писал, что Р. Кейси «фальсифицировал результаты выборов при избрании его в окружной муниципальный совет», хотя его даже не было в списке кандидатов.

Разъяренный Кейси потребовал от Кинга опубликовать опровержение и извинение. Тот отказался. Меньше чем через час после этого он уже валялся на улице Монтгомери с пулей в груди. Его агония длилась шесть суток.

И тогда население Сан-Франциско, как и в 1851 году, взбунтовалось. Убийство Кинга требовало возмездия. В считанные часы собрался комитет бдительности, и за два дня в него записались еще 3 500 человек, среди них многие служили в милиции штата. Горожане были настроены на линчевание. Друзья Кейси, осознавшие грозившую ему опасность, упрятали его в тюрьму.

Восемнадцатого мая горожане, возглавляемые комитетом, начали штурм тюрьмы. Перед ее воротами была установлена пушка, и Уильям Коулемен, ставший во главе комитета бдительности, дал шерифу Скейнеллу пять минут на то, чтобы тот выпустил обоих заключенных – Кейси и Кора. Коулемен вынул из кармана часы и стал считать минуты. Точно через пять минут

ворота распахнулись. Кору и Кейси привели в штаб-квартиру комитета, и 20 мая начался их процесс.

В тот день после полудня умер Джеймс Кинг Уильямский. Сан-Франциско погрузился в траур. Закрывались все магазины, все рабочие прекратили работу, улицы оделись в черный креп, зазвонили колокола всех церквей. Похороны смелого журналиста состоялись 22 мая и прошли необыкновенно торжественно. Говорят, что за катафалком шли тридцать тысяч человек. А когда публика в слезах выходила из церкви, направляясь на кладбище, все увидели на виселице тела Кейси и Кора. Для казни убийц комитет выбрал час похорон.

Члены комитета заседали полгода и отправили к праотцам еще двоих убийц – англичанина Хезерингтона и нью-йоркского бандита Филендера Брейса, изгнали из Калифорнии многих неблагонадежных людей, провели чистку и организационные преобразования в местных политических учреждениях и положили конец коррупции в среде чиновников. Деятельность комитета бдительности, замечает Дэниел Леви, «привела к сближению на муниципальных выборах всех добропорядочных граждан без различия их политических убеждений и создала условия для рождения народной партии, не требующей от кандидатов ничего, кроме высоких нравственных качеств и компетентности, способствовала созданию в городе мощной управленческой структуры»³⁴.

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Американцы – люди набожные. Независимо от принадлежности к той или иной секте их привязанность к христианству и христианским нравственным ценностям очень глубока. Можно сказать, что завоевание нетронутых земель американского континента происходило с Библией в одной руке и с ружьем – в другой. Бог всюду сопровождал первопроходцев, был светом, освещавшим им путь в неизвестное. Не имея культовых зданий, они часто довольствовались чтением Библии в кругу семьи, а некоторые не делали и этого. Тем не менее суббота как день отдыха соблюдалась не меньше, даже если религиозные обряды этого дня сводились к чтению молитвы об отдыхе.

Калифорния не была исключением, но по воскресеньям, как мы уже видели, предавалась самому разнузданному разгулу. В этот день люди, далекие от того, чтобы воздавать хвалу Господу, давали волю самым низменным инстинктам, и можно даже сказать, что Бог оставался за дверьми этого Эльдorado.

Действительно, хроники, письма и документы, касающиеся «золотой лихорадки», криком кричат о пьянстве, варварстве, ожесточенности, роскоши и духовной нищете. В письме, адресованном пастору Исааку Овену 26 сентября 1849 года, директор Конференции методистской миссии в Орегоне и Калифорнии

Уильям Робертс пишет: «О, расскажите же мне об этой греховной земле, обуянной золотом и смертью. Возможно ли там спасение?»¹

На первый взгляд Калифорния представлялась какой-то сумрачной землей. Однако порочной мерзости она постепенно стала противопоставлять христианские ценности. Там расцветали добрые нравы и набожность, семьи вели добропорядочную и безмятежную жизнь, черпая поддержку не в алкоголе, а в слове Божиим. Начиная с 1850 года в Сан-Франциско было уже несколько пасторов, полных решимости изменить жизнь горожан и вдохнуть в город недостающую ему духовность.

Заботы пастора-миссионера были самыми широкими, и возлагавшаяся на него задача обычно выходила далеко за границы его прямых обязанностей. Он был каменщиком и плотником, миссионером и учителем, должен был лечить больных, помогать бедным, утешать скорбящих, кормить голодных, давать приют бездомным. Несмотря на некоторое соперничество, отношения между различными сектами были терпимыми. Христианское братство не было пустым словом. Первоприбывшие протягивали руку помощи новичкам. Церковь была открытым для всех домом Божиим в большей степени, чем домом пастора.

Католики демонстрировали протестантам удивительную доброжелательность. Так, преподобный Уильям Тейлор, которому были нужны деньги для строительства методистской церкви, встретил священника из Сан-Франциско. «Я дам вам сто долларов, – сказал ему святой отец, – я католик... С тех пор как были построены церкви, и в них стали проповедовать Евангелие, суббота стала выходным днем: уважаемые коммерческие дома закрыты, и бега теперь проходят за городом. Я думаю, что увеличение количества церквей – это самый лучший способ исправления общества»². Количество церквей действительно росло: семь в 1850 году, тридцать три в 1856-м, в том числе семь католических храмов. Были церкви для французов, немцев, для цветных и китайцев, а также для матросов. В католической церкви на улице Вальехо обедню читали каждый раз на английском, испанском и французском языках.

Первый протестантский пастор прибыл с Сандвичевых островов. Это был пресвитерианский миссионер по имени Т. Дуайт Хант. Он высадился в Сан-Франциско 29 октября 1848 года. Тремя днями позднее Ханту было предложено видными представителями «всех религиозных сект» остаться в их добром городе в качестве капеллана, с жалованьем 2500 долларов в год³. Поскольку в Сан-Франциско тогда не было еще ни одной церкви, в храм превратили небольшую школу на Портсмутской площади, и в ней каждое воскресенье в 11 часов утра и в половине восьмого вечера проходили службы. В эти часы в храме яблоку было негде упасть. Четыре миссионера прибыли из Нью-Йорка в начале 1849 года: баптистский пастор, преподобный О. К. Уиллер, поначалу расположился в Сан-Франциско, а потом переехал в Сакраменто, преподобный Вулбридж, пресвитерианец старой школы, уехал в Беницию, преподобный С. Х. Уилли, принадлежавший новой пресвитерианской школе, полтора года прожил в Монтерее, перед тем как поселиться в Сан-Франциско.

Затем в июле приехал конгрегационалист преподобный Дж. А. Бентон, отправившийся из Сакраменто. Потом пришла очередь ступить на калифорнийскую землю методистам, этим пламенным проповедникам: Исаак Овен отправился по дороге Равнин, и в сентябре 1849 года прочел свою первую проповедь под дубом в Грас Велли. Уильям Тейлор после долгого пути через мыс Горн высадился в Сан-Франциско 21 сентября того же года. Его, человека незаурядного, намного более популярного в сравнении со священниками Сан-Франциско, называли «Калифорнийским Тейлором». Он в течение семи лет сражался с «ухмылками» калифорнийского дьявола. Делал он это с пылом. Слово «поражение» ему было совершенно не знакомо. Он боролся, несмотря ни на что, сохраняя мужество и оптимизм и больше, чем другие слуги Господа, участвовал в духовном возрождении общества.

Проповеди на Плаза

Преподобный Тейлор приехал в Сан-Франциско с супругой и дочкой Осеаной. Высадившись на берег, он поинтересовался, есть ли в Сан-Франциско методис-

ты, и узнал, что «в этих краях не было ни одной живой души, которая называлась бы таким именем»⁴. Однако в баптистской церкви преподобного Уиллера, являвшей собою нечто вроде дощатой хижины с крышей из голубой хлопчатобумажной ткани, уже в день прибытия Тейлор прочитал свою первую проповедь.

Городские нравы, не говоря уже о стоимости жизни в Сан-Франциско, привели священника в ужас. Было совершенно очевидно, что при запредельных ценах на жилье поселиться здесь он не мог. Он объяснил разочарованным жителям города: «Объединение миссий не может содержать человека в Калифорнии». Какая-то добрая душа из жалости приютила его на месяц, великодушно предоставив в его распоряжение дом, годовая аренда которого стоила 4800 долларов.

Поскольку оплачивать аренду Тейлор не мог, он решил построить собственный дом. В компании с «братом из Миссури» Александром Хетлером он немедленно отправился за двадцать пять километров в Редвудс, что на другой стороне залива, и начал рубить лес для строительства. Он работал несколько недель, изготовил «три тысячи штук дранки» и обменял их на двадцать пять балок длиной 5,1 м. Купил обструганные доски длиной 1,8 м, подравнял их ножом и таким образом, пишет он, «собрал все материалы, необходимые для одноэтажного дома размером 5 на 6,5 м, за исключением пола, дверей и окон». Двери он купил по «божеской» цене – 11 долларов за штуку, а окна размером 25 на 30 см обошлись ему по 1 доллару⁵.

Вернувшись в Сан-Франциско, он нанял нескольких плотников. Вместе с ними и с добрейшим «братом Хетлером» принялся за строительство. Когда наступил декабрь, он наконец смог заняться своим прямым делом. Проповедовать Евангелие набожным людям Сан-Франциско было хорошо, а нести слово Божие грешникам в том самом месте, где они совершали свои греховные поступки, еще лучше. И он уведомил свою пораженную паству о том, что в 3 часа пополудни будет читать проповедь на Плаза.

Верующие попытались его отговорить, боясь за его жизнь, ведь игроки были в городе слишком влиятельными людьми, Плаза – главным местом их встреч, а воскресный день – самым благоприятным для их де-

лишек. Однако Тейлор был готов принять мученический венец.

В указанный час он прибыл на Портсмутскую площадь, выбрал в качестве кафедры верстак какого-то столяра, и перед самыми престижными игорными домами Сан-Франциско зазвучал его красивый ба-ритон. За несколько минут его окружило около тысячи человек. Все игорные дома практически мгновенно опустели. «Я перешел Рубикон, и теперь начинается решительная борьба»⁶. Он проповедовал перед очень внимательной аудиторией. Это был, как он сам говорил, «первый штурм врага» и начало семилетней евангелической кампании, которую он вел не только в Сан-Франциско, но и во многих других небольших приисковых городах. Он не ограничился проповедями на Плаза, не упуская возможности выступать на перекрестках улиц. Этому вскоре стали подражать и другие священники. Но ни один из них не привлекал такие толпы, как преподобный Уильям Тейлор. С одной стороны, потому, что он был хорошим оратором, с другой, как замечает Карт Джентри, «потому что взял себе за правило никогда не устраивать сбора пожертвований, особенно внутри своей церкви»⁷.

Тейлор считал, что в борьбе со злом пастор не должен упускать ни одной возможности донести до ушей грешников громогласный «набат карающего Бога». Поэтому после каждого пожара его видели в местах бедствия поднявшимся на какую-нибудь бочку и призывавшим прохожих к покаянию. «Да остерегутся граждане Сан-Франциско! – воскликнул он после майского пожара 1851 года. – Эта катастрофа, которая кажется вам ужасной, всего лишь предвестие «неминуемого суда» за грехи ваши. Это предупреждение о том, что мы должны изменить наши нравы»⁸.

Уильям Тейлор вскоре взял на себя заботы о судьбе часовни «Сименс Безел» на Дейвис-стрит и переехал с семьей на судно, стоявшее у Длинного Причала. Отсюда по воскресеньям он обращался с речью к толпе, поднимавшейся на борт пароходов для экскурсии по заливу. Сотни людей, под громкие звуки оркестра собиравшиеся на увеселительную прогулку, и еще тысячи приходивших, чтобы посмотреть на происходя-

щее. Какой удобный момент для обращения пастора к людям с призывом к раскаянию!

Поднявшись в один прекрасный день на бочку изпод рома, он обратился к толпе: «Господа, могу ли я прийти этим утром и сказать вам: “Для вас, жаждущих попасть на небо, теперь этот момент настал. Прекрасный флот, движимый небесным паром, за несколько дней доставит вас из Сан-Франциско в любой порт другого Мира... В этой стране океаны бесплатного светлого пива и всяких других напитков, а также хорошенькие женщины и бесконечные развлечения, превосходящие сны Мухаммеда, как сияние солнца превосходит бледное мерцание светлячка! Программа путешествия: посадка на пароход под звуки лучшего в мире оркестра, развлечения, рассчитанные на каждый день недели. Каждое воскресенье будет отмечено прежде всего большим пиршеством, заканчивающимся изобилием светлого пива, шампанского, портвейна, пунша с виски, бренди-смэш, коньяка, обжигающего “Тома и Джерри” и т.п. Потом игра в карты. Затем большой бал в верхнем салоне. Вечернее театральное представление, заканчивающееся великолепным легким водевилем”. О, друзья мои и мои сограждане! Если бы я мог, не кривя душой, делать такую рекламу, я думаю, что всего двух проповедей на Плаза было бы достаточно, чтобы обратить в нашу веру весь город... И все мы покинем этот скорбный мир и взойдем на борт корабля, отплывающего своим очередным рейсом на небеса»⁹.

Путешествие на небеса или в ад некоторые совершают независимо от собственных намерений. 29 октября 1850 года, в день, когда Калифорния праздновала свое вступление в Союз (эта новость дошла до Сан-Франциско 18-го), в заливе взорвался первый построенный в Калифорнии пароход «Сагамора», на котором погибли 30 человек. Пароход было кое-как отремонтирован, переименован в «Бостон» и в течение некоторого времени служил почти исключительно экскурсионным судном. Однажды «Бостон» стал на якорь рядом с пароходом Тейлоров. Г-жа Тейлор устремилась к капитану: «Мне хотелось бы, чтобы этот нарушитель Субботы не пришвартовывался к нашему “Безелю”. Я его боюсь. Каждый день жду, что он взо-

рвется или сгорит». Пророческие слова! Через некоторое время «Бостон» загорелся в заливе недалеко от Окленда¹⁰.

«Валаамова ослица»

Проповедование на улицах – не легкое дело. В одно июльское воскресенье 1852 года, когда преподобный Тейлор на Плаза метал громы и молнии против алкоголизма, одна старая женщина, державшая на берегу залива винный погребок, бросилась к толпе с криком: «Не слушайте его! Это обманщик. Он проповедует из-за денег. Он вам лжет»¹¹. В другой раз один неверующий, пытаясь прервать Тейлора, пробивался через толпу на своем осле, но животное внезапно остановилось на полпути и отказалось двигаться дальше. «Посмотрите на это животное, – проговорил Тейлор, – подобно ослице Валаама оно чтит Бога больше, чем его хозяин, которому недостает лишь длинных ушей, чтобы стать большим ослом»¹². Однажды какой-то мужчина грозился забросать его тухлыми яйцами. А один раз какие-то пьяницы пытались перекрыть его проповедь скабрёзными песенками. Банда сан-францисских молодчиков еще хуже обошлась с пастором Кальварской пресвитерианской церкви У. А. Скоттом. Они сожгли его портрет перед его церковью¹³.

Кроме того, Тейлор часто отправлялся в длительные поездки по приискам. Там у священника была жестокая «конкуренция»: собачьи и петушиные бои, театральные постановки, цирк, скачки быков. Он проповедовал перед дверьми салунов, баров, игорных домов, под дубами и под соснами, схватываясь чуть ли не в рукопашную с «легионом калифорнийских дьяволов».

На россыпях остро чувствовалась потребность в миссионерах. Разумеется, среди золотоискателей было немало верующих, например, такими были рабочие из «Бостон энд Калифорния Майнинг Компани», которым президент Гарварда советовал ехать в Калифорнию «с Библией в одной руке и с цивилизацией Новой Англии в другой, чтобы оставить свой след в истории страны и памяти народа». Но многие другие оставили свою веру на Востоке, там, где остались и их семьи, и их хорошие

манеры. Им казалось, что они не навсегда отреклись от Бога, а лишь на время его оставили.

Больше, чем пренебрежение субботой, больше, чем богохульство и ругань, которыми они не стыдясь сдобривали свои разговоры, поражало то, как они праздновали Рождество. Это, разумеется, был день всеобщей радости, увы, не христианской...

Финеас Блант, который провел Рождество в Стоктоне, записывает на следующий день в своем дневнике: «Пьянство в порядке вещей. Никаких празднеств, если не считать удовольствий, называемых некоторыми развлечениями. Для меня этот день оказался очень неприятным. Любопытно почувствовал бы отвращение, слушая эти вопли, крики и грубые песни»¹⁴.

Дэйм Ширли, со своей стороны, пишет, что в Рич-Баре в Рождественскую ночь подавали устриц и шампанское и что «компания танцевала не только всю ночь, но и еще три дня». На четвертый день у них уже не было сил танцевать, и, повалившись на пол в баре, эти насквозь проспиртованные тела принялись издавать совершенно нечеловеческие звуки: одни лаяли, как собаки, другие мычали, как быки, третьи шипели и свистели, как змеи и гуси¹⁵.

Многочисленные свидетельства говорят о том, что такие случаи не были единичными.

Слуги Господа

Как и во всех американских городах, в греховном Сан-Франциско вскоре появилось много церквей и часовен. Проведя несколько месяцев на приисках, Сара Ройс в начале 1850 года с большим волнением присутствовала на службе, первой после ее прибытия в Калифорнию. Большая церковь была заполнена верующими, в основном мужчинами. Каких-то пять или шесть женщин «были одеты с простотой хорошего вкуса христианских дам Востока, вели они себя скромно, спокойно и благочестиво, и мужчины обращались к ним с учтивостью, привычной для американцев»¹⁶.

По воскресеньям все церкви были заполнены верующими. Кроме того, всеми пасторами были открыты воскресные школы для детей, а также библейские

кружки для взрослых. Похоже, однако, что некоторые общины были обуяны духом наживы. Как сообщает Фрэнк Мэрриет, цена мест на скамьях порой бывала непомерной.

Сразу же оговоримся: нравственность пасторов была безупречной. Церкви обычно строились за счет бизнесменов, а пастор назначался общиной. Как с удовлетворением замечает в 1851 году Фрэнк Соул, «ни один город, кроме Сан-Франциско, не может похвастать столь внушительным списком граждан, проявивших себя в богоугодных благотворительных делах»¹⁷. Жители Сан-Франциско в числе других свершений особенно гордятся крещением китайцев. В 1850 году несколько видных в городе людей занялись спасением душ китайцев, и в частности – китайской молодежи. Иными словами, они решили, что распространение Священного Писания среди представителей нации «во всех других отношениях весьма цивилизованной» было бы великим и достойным делом, и для этого заказали некоторое количество религиозной литературы на китайском языке. Преподобный Хант и преподобный Уильямс руководили их раздачей на Плаза.

Во время этой церемонии Хант заявил китайцам, что, хотя они и прибыли сюда из Поднебесной империи, они должны знать, что существует «другая небесная страна, во многом превосходящая их империю, и более обширная». И добавил, что на земле китайцев «их отец и мать, сестры и братья, все умирали», а после этого увидеться с родными можно только в небесной стране там, наверху, где добрые китайцы «вечно бы жили вместе с умершими родственниками в самом полном блаженстве»¹⁸. Нельзя сказать, чтобы эти слова произвели на китайцев сильное впечатление или очаровали, напротив, они единодушно разразились звонким смехом. Это лишь укрепило преподобных отцов во мнении, что эти сыны неба очень нуждаются в христианском спасении.

Таким образом, доброе слово было донесено до китайских парней, как их тогда называли. Состоялись и проповеди, а в июле 1853 года даже возникла мысль о строительстве для них часовни. Идея оказалась настолько популярной, что было собрано не меньше 18 тысяч долларов для осуществления этого предприя-

тия. Это сооружение, пишет Фрэнк Соул, «было красиво и походило на церковь, если бы не таблички на стенах, испещренные китайскими иероглифами»¹⁹.

Хотя Калифорния традиционно была католической страной, лишь 9 июня 1851 года, в Духов день, кюре Монтерейской епархии преподобный Джон Мейджиннис основал в Сан-Франциско первую католическую церковь. В первые три месяца службы проходили в доме на углу Джесси и Серд-стрит, в ожидании завершения строительства церкви Святого Патрика в Счастливой Долине. В сентябре церковь была готова. При ней имелись школа и сиротский дом, которыми руководили пять сестер-монахинь.

Вскоре появилось еще два прихода: один на улице Вальехо, другой – в миссии Долорес. Наконец, на углу улиц Дюпона и Калифорнийской была возведена церковь Святой Марии, – «одна из достопримечательностей Сан-Франциско, построенная в готическом стиле»²⁰, – просторная кирпичная церковь, стрела которой поднималась на высоту 60 метров. Впоследствии она станет кафедральной. Другим епископальным центром Калифорнии оставался Монтерей.

О деятельности католических священников в Калифорнии сведений очень мало. По словам г-на Сент-Амана, католическое духовенство находилось под латиноамериканским влиянием: «Нравы, в особенности в Новой Гренаде, Мексике и Чили, всегда отличались чем-то таким, что не вполне отвечало строгости, которую мы ожидаем найти под церковным облачением». И он добавляет: «Миссионеры в Калифорнии в основном заняты обращением в веру дикарей, которые теперь более разобщены, рассеяны и менее оседлы, чем когда-либо раньше. А ведь духовенство живет среди цивилизованного населения, которое остро нуждается в спасении души и в христианском утешении, и этих людей не приходится разыскивать в лесах и в пустыне»²¹.

Кладбища

Кроме спасения души для иного мира, нужно было заниматься также и телом. Ведь в первое время никто в Сан-Франциско не занимался умершими. Старались

лишь как можно скорее совершить погребение во избежание эпидемий. Кладбища в городе еще не было. Разумеется, была отведена территория, отданная миссии Долорес, но расстояние до нее считалось очень большим. Хоронили без всяких церемоний, иногда даже без гроба, считая его предметом роскоши, без которой вполне мог обойтись покойный.

Иногда, если у усопшего были друзья, его отвозили на вершину Рашен Хилла, где находилось кладбище русских колонистов, или же на склоны Телеграф Хилла, где все обустройство могилы сводилось к установке креста из двух дощечек, который вколачивали в землю. Но чаще всего умершего закапывали неподалеку от места смерти, никак не обозначая его могилу. В это время было принято хоронить умерших на неогороженном участке близ Норс-Бич. Туда было отвезено столько мертвецов, что его стали считать городским кладбищем. Погребение по-прежнему совершалось без всяких церемоний, но деревянных крестов там становилось все больше.

С особыми почестями погребали в ту пору членов масонских лож, людей долго проживших в городе (два или три года) и имевших много друзей, а также китайцев. Нет ничего более зрелищного, чем китайские погребальные ритуалы. Покойного всегда провожала длинная процессия, двигавшаяся под звуки гонгов и взрывы петард, а на могиле жгли благовония. Если умирал богатый купец, похороны становились просто грандиозными. Гроб устанавливали на площадку под роскошным балдахином, а в ногах ставили жаркое из свинины, пироги, пиалы с чаем, кувшинчики с вином и другие блюда. На похоронную повозку водружали коробки из оранжевой бумаги, украшенные гримасничающими драконами и золотыми листками, бумажными куклами и красными свечами, символизирующими богатства покойного. Процессия трогалась в путь под грохот гонгов, скорбные звуки скрипки и пронзительную мелодию флейты, а плакальщики, с белыми повязками на лбу, оглашали окрестности жалобными криками.

На месте погребения жареную свинину и другие изысканные кушанья ставили на стол, а чай и вино выливали на землю. Кукол и бумажные коробки бросали

в огонь, зажигали свечи и воскуривали множество благовоний.

Но и для богатых, и для бедных китайцев калифорнийские могилы были лишь местами временного упокоения, потому что все они мечтали, чтобы их останки вернулись на землю предков. Процесс разложения, по видимому, шел быстро. «Через пять месяцев, – пишет Чарлз Колдуэлл, – не остается ничего кроме праха и костей»²².

Сан-Франциско расширялся, и муниципалитет был вынужден выделить земельный участок для обители мертвых. Кладбище Йерба Буэна находилось в ложбине между песчаными холмами, поросшими чахлым кустарником и такими же деревьями. Место было зловещим. «Мертвые не нуждались в колыбели, и им были ни к чему живописные и приятные пейзажи, но для посетителей... Все выглядело здесь крайне печально и уныло»²³, – читаем мы в «Зе Энналз оф Сан-Франциско». Появились и первые надгробные памятники. Некоторые из них были очень красивыми. Многие из монументов, пишет Соул, были в парижском стиле, «и напоминали те, что можно было видеть на кладбище Пер-Лашез»²⁴.

В 1854 году город наконец решил дать своим мертвым более подходящее пристанище. Был выбран «прекрасный» участок, простиравшийся от пресидио до миссии, в 5–6 километрах от Портсмутской площади, в непосредственной близости к Одинокой Горе²⁵.

Образование и налогообложение

Судьбой детей отцы города заинтересовались столь же поздно, как и судьбой умерших. В своем первом послании, адресованном законодателям в декабре 1849 года, губернатор Барнет об образовании даже не упомянул. Во втором, в январе 1951-го, он заявил, что поскольку в Калифорнии слишком мало семейных людей, а среди населения много временно проживающих, он не считал нужным открывать бесплатные школы или основывать университет. «Но придет время, – добавил он, – когда у нас появятся и семьи, и

средства для учреждения такой системы образования»²⁶. Тем не менее в последний день работы сессии проект создания общественных школ был представлен и одобрен. К сожалению, его содержание не отражало сложившейся ситуации.

Муниципалитет Сан-Франциско не решался вводить специальный налог для финансирования школ, так как местные толстосумы считали, что городу они не нужны. Тогда около сотни учащихся частных школ организовали демонстрацию протеста на Монтгомери-стрит.

В мае 1852 года был наконец принят закон о субсидировании школ. Он предполагал введение налога в размере 5 центов с каждых 100 долларов облагаемых доходов и разрешал графствам и городам повысить дополнительный налог не больше чем на 3 процента²⁷. В 1853 году поправка к этому закону разрешила графствам повысить налог максимально до 5 центов, а городам устанавливать сумму обложения в зависимости от собственных нужд.

В течение следующих лет были внесены два изменения. Закон 1854 года разрешил штату взимать 15 процентов сумм, поступающих в избирательный фонд, а закон 1855-го предоставил графствам право повысить налог на 10 процентов со 100 долларов облагаемого дохода. Собранная таким образом сумма должна была расходоваться на строительство школ, выплату жалованья учителям и создание библиотек. Что касается городов, то им было разрешено повысить налог максимум на 25 центов.

Преподаватели должны были проходить государственный экзамен для подтверждения своей квалификации. В Сан-Франциско совет по народному образованию требовал, чтобы они сдавали этот экзамен ежегодно. Поначалу речь шла лишь об устном экзамене, но начиная с 1851-го и до 1863 года он был письменным. Это вызывало неудовольствие у преподавателей. Директор колледжа Джон Свитт пишет: «Ничто не отвращало преподавателя общественной школы от его обязанностей, как старая система ежегодного экзамена... оценивать компетентность учителей должны были не их коллеги, а чаще всего люди, ничего или почти ничего не смыслившие в практической педаго-

гике и делавшие из экзамена гильотину для казни не сумевших понравиться им педагогов»²⁸.

Несмотря на хорошее образование, личные качества, педагогический опыт и авторитет, завоеванный ими в глазах родителей учеников, преподаватели государственных школ должны были проходить ежегодную «переэкзаменовку перед комитетом, состоящим из адвокатов, врачей, дантистов, переплетчиков, предпринимателей», судивших о том, «достаточно ли они компетентны, чтобы преподавать в школе»²⁹.

Случалось, сетует Джон Свитт, что самый хороший преподаватель бывал «“обезглавлен официальной гильотиной процентной оценки”, например по той причине, что не мог ответить, какова лучшая дорога из Новгорода до Килиманджаро... или забывал численность населения Бренди Клатча, Хэмбьюгского Каньона или Помпеи, или же не мог вспомнить названия всех рек мира от Амазонки до последней речушки, в которой в детстве ловил рыбешку на крючок, сделанный из булавки»³⁰.

Таким образом, должность преподавателя в Калифорнии отнюдь не была престижной и спокойной, тем более что и жалованье его было довольно скудным. Директор школы получал 1 400 долларов в год в 1852 и 1853 годах и 2 тысячи долларов в 1854-м. И ему выплачивали ее сертификатами муниципалитета, по которым он получал в лучшем случае 90 центов за доллар, а в худшем – от 60 до 70 центов. Что касается преподавателей, будь то женщины или мужчины, они получали 150 или 100 долларов в месяц.

Сторонники бесплатного государственного образования не находили поддержки у населения. Безразличие, если не противодействие, было совершенно очевидным. Не то чтобы калифорнийцы были против открытия в стране школ, просто это совершенно не трогало чувств сторонников свободных школ и холостяков. Одним словом, как заметит директор Управления народного просвещения в 1855 году, они не хотели «платить за обучение чужих детей»³¹. Поэтому система государственных школ развивалась крайне медленно. Из доклада, представленного законодательному органу в январе 1859 года, следует, что на всей

территории в 1858 году в государственные школы из общего количества 40 530 детей было принято всего 11 183 ребенка, и учились они в течение всего пяти с половиной месяцев в году. Из 432 школ 11 работали меньше трех месяцев, 93 – три месяца, 166 – от трех до шести месяцев, 102 – от шести до девяти месяцев, 60 – в течение девяти месяцев.

Школы Сан-Франциско

К счастью, духовенство не осталось в стороне от проблемы образования. Помимо своей миссионерской работы многие из них открывали школы, а были и такие, как, например, Сэмюэл Уилли, Тимоти Дуайт Хант и Генри Дюран, основавшие в Окленде Калифорнийский колледж, ставший впоследствии престижнейшим университетом Калифорнии.

Положение дел, с которым столкнулись священники, было просто бедственным. В 1849 году в стране не работала ни одна школа за исключением протестантских.

Двери первой американской школы в Сан-Франциско открылись в апреле 1847 года. Хотя ее директор, мормон Марстон, не имел достаточного образования, чтобы «держать школу», в нее записалось двадцать или тридцать учеников, а еще один мормон – Сэм Бреннан первым начал кампанию за строительство платной школы на Плаза.

За 5 долларов ученики учились читать, писать, изучали орфографию и географию, еще за один доллар их учили арифметике, грамматике и искусству писать сочинения на английском языке, за 8 долларов они получали дополнительные знания по древней и новой истории, химии и философии, а за 4 доллара могли изучать геометрию, тригонометрию, алгебру, астрономию, латинский и греческий языки. Бедных детей обучали бесплатно. Преподаватель Томас Дуглас – выпускник Йельского университета, получал жалованье 1 тысячу долларов в год.

Но как только распространилась новость об открытии золотых россыпей, преподаватели отправились туда, бросив своих учеников. Пришлось дожидаться

прибытия преподобного Альберта Уильямса, чтобы снова открыть школу в Сан-Франциско.

Начиная с 1850 года, благодаря энергии и самоотверженности пасторов различных конфессий, было основано много школ. Как писала «Энналз», в 1854 году в Сан-Франциско было 34 школы, из которых 27 считались свободными учреждениями, в которых обучались 947 учащихся, 404 мальчика и 543 девочки. В пяти из них преподавали современные и древние языки, высшую математику и философию. В 1851 году баптист, преподобный Ф. Э. Прево, открыл первое в Калифорнии образовательное учреждение второй ступени. В государственной системе образования только в 1856 году появились две высшие школы – одна в Сан-Франциско, другая в Сакраменто. Обучение было четырехгодичным. В первый год в высшую школу Сан-Франциско записались 80 учеников – 35 юношей и 45 девушек.

Хотя закон 1851 года не рекомендовал пользоваться в государственных школах никакими учебниками или другими книгами религиозного характера, многие годы существовал обычай начинать обучение с чтения Библии и молитвы. В некоторых школах ежедневная молитва была даже обязательной.

Орфография и нормы морали

Заботилась об образовании молодежи и католическая церковь. В конце 1852 года в Сан-Франциско было три приходских школы: одна на улице Вальехо, которой управлял отец Антуан Ланглуа, другая – в Счастливой долине, преподобного Джона Мейджинниса, и третья, также в Счастливой долине, где монахини занимались воспитанием девушек. Число учащихся в этих трех заведениях составляло соответственно 75, 80 и 75 человек. Одна школа была также основана в миссии Долорес. Пастор Дж. Л. Вермер расхваливал достоинства отца Ланглуа: «Именно иезуиты издавна посвящали себя обращению в христианство индейцев, но теперь они перенесли поле своей деятельности в Сан-Франциско. И все те, кто повидал их школы и колледжи, должны признать, что эти шестеро пасты-

рей переехали сюда не зря. Отец Ланглуа был дворянином и эрудитом»³².

За пределами Сан-Франциско школ тогда было мало. Почти все они были свободными и просуществовали недолго. Одной из самых динамично развивающихся была школа, основанная мормонскими колонистами в Сан-Бернардино.

В Лос-Анджелесе в 1847 году открылась школа под покровительством американской армии, но подобно другим калифорнийским школьным заведениям она не сопротивлялась «ветру безумия», который подул на страну в 1848 году. Еще одна школа была организована весной 1850 года. Образование здесь было вверено бывшему солдату Франциско Бустаменте, который заключил контракт с городским советом на «обучение детей первому, второму и третьему урокам, а также чтению и в меру моих способностей орфографии и нормам морали»³³. Назвать это заведение посредственным было бы преувеличением.

Городские власти поспешили учредить школьный комитет. Но где найти в Лос-Анджелесе человека, чьей профессией было бы изучение и обучение? Наконец некто Хьюз Оуэнс согласился возглавить школу за жалованье в 50 долларов в месяц, и город обязался не посылать к нему больше шести учеников для бесплатного обучения. Эта школа быстро закрылась. Тогда субсидия была предоставлена Генри Уиксу, который вместе с супругой организовал школу для мальчиков и девочек. Она просуществовала до создания в 1852 году общественных школ.

Надо сказать, что латиноамериканцы совершенно не занимались образованием молодежи. Г. Г. Бенкрофт пишет, что между декабрем 1794-го и июлем 1846 года функционировали 55 школ³⁴. В момент американской оккупации их оставалось всего две – одна в Монтерее, другая в Сан-Хосе, и их быстро покинули все преподаватели.

Причина этого безразличия к проблемам образования проста: калифорнийская элита держала частных учителей для своих детей, а в бедных семьях никто не заботился о том, чтобы научить детей читать, писать и считать. К этому следует добавить, что в целом правящая верхушка отнюдь не настаивала на всеобщем про-

свещении. Повсюду были губернаторы, восстававшие против этого интеллектуального равнодушия и силившиеся не допускать закрытия школ, но задача эта была нелегкой, потому что им приходилось одновременно искать учителей, способных заинтересовать учеников и убеждать родителей послать детей в школу.

В 1841 году отец Дюран из миссии Сан-Хосе писал губернатору Энчеаде: «Нас раскритиковали за неспособность организовать школы для индейцев, тогда как даже для белых детей невозможно найти хотя бы посредственных учителей. Индейские дети – единственные, научившиеся чему-то стоящему. Они могут жать хлеб, делать кирпичи и черепицу и обрабатывать землю, тогда как белые дети с ранчо и из деревень выросли в безделье и невежестве»³⁵.

Впрочем, нужно сказать, что от их невежества Калифорния не страдала. Ни один народ, говорят очевидцы, не чувствовал себя более счастливым.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ КАЛИФОРНИИ

«Я никогда не встречал ни одного столь жизнелюбивого народа, как калифорнийцы, – пишет преподобный Уолтер Колтон. – Их привычки просты, они скромны в потребностях. Природа сама положила к их ногам почти все богатства. Их лошади и овцы бродят на свободе, и траву здесь не косят, так как в этом нет ни малейшей нужды. Хлеба шумят повсюду, где прошли плуг и борона, а зерно, развеянное ветром в этом году, прорастет в будущем».

«Необходимая легкая работа скорее развлечение, нежели труд. И даже в этой работе индеец получает свою долю радости. Он не придает никакой ценности деньгам, если только они не служат ему для получения удовольствия. Даже целое состояние, если у него нет возможности им воспользоваться, не станет для него ни объектом соревнования, ни предметом зависти. Счастье проистекает из источника, имеющего весьма отдаленное отношение к видимым условиям»¹.

Изолированные от внешнего мира, свободные от всех видов экономического давления и от всякого соперничества, не знающие нищеты, довольные ласковым климатом, способные полностью удовлетворять свои простые желания и скромные амбиции, калифорнийцы вели в этом раю радостную, легкую и праздную жизнь, текущую своим порядком. Все очевидцы утверждают: калифорнийские ранчерос² жили в полу-

раю. Пасторальная цивилизация, мечта миллионов людей, была для них повседневной реальностью.

В 1850 году в шести графствах южной Калифорнии белого населения было меньше 8 тысяч человек³. Общественная и экономическая жизнь, несмотря на приток иностранцев, по-прежнему шла по мексиканскому укладу.

Экономика полностью зиждилась на скотоводстве. На обширных выпасах содержался скот, принадлежащий нескольким влиятельным людям. Большинство земельных концессий, полученных в испанский период, находились в южной Калифорнии, и больше половины из них – в радиусе 150 километров вокруг деревни Лос-Анджелес. Самые мелкие ранчо простирались на несколько тысяч гектаров, а самые крупные – на десятки тысяч. Таково, например, ранчо Сими площадью в 93 тысячи акров. Закон о секуляризации вызвал дробление земель, принадлежавших миссиям. Семьсот земельных концессий были щедро розданы в 1833 и 1846 годах. Но документы, подтверждавшие права собственности, порой оказывались сомнительными, а размежевание всех или почти всех поместий – весьма приблизительным, поэтому владельцы ранчо пожелали узаконить свои права. В Сан-Франциско был создан Совет земельных посредников, уполномоченный определять законность существовавших концессий. Справедливость требует заметить, что американцы проявили себя с плохой стороны и часто нарушали закон.

Среди фамилий крупных землевладельцев были: Кастро, Пико, Аргельо, Бандини, Карильо, Альварадо, Ортега, Норьега, Перальта, Йорба, Сепульведа, Луго. Среди них был очень силен кастовый дух, и хотя их генеалогия нередко была спорной, они хвастались «чисто испанской кровью» и стремились изъясняться на чистом кастильском наречии. Эти семьи объединяли могучие эмоциональные связи, что не мешало политическим ссорам между калифорнийцами с Севера и калифорнийцами с Юга. Браки из опасений мезальянса заключались обычно «между своими». Тем не менее, когда появлялся какой-нибудь завидный иностранный жених, его очень хорошо принимали в семье, если его религия не являлась препятствием к браку.

Именно так некоторые англичане, шотландцы, американцы, немцы обратились в католичество, женившись на очаровательных сеньоритах с горящими глазами. Не будет преувеличением сказать, что когда они высадились с корабля в этой стране, они были ослеплены ею и с радостью приняли ее язык, обычаи и манеры, вплоть до того, что некоторые поменяли свои имена на испанские. И подобно своим тестям и шуринам стали одеваться в кричаще-яркие одежды.

Испанистское общество: его касты и экономика

Социальная иерархия испанской Калифорнии была основана на цвете кожи. Пастухами, батраками, домоправительницами, ремесленниками, торговцами или солдатами были индейцы и метисы. Белая олигархия, или считавшаяся таковой, занимала верхушку социальной пирамиды. Она захватила все правительственные посты, из белых состояло офицерство, белым принадлежали ранчо. Между незначительной частью крупных собственников и остальным населением не возникало враждебности, ведь пищи для всех здесь было в изобилии, каждый имел свою крышу над головой, бедные и богатые веселились на одних и тех же праздниках. Неграмотный народ был далек от революционных настроений, ему были неизвестны понятия равенства и социального прогресса.

Метисы и «цивилизованные» индейцы смиренно принимали свою судьбу. Если у батрака-пеона не было своей земли, то он не знал и забот о ней; что касается пастуха-вакеры, то он, по словам многочисленных хроникеров, был самым счастливым из людей и не отдал бы своей лошади за целое королевство. Таким образом заведенный в обществе порядок не казался народу несправедливым, а воспринимался как единственно угодный Богу. Без него мир, несомненно, был бы сплошной путаницей.

Разумеется, владелец ранчо был богат землей и скотом и имел многочисленную прислугу, но за исключением нескольких предметов роскоши, которые он приобретал у заморских торговцев, он жил чуть ли не натуральным хозяйством, без излишеств. Хроничес-

кая нехватка наличности, присущая испано-мексиканскому периоду, вынуждала калифорнийцев прибегать к обмену. Между владельцами ранчо и иностранными кораблями осуществлялась не столько торговля, сколько обмен товарами. Контракты и простые векселя обычно оплачивались скотом, шкурами или салом. Судьи таким же образом определяли сумму штрафов и возмещений по приговорам. Лишь самое минимальное количество товара – несколько метров ткани, фунт сахара, изюм, сигары – оплачивалось ходившими в провинции «деньгами» – коровьей кожей, известной от Аляски до Перу под названием «билет калифорнийского банка»⁴.

Эти люди не были бизнесменами. Современник пишет, что, осуществляя свои сделки с кораблями янки, калифорнийцы обменивали свои кожи из расчета 2 доллара за предмет, стоивший в Бостоне 75 центов⁵.

До наплыва переселенцев владельцы ранчо выращивали скот только для себя и были рады продать взрослое животное за шесть долларов. «Золотая лихорадка» подняла цену скота на головокружительную высоту. В 1850-е годы оживилась торговля в долине реки Сан-Хоакин. С 1849 года пастухи регулярно перегоняли стада по тысяче, и даже по 2 тысячи голов на север, где был спрос на говядину.

Калифорнийцы стали очень богатыми людьми и тратили деньги без счета. Один американец так описывает Лос-Анджелес в период скотоводческого бума: «Улицы весь день заполнены многочисленными господами – кабальерос, сидящими верхом на превосходных лошадях и одетыми в богатые одежды, стоимость которых составляла от 500 до тысячи долларов, еще больше они платили за кожаную упряжь для своих лошадей. Помню, мне говорили, что кто-то из семейства Луго купил для своей лошади упряжь за две тысячи долларов. Все в Лос-Анджелесе казались богатыми, и все действительно были богаты, и я позволил бы себе сказать, что в этот период денег здесь было гораздо больше, чем в любом другом месте во всем мире»⁶.

В 1855 году благодаря продаже овец из Нью-Мехико, а также быков из Техаса и со Среднего Запада спрос на скот с севера Калифорнии уменьшился. Цены упали. В 1860 году взрослая корова стоила не больше

10 долларов, и поголовье скота в Калифорнии увеличилось до трех миллионов. Как и «золотая лихорадка», скотоводческий бум продолжался недолго.

День ранчero

Уильям Хит Дейвис оставил ценные свидетельства об образе жизни калифорнийцев. Сын известного судовладельца, он приехал в Калифорнию в 1831 году, женился на юной калифорнийке испанского происхождения и был вхож во все круги общества. Он восхищался тем, что всем калифорнийцам – от последнего метиса до высокопоставленного гидальго – были присущи природная гордость, благородство, удивительное гостеприимство. Подобно Уолтеру Колтону и многим другим он был очарован аристократическими традициями ранчерос, их веселостью, хорошим тоном и утонченностью. Разумеется, калифорнийцы больше любили развлекаться, чем работать, и их образованность оставляла желать лучшего. Их также считали расточительными, легкомысленными, лишенными практической сметки противниками перемен. Да и как не стать беззаботным, когда живешь в раю?

Как правило, ранчерос строили свои дома на возвышенности, близ реки так, чтобы окрестности хорошо просматривались со всех сторон. Ни одно дерево, отмечал Уильям Хит Дейвис, не должно было загораживать горизонт. Это позволяло держать в поле зрения окрестности и издали видеть приближавшихся воров лошадей и скота, обычно индейцев или мексиканцев⁷.

Дома из кирпича-сырца под черепичными крышами были простыми, просторными и комфортабельными. Вокруг них не высаживали ни декоративного кустарника, ни цветов, но ранчо окружали фруктовые сады, огороды, хлебные поля и виноградники, а некоторые ранчерос даже сами делали вино. На процветавшем ранчо Лас Йорбас, в долине реки Санта-Анна, в доме хозяина, длинном одноэтажном здании, было 30 жилых комнат. Здесь также размещались дома для слуг, школа, седельно-шорная мастерская, а всего 51 строение, создающие внутренний двор⁸.

В крупных поместьях было бесчисленное количество слуг. У Вальехо число индейцев, обслуживавших семью, было поистине впечатляющим: по одному на каждого ребенка, двое – у сеньоры хозяйки, 4 или 5 мололи кукурузу для лепешек – тортильяс⁹, 5 или 6 занимались стиркой, 6 или 7 работали на кухне, дюжина – шили и пряли¹⁰. На ранчо Лас Йорбас хозяин держал 4 чесальщиков льна, 2 кожевников, одного маслодела-сыродела, 2 сапожников, седельного мастера, ювелира, штукатура, плотника, 2 рассыльных, повара, булочника, закройщицу, 4 молодых швей, 2 садовников, одного винодела и еще нескольких человек, а также не меньше сотни наемных работников на ранчо.

Батраки и пастухи жили вместе со своими семьями в индиате – небольшой деревне, состоящей из хижин недалеко от хозяйского дома, или на хуторах-ранчориях, рассеянных по всему поместью.

Кроме этих наемных работников, слуг и их детей, ранчero содержал и кормил целый батальон приживальщиков – бедных родственников, друзей и проезжих иностранцев. Гостеприимство было для хозяина «священным долгом»¹¹, и прием, который он оказывал уставшим переселенцам, проходившим по его владениям, всегда был очень теплым. Ранчero пользовался большим авторитетом. Почтительность, с которой к нему относились как члены семьи, так и слуги, напоминала отношение вассалов и крестьян к своему сеньору-сюзерену в феодальном обществе.

У всех землевладельцев были большие семьи. Как говорил Роберт Гласс Клиленд, ранчero «порождал столько же сыновей и дочерей, как еврейский праотец библейских времен»¹². В семье Вальехо было 16 детей; дон Кристобаль Домингес умер, оставив 14 детей и 100 прочих потомков; столь же плодovито было и генеалогическое древо капитана Норьеги; большая часть населения Лос-Анджелеса состояла из детей, внуков и правнуков дона Антонио Мариа Луго.

Просыпались калифорнийцы рано. Ранчero обычно выпивал чашку кофе или шоколада в постели, после чего сразу же приказывал седлать для себя лошадь. Потом он разъезжал по поместью в сопровождении какого-нибудь вакеро до первого завтрака между 8 и 9 часами.

Забавно, что под термином «первый завтрак» хроникеры тех лет представляли нечто другое, чем мы. Послушаем Уильяма Хита Дейвиса: «Этот небольшой завтрак представлял собою солидную трапезу, состоявшую из карне асада (мясо, жаренное на вертеле), бифштексов с большим количеством соуса, с соком и луком, яиц, фасоли, тортильяс, нескольких кусков хлеба и кофе – его часто приготавливали из гороха»¹³.

Затем ранчero вновь отправлялся осматривать свои владения или навещать соседей. Но уже верхом на другой лошади, «не потому, что первая устала: это был вопрос его фантазии, или гордости». Между полуднем и часом дня он возвращался, чтобы позавтракать, – «эта трапеза была подобна первому завтраку», после чего проводил послеполуденное время снова в седле. Он возвращался только к заходу солнца, чтобы поужинать, причем ужин «обычно был повторением двух первых трапез»¹⁴.

«Пища оставалась почти неизменной, – констатирует Дейвис, – а блюда готовились с таким искусством, что всегда доставляли настоящее наслаждение. И не надо было быть большим гурманом, чтобы оценить их по достоинству, потому что все они были обильно приправлены специями». Уолтер Колтон пишет: «Единственное мясо, которое здесь едят в большом количестве, – говядина. Говядина – на первый завтрак, говядина на обед и говядина на ужин. Свинину подают очень редко. Что касается кур, то это пища для больных. В лесах полно куропаток и зайцев; близ рек и лагун масса уток и диких гусей, в заливе обилие вкуснейшей рыбы. Но ни один калифорниец не станет ловить ее на удочку и не пойдет на охоту, пока у него есть лошадь и седло»¹⁵.

Колтон и Дейвис не устают говорить об элегантности одежды калифорнийцев. На них были хрустящие рубашки, вышитые пиджаки, шелковые шейные платки яркой расцветки, золотые и серебряные пуговицы и кисти, леггинсы из самой мягкой замши, сомбреро из Мексики или Перу, изготовленные из «бекунии – бобровой кожи самой лучшей выделки», а когда становилось холоднее, все надевали элегантный сарапе.

Много золота и серебра было и на седлах – экипировка ранчero и его лошади стоила иногда несколько тысяч долларов.

Женщина

Для калифорнийца было привычным делом сажать даму в седло. Тогда сам он садился на кожаную анкеру, полумесяцем покрывавшую круп лошади. Многие юноши так отправлялись со своими красотками на фанданго. Свадебные традиции требовали, чтобы какой-нибудь близкий родственник отвозил невесту в церковь на своей лошади. «Этот джентльмен самым галантным образом выполнял эту обязанность в полном сознании ответственности и доверия, оказанного ему»¹⁶, – сообщает Дейвис. Лошадь в таких случаях бывала роскошно наряжена. Анкера и попона расшивались золотыми и серебряными нитями, у невесты было собственное седло, а вместо стремян к седлу изящно привязывалась длинная лента из красного, голубого или зеленого шелка, спускавшаяся с одного бока лошади и образовавшая петлю, «в которую дама легко вставляла ногу»¹⁷.

Калифорнийские женщины были умелыми наездницами. Все очевидцы хвалили их ловкость, смелость и физическую выносливость. Кроме того, они были неутомимыми танцовщицами и могли танцевать ночи напролет без малейших признаков усталости. «После нескольких ночей, проведенных в танцах, их движения и осанка оставались такими же полными жизни и воодушевления, что и в начале, тогда как мужчины выказывали явные признаки усталости – их выносливость несравнима со стойкостью дам»¹⁸. Последние обладали также и многими другими достоинствами. Они были прекрасными хозяйками дома, большими хлопотуньями, «хотя у самых богатых была масса индейских служанок». Они «ловко управлялись с иглой», восхитительно и терпеливо вышивали, талантливо играли на гитаре. Наконец, очевидцы хвалят добродетельность, как замужних, так и девиц. Об их интеллектуальных способностях нам ничего не известно. Но если учесть низкий уровень их образования, то можно предположить, что интеллектом они не блистали.

Приемы, устраивавшиеся калифорнийцами, всегда очень веселые, служили прекрасным поводом для музицирования и танцев. По случаю какой-нибудь свадьбы балы могли следовать один за другим в тече-

ние нескольких вечеров. Случись, что к молодоженам заявятся друзья с неожиданным визитом, так сразу же организуется «валесито касеро» – интимная вечеринка. Ранчero обожали эти встречи. Все они были музыкантами, и вечеринка протекала в радости, за танцами и пением. Оставаясь в кругу семьи, ранчero сразу же после ужина обычно расходились по своим комнатам.

Родео

Находился ли владелец в своем поместье или нет, заботы о ведении хозяйства возлагались на домоправителя-майордомо, под началом которого находились «капрал» и вакерос. Вакеро, будь он индейцем или метисом, был превосходным наездником, и никто не мог с ним сравниться в работе с лассо. На каждом ранчо имелась своя кабальяда, или табун дрессированных лошадей, которые с такой же ловкостью собирали скот, что и вакерос.

На ранчо с восемью тысячами голов скота обычно бывало 12 кабальядас по 25 лошадей в каждой. Вакерос постоянно отбирали новых жеребят на смену уставшим лошадям из кабальядас. Калифорнийская лошадь среднего роста, она сухопара и грациозна, у нее умный живой взгляд, пышная грива и потрясающая выносливость. Наездник требовал от нее многого, ведь калифорниец ненавидел ходить пешком и всюду ездил на лошади, причем всегда – в полный галоп. «Когда его лошадь начинала уставать, – рассказывает Эдуард Ожер, – он отлавливал с помощью лассо одну из гулявших на свободе лошадей, садился на нее и ехал дальше, меняя таким образом иногда несколько лошадей до прибытия к месту назначения»¹⁹. Лошадь была верным товарищем калифорнийца как в его забавах, так и в повседневных делах.

Но время от времени несколько кобыл или молодой жеребец сбегали с какого-нибудь ранчо к своим диким собратьям, сбивавшимся в табуны в долине реки Сан-Хоакин, которая в то время была почти необитаемой.

«Летом, – рассказывает Уильям Хит Дейвис, – сыновья ранчero, собираясь по восемь, десять или двенад-

цать человек, отправлялись в долину верхом на своих самых лучших и самых быстрых скакунах на отлов диких лошадей. Прибыв на место, где собрался большой табун, с лошадей снимали седла и ехали дальше без них. Животных достаточно свободно обвязывали веревкой, и всадник, оставшийся без седла и стремян, скользил коленями по веревке, к которой был также привязан и один конец лассо»²⁰.

Увидев, что люди приближаются, дикие лошади в страхе убегали. Всадники устремлялись за ними. Лошади шли галопом, вытянув шею и опустив голову с прижатыми ушами. Их гривы развевались по ветру, когда они взлетали на самые крутые склоны, даже не замедлив темпа и явно получая удовольствие от этой бешеной скачки.

«Когда люди догоняли табун, каждый всадник наметал себе добычу и преследовал ее, в нужный момент бросая лассо, которое охватывало шею лошади. Тогда он останавливал свою собственную лошадь, и начиналась упорная борьба. Всадник твердой рукой сдерживал свою и пойманную лошадей, затягивая веревку так, что дикарка начинала задыхаться и в конце концов, выбившись из сил, была вынуждена уступить»²¹.

Это был возбуждающий и опасный спорт, в котором побеждали калифорнийцы. Он требовал от всадника крепких нервов и величайшего мастерства в обращении с лошастью.

За один раз таким образом могло быть отловлено 50 или 60 лошадей. Их приводили на ранчо, запирали на ночь в коррале* и группами выводили на пастбище днем, пока они не привыкали к домашним лошадям настолько, чтобы их можно было выпустить на свободу, не опасаясь бегства.

Каждый год ранчero собирал свой скот для клеймения молодых животных. Эта процедура называлась родео. Закон 1851 года обязывал владельца проводить клеймение ежегодно. Родео проходили, в зависимости от региона, с 1 апреля по 31 июля или же с марта по сентябрь. Из-за обширности территорий некоторых ранчо владельцы имели право организовывать несколько родео в разных своих поместьях. Эти места

* Коррал (*исп.*) – скотный двор; огороженное место; загон.

всегда были одними и теми же, что очень облегчало работу, потому что как только вакерос начинали сгонять скот, животные из округи в радиусе нескольких километров сами направлялись к тому месту, где проходило родео в предыдущем году. В большом ранчо насчитывались тысячи голов скота. Размеры стад определяли приблизительно, умножая число клейменных животных на три или на четыре. После клеймения раскаленным железом животных отпускали на выпасы. Ранчо не имели четких границ, и поэтому скот разных владельцев часто смешивался. С наступлением сезона родео неклеяменные животные, пасущиеся без матери, чью принадлежность определить было невозможно, становились собственностью того ранчero, кто организовал родео.

Владельцы соседних ранчо приходили на родео, чтобы отделить свой скот, и для этого приводили своих вакерос. Это занятие было для ранчерос скорее развлечением, чем работой. Ведь они всегда были настроены по-праздничному, а тут подворачивался прекрасный повод для встречи с соседями и принятия участия в их веселье.

Родео бывали и в период убоя скота. Собрав животных, от них отделяли трехлетних быков и тех, кто постарше, и отгоняли куда-нибудь поближе к речке и лесу. Там происходила матанса. Забивали от 50 до 100 животных. Матанса 50 быков продолжалась около двух дней. Уложенное на землю животное, со связанными веревкой передними и задними ногами, убивали ножом, который один из вакерос ловко вонзал в горло быку. У вакерос уходило не больше получаса на то, чтобы снять с животного шкуру. Затем вырезали сало и кусок мяса, обычно из боковой части. Когда быка убивали на мясо для ранчо, это делали как можно ближе к кухне, и забирали почти все мясо, а не только один отборный кусок.

Мясо калифорнийского быка было изысканно вкусным, но жестким. К счастью, у калифорнийцев были крепкие зубы, которые сохранялись до глубокой старости – редкость для того времени. Уильям Хит Дейвис считает, что это благодаря их убежденной трезвости. Если верить очевидцам, то среди калифорнийцев было мало седовласых даже среди стариков.

Насилие, раступство и пьянство

Эта идиллическая картина, написанная на основе воспоминаний и хроник, имеет и теневую сторону, которую, находясь в плену своих иллюзий, многие современники отказывались замечать. Жизнь в южной Калифорнии во многих отношениях несомненно была похожа на волшебную сказку. Но в волшебной сказке запах смерти смешивается с ароматом роз; там танцуют и поют, балансируют между весельем и грустью, нежностью и жестокостью, любовью и утратой. Там встречаются колдуны, оборотни и злые духи. Мир ранчо, как феерическая страна, был окружен границей, сотканной из туманов и химер.

Теневые стороны калифорнийской действительности – порок, насилие, алчность, невежество, духовная бедность. С 1850-х годов население Калифорнии жило в атмосфере насилия; преступления были самым обычным делом. Церкви и школы открывались с большими трудностями. Культура процветала далеко не везде. По статистике 1850 года, здесь не было ни газет, ни больницы, ни средней школы, ни библиотеки, ни протестантской церкви. Три католические церкви были рассеяны на громадной территории южной Калифорнии. Две трети населения – неграмотны. Только девять детей посещали школу²².

Разумеется в Лос-Анджелесе, Санта-Барбаре, Монтерее было образованное общество, но остальное население пребывало во тьме невежества. И если Монтерее удалось сохранить в неприкосновенности свое очарование хорошего тона, то в Лос-Анджелесе были заметны все признаки пограничного мексиканского города. Игра, алкоголь, секс – вот три кита, на которых держалась жизнь большей части его жителей.

Золото, такое осязаемое, неотступно преследующее умы, вызвало приток большого числа мексиканцев – как честных крестьян, так и самых отъявленных преступников. Кроме банд конокрадов и похитителей скота, терроризировавших деревню, десперадос нападали на одиноких путников и на дилижансы – убивали и грабили, причем некоторые истребляли только гринго – врагов-победителей, путая терроризм с патриотизмом. А в Лос-Анджелесе в это время обоснови-

вались убийцы, игроки и сутенеры. Этот Город Ангелов в начале 1850-х годов побил печальный рекорд по числу преступлений на тысячу жителей. 16 ноября 1854 года «Саузерн Калифорния» писала: «Неделя прошла относительно спокойно. Убиты четыре человека – двоим разmozжили головы и нанесли ножевые ранения, но это пустяки, которые мало кого волнуют»²³.

Город утонул в грязи. В домах кишели клопы. Умершие животные разлагались там, где их настигла смерть. Даже Плаза была превращена в настоящую свалку. Питьевая вода из реки Лос-Анджелес текла через город по каналам, которые называли «саньяс». В них горожане без зазрения совести бросали всякий мусор. А женщины продолжали стирать грязное белье в корытах, полвека назад поставленных на берегах каналов. В 1855 году на страницах «Лос-Анджелес Стар» прозвучал крик отчаяния: «Все позволяет иностранцу предполагать, что наши каналы построены исключительно для свалки туда нечистот и мусора, которые таким образом накапливаются в городе, а не для того чтобы служить источниками воды для горожан»²⁴.

В Негритянском квартале множились бордели, салуны и игорные дома. За столами монте и фараона делали ставки мужчины и женщины, готовые вынуть из кармана револьвер и воспользоваться им при малейшей угрозе. «Человеческая жизнь в этот период в Лос-Анджелесе совсем обесценилась»²⁵, – печально констатировал в 1853 году немецкий переселенец Гаррис Ньюмарк.

Негритянский квартал со своими ярко освещенными салунами и дешевым алкоголем скверного качества привлекал многочисленных «прирученных» индейцев, приходивших сюда тратить свой скудный заработок субботними и воскресными вечерами. С теми из них, кто работал на виноградниках, хозяева расплачивались водкой и каждый уик-энд в период сбора винограда устраивали попойки перед миссией Святого Габриеля. Они напивались до того, что валились с ног, охваченные бредовыми видениями, навеянными этой отравой, привозимой «белым человеком» и разрушавшей их душу и тело. Одни из них выли, как волки, другие жестоко дрались между собой.

На закате начальник полиции и его люди собирали их и запирали в коррале. А назавтра, поскольку они не имели возможности заплатить штраф за нарушение порядка, их, как рабов, выставляли на продажу. «Их обычно продавали на неделю, – сообщает Хорас Белл, – а покупали владельцы виноградников и другие предприниматели, по цене от одного до трех долларов, или за третью часть того, что они получили бы в конце недели, работая батраками...»²⁶

Эта порочная практика, по-видимому, продолжалась годами; однако в 1852 году в «Лос-Анджелес Стар» можно было прочесть следующее: «Большое жюри обвинило мэра, начальника полиции города и начальника тюрьмы в продаже труда индейцев, арестованных за мелкие нарушения, и в том, что они делили между собой получаемые таким образом деньги. Начальника тюрьмы... обвинили также в преступном злоупотреблении властью: он предоставлял заключенным выбор – оставаться в тюрьме или быть выпущенным на свободу. В одном случае он даже снабдил заключенного инструментами... чтобы тот смог бежать»²⁷.

Наконец, нельзя обойти молчанием и ту жестокость, с которой калифорнийцы порой относились к индейцам. Так, в 1841 году, когда индейцы из района Клиар Лейк совершили несколько проступков, их постигло ужасное наказание: солдаты под командованием капитана Сальвадора Вальехо²⁸ устроили резню, в результате которой погибли 150 мужчин, женщин и детей.

Праздники и конные состязания

Насилие – одна из форм наслаждения для мексиканца, и оно не было чуждо даже нашим достойным ранчерос. С дикой радостью предавались они жестоким играм. И если они любили серенады и пикники, то с неменьшим энтузиазмом наблюдали за схватками человека с животным – быком или медведем.

Одним из любимейших развлечений в дни матансы была ловля медведя. Привлеченные запахом крови, медведи по ночам подходили к месту, где забивали скот, а ранчерос с вакерос забавлялись тем, что ловили

их с помощью лассо, как обычных бычков. Это была опасная и возбуждающая игра, в которой одинаковую ловкость и сноровку должны были проявить и лошадь, и ее хозяин. Но и жестокая тоже, потому что медведь всегда проигрывал. Один всадник набрасывал лассо ему на шею, другой хватал за заднюю лапу. Каждый из них тянул несчастное животное к себе, в результате чего оно оказывалось задушенным²⁹. За ночь обычно отлавливали и убивали полдюжины медведей, свидетельствует Уильям Хит.

Другими очень любимыми всеми калифорнийцами играми были коррида и скачки. Калифорнийцу трудно было найти развлечение, в котором не принимала бы участие лошадь, за исключением танцев и музыки, конечно. Скачки сводились к борьбе между двумя лошадьми и подобно корридам проходили в дни религиозных праздников. В такой день никто не работал. Для вакерос это был повод надеть самый лучший костюм и оседлать самого лучшего скакуна. На бегах заключались крупные пари. Ставкой в них могли быть несколько сотен голов скота.

Коррида становилась здесь своеобразным поединком между человеком и животным, потому что в Калифорнии люди сражались с быком, сидя в седле, к величайшему удовольствию зрителей, проявляя в схватке храбрость, граничившую с самоубийством.

Но портрет калифорнийца был бы неполным, если не подчеркнуть его любовь к праздникам. Религиозные или языческие, все они становились поводом для всеобщей радости, громких взрывов петард, фейерверков, обильных трапез и выпивки. Калифорнийцы никогда не делали разницы между святым и языческим. Католические праздники – благословения Девы Марии, обращение к святому покровителю или воздание хвалы Господу – служили поводом для церемоний, в которых языческие ритуалы тесно смешивались с христианскими традициями. Культ святых у испано-американцев имел большее значение, чем в остальном католическом мире. Разумеется, это был культ, пронизанный язычеством, но позволявший этим простодушным мужчинам и женщинам с наивной верой приносить свои невзгоды и боль к подножию алтаря и приобщаться к святым, потому что святые были более реальными, бо-

лее материальными, более близкими, а значит, более убедительными фигурами, чем Всевышний.

В течение нескольких дней пребывания Чарлза Эдварда Пенкоста в Лос-Анджелесе в начале января 1850 года отмечался какой-то католический праздник, и он, к своему удивлению, увидел девушек и юношей, переодетых по этому случаю в клоунов и дьяволов, «которые предавались всякого рода грубоватым шуткам». И он с еще большим удивлением увидел устроившихся у стены церкви «двух священников (или других лиц)», державших банк игры в монте. «Я не сомневался в том, что их выигрыши пойдут на служение Господу, – говорит добрый квакер, – но это показалось мне весьма своеобразным способом пополнения церковных фондов»³⁰. Великий четверг, Страстная пятница и Страстная суббота строго соблюдались всеми калифорнийцами, и «дамы в черном», сообщает У. Хит Дейвис, все три дня ходили в церковь. Вечером в Пятницу был досрочно сожжен Иуда. Такие моменты христианского рвения в народе, предшествовавшие радости Пасхи и продолжившиеся карнавалом, способствовали всеобщему веселью.

Это был повод для балов, званых ужинов, пикников и игры, пришедшей из Испании и Мексики, состоявшей в том, что о голову человека противоположного пола разбивали яйцо, начиненное мельчайшими кусочками серебряной или золотой бумаги, заполненное одеколоном или «любой другой безобидной и приятной жидкостью... идея состояла том, чтобы заставить человека врасплох, шутливо разбить яйцо и выпустить его содержимое на голову жертвы». Строго запрещалось разбивать больше одного яйца зараз. Люди из простонародья играли в эту игру на улице, элита – в узком кругу, но все получали от нее одинаковое удовольствие³¹.

Эти игры и обычаи представлялись такими же странными для американцев, какой для калифорнийцев была привычка янки гоняться в сочельник за индюком.

В стране, в которой происходят быстрые и резкие социальные изменения, скорее чем где-либо утрачиваются и искажаются традиции. Так было и в Калифорнии, где произошел странный феномен выхолащива-

ния одной культуры и подмены ее другой. Выигрывают те, кого вдохновляют перемены, а те же, кто, как калифорнийцы, цепляется за прошлое, остаются в проигрыше. Не осознав, что эпоха требовала от них гигантских усилий по приспособлению, они были обречены на исчезновение вместе с индейцами. Культура, уже частично уничтоженная францисканскими падре, шла к полному подавлению американской цивилизацией.

Испанистскими пережитками в Калифорнии сегодня являются прежде всего миссии, поддерживаемые с любовью и почтением, но их истинная история не соответствует легенде. Свидетели индейского присутствия – несколько премилых городов с поэтическими названиями и небольшие резервации в пустынях Юга и горах Севера. Какой путешественник, проезжая по этой стране, может вообразить, что 16 процентов индейского населения фантастической территории, называющейся ныне Соединенными Штатами, в момент Конкисты жило в Калифорнии? Знает ли он хотя бы, что «лихорадочные» города побережья были построены на местах бывших индейских деревень и что многие традиции, считающиеся испано-американскими, в действительности являются индейскими?

И если на облике этой страны еще остался след руки индейца, то это иссохшая, застывшая рука, подобная руке смерти.

ИНДЕЙЦЫ

Индейское население было в высшей степени неоднородно. На всей территории Калифорнии с севера на юг люди говорили на 138 диалектах, принадлежавших шести разным семьям языков. Перечислять все группы населения, описывать их общественную организацию и нравы от одного племени к другому значило бы уйти далеко за пределы описания повседневной жизни Калифорнии. Поэтому мы удовлетворимся знакомством с этими калифорнийцами по регионам. В целом индейскую Калифорнию можно разделить на три крупных региона: север, центр и юг, к которым следует прибавить территорию шошонов – так называлась группа индейских племен, проживавших на востоке.

Между представителями различных племен существовало некоторое сходство в облике: у всех были черные жесткие волосы, выступающие скулы, раскосые глаза. Однако вокруг племен юки – в центре и могавков – на юго-востоке группировались самые низкорослые и самые рослые народы всего американского континента, и от одного племени к другому были видны четкие различия форм головы и носа, а также цвета кожи. Наконец – удивительная подробность, – среди народов центрального региона были и бородачи.

Из шести лингвистических семей только две – пеннотианская и юканская – были чисто калифорнийскими. Четыре других – атапакская, алгонкинская, хоканская и шошонская – были представлены в многочисленных регионах североамериканского континента.

Несмотря на разнообразие этнических групп, из которых некоторые, например модоки, обосновавшиеся на орегонской границе, насчитывали не больше 500 человек, их социальная организация, обычаи, повседневная жизнь, религия и экономика имели общие черты.

Все они жили собирательством, в основном желудей, а также рыбной ловлей и охотой; многие добавляли к своему повседневному меню червей, кузнечиков, ящериц, насекомых и прочие экзотические продукты.

Их жилища представляли собой хрупкие конструкции из дерева и травы, порой покрытые дерном. Одежда сводилась к минимуму: мужчины ходили голыми, женщины носили на талии два небольших передника – спереди и сзади, из шкуры или соломы. У некоторых племен было принято в зимнее время закутываться в шкуру лани, другие довольствовались тем, что вываливались в грязи, она застывала, и эта корка была им единственной защитой от холода. Очень немногие пользовались глиняной посудой, но все выказывали настоящий талант в искусстве изготовления плетеных изделий. Ни одна община не обходилась без потогонной бани – судатории¹; не было племени, не знавшего лука и стрел.

Ячейкой индейского общества в Калифорнии была деревня, чаще всего состоявшая из семей, породнившихся через общего предка мужского пола. Каждая группировка включала несколько семей, живших на территории с четко определенной границей, охрана которой, как и пользование землей, разделялась между всеми. Вождь, становившийся таковым по наследству, занимался гражданскими делами, но пользовался очень ограниченным авторитетом. И если исключить могавков и юму, мало кто был одержим духом войны. Обычно индейцы жили в мире, а если и случалась заварушка, то речь в действительности шла о кровной

мести, которая никогда не вовлекала в конфликт все племя.

Среди религиозных обрядов, соблюдавшихся всеми или почти всеми индейцами Калифорнии, были обряд инициации* девушек и ритуальный танец по случаю войны или победы. Основой других коллективных церемоний были обряды, связанные с каким-нибудь мифологическим событием или в память умерших. Как и для огромного большинства североамериканских индейцев, в религиозной жизни индейцев Калифорнии важную роль играло шаманство. И наоборот, тотемизм** и экзогамия*** вовсе не были всеобщей практикой. Во многих племенах можно было жениться внутри своего клана.

Юроки: деньги... и любовь

Территории, занятые юроками и их соседями кароками и хупа, образовывали культурный центр севера штата. И хотя первые принадлежали к алгонкинской лингвистической группе, вторые – к хоканской, а третьи – к атапакской, их мало что отличало как в социальной организации, так и в верованиях и нравах².

И те и другие строили просторные деревянные дома, вместо двери – отверстие, рассчитанное лишь на то, чтобы человек мог в него пролезть ползком. Те и другие питались лососем и желудями, обрабатывали дерево и изготавливали плетеные изделия. У них не было племенной организации, процветала полигамия, по крайней мере у богатых, а свои ритуальные це-

* Инициации (*лат.* *initiatio* – совершение таинств) – посвятельные обряды в родовом обществе, связанные с переводом юношей и девушек в возрастной класс взрослых мужчин и женщин.

** Тотемизм (*англ.* *totem* из языка индейцев – «его род») – древнейшая форма религии раннеродового строя, характеризующаяся верой в сверхъестественную связь и кровную близость данной родовой группы с каким-либо тотемом (животным, растением, предметом, явлением природы), который считается не божеством, а родичем и другом.

*** Экзогамия – (*гр.* *ἐξ*б – «снаружи, вне» и *γάμος* – «брак») – характерный для общинно-родового строя обычай, запрещающий браки внутри определенной общественной группы, например рода.

ремонию они обставляли с большой пышностью и блеском.

У этих калифорнийцев была одна особенность: высшей целью их жизни было стремление разбогатеть.

Деньгами у юроков и их соседей был денталий – моллюск в виде рожка, который добывали на западном берегу острова Ванкувер. Переходя из рук в руки, от племени к племени, эта «деньга» дошла до Калифорнии. Каждый денталий имел свой номинал, в зависимости от его размеров. Раковины размером меньше половины большого пальца цены не имели. Индейцы низали из них бусы. Каждая снизка изготовлялась из раковин одинакового размера – это облегчало расчет. Самые длинные из них достигали 60 сантиметров. Разменной монетой служили также оперения красноголового дятла, шкуры лани редкого окраса, а также пластинки обсидиана. Из скальпов дятла юроки изготовляли замечательные головные уборы, которые надевали во время совершения обрядов.

У них все имело цену: каноэ, место рыбалки, лосось, одеяло, жена, побочный ребенок, прелюбодеяние, убийство. Как когда-то франки, юроки приняли принцип вергельда – возмещения за убийство свободного человека. Благодаря А. Л. Креберу нам известны существовавшие у юроков тарифы.

Большое каноэ стоило две нитки по 12 денталиев, или 60 скальпов птенцов дятла. Одеяло из двух сшитых и окрашенных шкур лани стоило одну нитку из маленьких денталиев. Дом – три нитки, раб – одну или две нитки. Гонорар врачу тоже – одна или две нитки. Жена из богатой семьи стоила десять ниток плюс головной убор из пятидесяти скальпов дятла, один обсидиан, лодка и т.п. Жена из бедной семьи стоила восемь ниток и каноэ. За убийство знатного человека убийца должен был дать пятнадцать ниток, возможно, красный обсидиан, головной убор из перьев или что-то другое, по ценности равное девушке. Жизнь бедного человека ценилась не больше чем в десять ниток плюс хорошая лодка и двадцать скальпов дятла. Наказание за рождение побочного ребенка составляло восемь–десять ниток из небольших рако-

вин и несколько скальпов дятла. Тариф за прелюбодение, как и за соблазнение, составлял пять ниток или двадцать скальпов дятла. За произнесение имени умершего нарушитель правила платил две связки по тринадцать раковин³.

Разумеется, этот принцип денежного выкупа на первый взгляд представляется отвратительным. Однако, вероятно, мораль в этой системе отсутствует не полностью, потому что согласно юрокскому мифу пять братьев, которые сделали Небо, якобы создали деньги и собственность и при этом говорили: «Если у людей будут деньги и вещи, имеющие цену, они будут довольны и будут о них думать. У них не будет мыслей о мести, и они не будут с легкостью убивать, так как не захотят растрачивать то, что имеют»⁴.

Надо сказать, что на поле боя эта система делала чудеса. Обычай кровной мести у юроков редко доводил до смерти, и они никогда не скальпировали павшего врага. Они отрезали ему голову, только если не были уверены в его смерти, потому что ущерб должен был возмещать как победитель, так и побежденный. За каждого убитого или раненого нужно было платить, как и за каждый сожженный дом, а захваченные женщины, дети и имущество должны были быть возвращены. В любом случае цена войны для общины была несомненно тяжелой, и не удивительно, что юроки прослыли очень мирным народом.

Деньги влияли на всю их жизнь. Как пишет А. Л. Кребер: «Упорство, с которым юроки стремятся разбогатеть, не знает границ. Они твердо убеждены в том, что деньги к ним придут, если постоянно о них думать»⁵.

Сосредоточенность на мысли о денталиях была постоянным занятием людей в бане. Юношам даже рекомендовалось медитировать над этим по десять дней подряд, воздерживаясь от пищи. Ни под каким предлогом они не должны были отвлекаться от главной мысли и в особенности недопустимы были мысли о женщине. Юроки были уверены в том, что деньги и секс несовместимы. Поэтому мужчина мылся после каждого сексуального контакта с женщиной, а перед тем как заняться любовью, юроки выставляли в ряд все накопленные денталии.

Этот предрассудок имел забавные последствия. Поскольку для мужчины и женщины не могло быть и речи о том, чтобы вступить в сексуальные отношения внутри их жилища, в зимнее время практиковалось воздержание, и они предавались любви только летом, на открытом воздухе. Таким образом, дети у юроков рождались весной. И не удивительно, что мужчины, избегая соблазна, в зимнее время спали обычно в бане.

У каждой общины была баня, а иногда и несколько, но строго соблюдалось правило, согласно которому пользоваться ими могли только мужчины.

Бани наполовину засыпались землей, а строились близ воды – на берегах рек или океана. В центре бани размещали очаг, в котором горели дрова, а дым уходил в отверстие, проделанное в потолке. Это же отверстие служило лазом в баню. Мыться рекомендовалось по утрам и вечерам, с последующим купанием в реке или океане. Юноши в течение дня занимались своими делами, а старики часами болтали, ожидая похода в баню или находясь в ней.

Так мирно текла жизнь в северной Калифорнии. Индейцы любили танцы, пение, ритуальные церемонии. Танец и пение у всех индейцев считались священными действиями. Танец шкуры белой лани, например, продолжался несколько дней (у юроков – 12 или 16), и по этому случаю все надевали самую лучшую одежду.

Они любили также ходить в гости, участвовать в атлетических состязаниях, играть в загадки, а в особенности слушать интересные рассказы. Никто так не ценил сказителей, как индейцы племени хупа, и в их жилищах старики долгими зимними вечерами рассказывали сказки, легенды, мифы...

Их земли находились за пределами территорий, на которых действовали францисканские миссионеры, и проникновение туда англосаксов проходило медленно, таким образом, эти народности меньше других страдали от натиска белой цивилизации. На племени хупа, чьи деревни находились в глубине труднодоступной долины, это белое давление отразилось намного меньше. Разумеется, начиная с 1850 года среди них стали обосновываться золотоискатели,

но быстро выяснилось, что россыпи Тринити-ривер непродуктивны, и на землях индейцев остались только фермеры да некоторое количество федеральных войск, поддерживавших порядок в регионе. А в 1864 году конгресс принял мудрое решение, превратив территорию хупа в резервацию.

Племя помо: вкус к празднику

Очень характерны для Калифорнии индейские племена центрального региона, включающего Большую Равнину, прибрежный хребет, тихоокеанское побережье и отроги Сьерра-Невады. Самым представительным и наиболее широко известным племенем этой группы являются помо, чьи территории расположены к северу от Сан-Франциско, а также – по окраине долины реки Сакраменто.

Помо принадлежали к лингвистической семье хоканов, но это племя было разделено на небольшие кланы, говорившие на семи разных диалектах. Как все индейцы центральной Калифорнии, они были невысокого роста, с тяжелыми крупными лицами и коренастыми фигурами, с кожей более темного цвета. Их основной пищей были желуди, которые осенью собирали женщины. Кроме того, они ели клевер, коренья, луковичные растения, изредка – дичь и рыбу, которую выучились завяливать и хранить подвешенной под крышей. Они обожали червей, гусениц, раковины и кузнечиков.

Помо были оседлым племенем, жили деревнями в хижинах из древесной коры, покрытых травой или дерном. В каждой большой деревне был круглый полуподземный танцевальный дом, и, разумеется, каждая коммуна имела баню-землянку с большим круглым очагом, в которой мужчины зимой проводили почти все время.

Как и их северные соседи, они отличались особой любовью к праздникам и во время ритуальных церемоний одевались в роскошные костюмы. Они украшали себя перьями, раковинами, костями, раскрашивали лицо и открытые части тела в красный, черный и белый цвета. Ремеслом, принесшим им особую славу,

стало изготовление плетеных изделий. Мужчины мастерили люльки, рыболовные сети и заплечные корзины, которые носили женщины при переездах семьи. Женщины изготавливали предметы домашнего обихода и емкости для хранения желудей. Их корзины, украшенные и разрисованные геометрическими фигурами, были настоящими произведениями искусства. Иногда они украшали их перьями дятла и перепела. Среди прочих предметов их кустарного промысла были камышовые плоты, трубки, обсидиановые ножи, наконечники для стрел и копий. Кроме того, помо были главными поставщиками денег в центральной Калифорнии.

Изготовление «денег» было мужским делом. Сырье для этого они брали в бухте Бodega на территории племени мивоков – там в изобилии водились крупные съедобные моллюски. Раковины разбивали на куски, грубо шлифовали песчаником, придавая им круглую форму, полировали, проделывали центральное отверстие и нанизывали на веревочки. Цена этих дисков зависела от их размеров и качества полировки. Другими «деньгами», которые делали помо, были цилиндрические бусины из морской пенки. Ловкость, с какой помо манипулировали этими бусами и дисками, говорит о том, что они усвоили ряд довольно важных математических понятий.

В обязанности вождя входило: принимать визитеров, организовывать увеселения и произносить речи. В случае конфликта помо старался избежать малейшего кровопролития, предлагая врагу деньги. Но с мертвого врага всегда снимали скальп, а потом танцевали вокруг этих трофеев, чтобы отпраздновать победу. Факт довольно неблагоприятный, но он им охотно прощается потому, что у них было много других достоинств.

Так мы узнаем, что у женщин помо был высокий статус в общине. Кребер даже говорит о равенстве в правах мужчины и женщины. Они обожали детей и воспитывали их в доброте и нежности. Подобно многим калифорнийским индейцам, отец, так же как и мать, после рождения ребенка сидел с ним дома, постился и целый месяц не должен был ни охотиться, ни путешествовать, ни играть⁶.

Все индейцы верили в сверхъестественных существ, и помо не являлись исключением. Были у них и боги: разумеется – Койот* и его брат, мудрый и добрый Мадумба, и Куксу**, живший, как все думали, в большом доме танца на краю света. Были также и местные духи, жившие в реках, пещерах, расселинах скал, среди гор. Помо верили в бессмертие души. Они говорили, что души их умерших через четыре дня возносятся на небо.

Главным религиозным ритуалом была церемония, посвященная Куксу, во время которой инициировали подростков. Она сопровождалась танцем призрака, который могли танцевать исключительно мужчины, и только в танцевальном доме. Этот обряд продолжался четыре часа. Участники праздника с раскрашенными лицами плясали, глотали огонь, размахивали горящими головешками и демонстрировали фокусы со змеями, украшенными колокольчиками.

Испанская экспансия повлияла на жизнь помо не больше, чем «золотая лихорадка». Но золото в россыпях стало попадаться все реже, и золотоискатели переключились на сельское хозяйство и прогнали помо с их земель. Так индейское население сократилось. Сегодня их в регионе остается около тысячи. Из культуры своих предков они ничего не сохранили. Добрый и мирный народ помо почти бесследно стерся с лица земли.

Майду, винтуны и йокуты

Самый жестокий удар испанского штурма на индейскую цивилизацию приняли на себя кастаньяны. На их территории было основано семь миссий. Мивоки, майду, винтуны и йокуты – четыре другие группы,

* Койот – луговой волк. В мифологических представлениях индейцев образ койота был преимущественно связан с культом предводителя боевой дружины (или бога войны) и родоначальника племени.

** Куксу – у индейцев Калифорнии – майду, помо, винтун и др. – первый человек, учитель людей. Ему посвящены тайные обряды, связанные с возрастными инициациями, проводимыми зимой в большой круглой полуземлянке. Обрядовые танцы (связанные с культом «Большой головы», так как танцоры, изображая Куксу, надевают громадный головной убор) призваны поддерживать продолжение рода.

принадлежавшие к пенютианской семье языков, были первыми, затронутыми волной золотоискателей, так как они жили в долине рек Сакраменто и Сан-Хоакин. Многие «аргонавты» говорят об этом в своих воспоминаниях. Правда, обычно с презрением. Они видели, как индейцы искали себе пищу в земле, и поэтому называли их уничижительным словом «диггеры» – «копатели», которым американцы называли также некоторые племена Невады, Юты и Орегона.

По их словам, эти люди были грязными, беспечными, ленивыми, мстительными, неблагодарными и суеверными. Кое-кто доходил даже до того, что упрекал их в распространении венерических заболеваний, приобретенных в контакте с белыми. Что касается описания их портретов, то нельзя сказать, чтобы они были лестными. Дэйм Ширли, восхищаясь «необычной красотой индейских женщин Калифорнии», пишет, что они были так уродливы, что их можно было бы принять «за шайку колдуний Макбета»⁷.

А Эдуард Ожер сообщает: «Рост этих дикарей редко превышает пять футов и два-три дюйма. Члены их худы, мускулатура слаборазвита. У них толстые, выступающие вперед губы, широкий плоский нос, как у эфиопов. Волосы у них черные, прямые и жесткие. Некоторые никогда их не стригут, и тогда они ниспадают густой гривой до крестца; а у других – волосы длиной пять или шесть дюймов, что придает им некоторое сходство с огромными щетками из конского волоса, которыми мы пользуемся для уборки паутины»⁸.

Совершенно очевидно, что поведение индейцев было для белых непонятно и что желающих знакомиться с аборигенами, интересоваться их нравами и обычаями было мало.

Шесть десятков винтунских деревень были разбросаны между устьями Фезера и Питта. Мивоки владели небольшой территорией на побережье вокруг бухты Бодеги. Другое племя жило при слиянии Сан-Хоакина и Сакраменто, третье – на отрогах Сьерра-Невады, простиравшейся до реки Косумнес на севере и Фресно на юге. Майду занимали район от Сакраменто до горы Лассен. Они были единственными, кто не щадя убивал своих военнопленных жестоким способом: их привязывали к пыточному столбу в доме танца, видимо, это

был ритуальный акт. Пленных калечили и сжигали на медленном огне.

Наконец, уникальными для Калифорнии были йокуты. Они разделялись на настоящие племена, имеющие разные диалекты, свои территории и свои названия. Йокуты жили в долине реки Сан-Хоакин. Другой особенностью йокутов, разделявших с другими племенами юг Калифорнии, было использование *Datura meteloides* в церемониях инициации подростков. Это зелье – сильный наркотик, вызывающий галлюцинации.

Во время инициации почтенный старец объяснял подросткам происхождение мира и рассказывал об их взрослой жизни. В йокутской мифологии создателями Вселенной были все животные: орел был высшим богом, а койот его помощником.

В основе религиозных воззрений народов центральной Калифорнии была система мужского тайного общества, а их глубокие идеи кристаллизовались вокруг культа Куксу. У майду церемонии проводились всегда внутри дома танца – настоящего храма, их участники скрывали свои лица под слоями краски или под масками из перьев и соломы. Они воплощали духов – лань, койота, кондора, утку, черепаху, медведя-гризли.

Все ритуальные церемонии сопровождалась танцами. Танцевали для того, чтобы отпраздновать появление первого лосося в реке, танцевали вокруг дома больного, чтобы прогнать «зло» из его тела, танцевали шесть дней подряд во время инициации девочек, танцевали во время праздника мертвых, танцевали, чтобы воздать должное всем четырем временам года. Весной проводили праздник цветов, летом – праздник земли, осенью – урожая, зимой – праздник снега.

Майду верили в бесчисленных богов, а также в то, что земля круглая и окружена водой, что она плавает по этому морю, поддерживаемая пятью веревками, натянутыми творцом. Если злые духи раскачивали эти веревки, земля начинала сотрясаться. То, что мы называем душой, они называли сердцем. «Его сердце отошло», – говорили они, когда кто-то из них умирал. Сердце человека не сразу покидало землю, чтобы улететь на небо. В течение семи дней оно повторяло каж-

дое дело и каждую работу, выполнявшиеся покойным при жизни, следуя по его стопам и посещая все места, в которых он бывал при жизни.

Похороны у мивоков

Независимо от того, сжигали ли тело или закапывали в землю, похороны всегда были важным событием. Сэм Уорд, сын одного богатого нью-йоркского банкира, «в благословенный 1851 год» жил в небольшом городке Марипозе, на территории племени мивоков, потом – в золотоискательском лагере в Кварцбурге. Он был одним из тех редких янки, которые занимались судьбой индейцев, интересовались их обычаями, защищали аборигенов, призывали относиться к ним с добротой и пониманием. Описание, приведенное в его мемуарах, дает нам точное представление о характере похоронных церемоний.

Однажды ночью он услышал заунывное пение, доносившееся из соседней индейской деревни. Женский голос переходил от скорбной жалобы к пронзительному крику, уходил в глухой регистр и возвращался, «словно мяч на конце веревки», к новым высоким нотам. Община оплакивала смерть человека.

Уорд проник внутрь хижины, где находился усопший. Женщина пела, сопровождая пение неким танцем, который заключался «в серии резких подпрыгиваний на плотно сжатых ногах, исполнявшихся с энергией, настолько близкой к ярости, что глаза невольно искали некоего распростертого врага, которого плакальщица втапывала в пыль...». Когда его глаза привыкли к темноте, он заметил нескольких стариков, сидевших на земле. Их руки были сцеплены под коленями, на которые они опирались подбородком. Старцы сопровождали танец женщины глухим ворчанием. «Если одна плакальщица совершенно изнемогала от танца и пения, то падала на землю посреди плачущих, и ее место занимала другая...»⁹

Пение и танцы продолжались всю ночь. Наутро деревня предавала покойного пламени костра. Уорд заметил вдали процессию, которая медленно направлялась к лесу «индейской цепочкой», и поспешил к ней

присоединиться. Все уселись у деревьев, окружавших поляну, мужчины – по одну сторону, женщины – по другую, «как у квакеро́в». В центре высился костер из трех бревен, положенных на две поперечины. На них положили тело. Один «крепкий» индеец, чье лицо было Уорду незнакомо, руководил церемонией. Он прошел несколько раз между поляной и лесом, чтобы набрать веток. Собрав достаточное количество, «он подал знак, и мужчины племени, по одному поднимаясь с места, возложили на тело, как залог дружбы, какие-то незначительные вещи». Затем пришел черед женщин, «которые оказались более щедрыми». Среди их даров мелькнуло одеяло и даже сарапе. Распорядитель подал им знак вернуться на свои места и факелом поджег костер. Когда занялся огонь, индейцы вновь принялись петь. Жалобное пение плачущих женщин, чьи лица были выкрашены черной краской, вторившие им стоны мужчин, смешивались с треском пламени, пока от тела не остался лишь пепел. «Эта сцена, – пишет Уорд, – навевала неопишущую тоску»¹⁰.

Потом все ушли, и распорядитель остался один. Он собрал останки и положил в корзину, которую с наступлением ночи, вдали от глаз соплеменников отнесет в некрополь, место которого известно лишь старейшинам племени.

Война 1851 года

Мивокских деревень было больше сотни, и их территория простиралась до Йосемита. Прекрасная долина Йосемита оставалась незахваченной белыми до 1851 года. Она служила прибежищем индейским повстанцам. Некоторые объединялись вокруг бывших «новообращенных христиан», и одним из их занятий были разбойные нападения на лагеря золотоискателей.

У подножия Сьерры, у самой Йосемитской долины в 1849 году обосновался весьма колоритный персонаж – Джеймс Сэвидж – солдат, золотоискатель и торговец. Сэвидж начал с того, что стал собирать участки и нанимать индейцев для работы на них. Потом он открыл два торговых поста, один – на Мерседе, другой –

на Туолумне, затем два других – на Фресно и на Ага Фриа Крике. Он торговал с индейцами, выучил их диалекты, завел себе среди них друзей, усвоил их нравы. Он стал многоженцем. Число его жен по сохранившимся источникам разнится – от двух до тридцати трех! Эти многочисленные жены сделали его влиятельным человеком среди индейцев. Внешний облик Сэвиджа не производил большого впечатления. Одна местная газета описывает его как низкорослого мужчину с правильными чертами круглого лица, с голубыми глазами, чьи светлые волосы «падали ему на плечи локонами на английский манер, как у девушки»¹¹. Говорят, что индейцы его обожали.

Чем больше золотоискателей прибывало на южные россыпи, тем напряженнее становились отношения между бледнолицыми и краснокожими. Осенью 1850 года мивоки из района Марипозы объединились со своими соседями йокутами, чтобы прогнать белых. В середине декабря они вышли на тропу войны. Первой жертвой стал Сэвидж. Индейцы напали на один из его торговых постов и убили многих из его людей.

Кровопролитная резня казалась неизбежной. Под ружье был поставлен батальон волонтеров. Первая схватка в январе стоила жизни четырем десяткам индейцев. Индейцы ответили новыми нападениями. Золотоискатели потребовали помощи у губернатора. Тем временем в Калифорнию прибыла федеральная комиссия, которая призвала население к спокойствию. Полные решимости, миротворцы отправились в графство Марипозу и с согласия губернатора Макдоугала попытались убедить племена Сьерры прийти на совещание, чтобы обсудить условия мира. Явилось всего несколько вождей.

19 марта 1851 года началась кампания против индейцев. Несколькими днями позднее, 27 марта, судя по записям в записной книжке Роберта Эклстона, авангард Марипозского батальона во главе с Джеймсом Сэвиджем разбил лагерь в Йосемитской долине. Так в долине впервые оказались белые пришельцы¹².

Величественность и красота, простирающиеся на многие мили долины, бросали вызов воображению. На какое-то время люди забыли о цели своей экспедиции. Долину обволакивал легкий туман, и облака по-

крывали самые высокие вершины. «Эта дымка лишь делала более впечатляющим вид, открывавшийся моему взгляду, – пишет один из волонтеров Л. Г. Бюннелль, – и меня охватило какое-то особенное ощущение. Я почувствовал, как от волнения на глазах у меня выступили слезы»¹³.

Последние дни свободы йосемитских индейцев начались с осквернения их прибежища. К старому вождю Тен-ие-йа был отправлен посланец: если вождь согласится сдаться в долине Сан-Хоакина и заключить мир с комиссарами, белые дадут ему и его народу продукты и одеяла. Если откажет, то все будут изгнаны с этой земли.

Тен-ие-йа доставил свой ответ лично. По словам Экклстона, он якобы заявил Джеймсу Сэвиджу, что его народ не желает ничего получать от «великого белого отца из Вашингтона». «Наши женщины могут делать нашу работу. Уходите... Оставьте нас в наших горах, где мы родились и где прах наших отцов был развеян ветрами...»¹⁴

Марипозский батальон углубился дальше в Йосемит. Тен-ие-йа был схвачен, его сын убит. Лишенные руководства индейцы сдались. В 1851 году было подписано 18 договоров с калифорнийскими племенами, которые сенат Соединенных Штатов так никогда и не ратифицировал, и им были отведены резервации. Им пообещали 18 территорий общей площадью 7 500 тысяч акров. Получили же они всего 500 тысяч акров земли.

Джеймс Сэвидж, чья роль в марипозской войне представляется весьма двусмысленной, возобновил доходную торговлю с индейцами, но дни его были сочтены. Вместе с популярностью и богатством он нажил себе и завистников: один из них прикончил его в драке.

Шошонская семья

Третья часть Калифорнии была заселена индейцами, принадлежавшими к языковой семье уто-ацтеков, к подсемье которой принадлежат шошоны – народ, раздробленный на четыре основные группы: одна живет в Большом Бассейне, другая – на юге Калифорнии,

третья – в верхнем течении Керн-ривер, четвертая – в Аризоне.

Может показаться удивительным, что пайуты и уты Большого Бассейна, так же как и шошоны калифорнийской пустыни, – народности очень бедные, физически слабые, жившие в землянках и питавшиеся корнями, мелкими животными и насекомыми, имели общих предков со знаменитыми мексиканскими ацтеками, чья блестящая цивилизация, богатство и могущество вызывали возгласы восхищения у конкистадоров. Но не будем забывать, что мексиканская цивилизация во времена испанского вторжения была в расцвете и что ацтеки, поздно пришедшие на центральное плато, поначалу были всего лишь голодными бродягами.

В южной Калифорнии существовало не меньше тринадцати групп, принадлежавших к шошонской семье. Как они жили? Каковы были их социальная организация, их религия и обычаи в период «золотой лихорадки»? Следует исключить габриелино, хуаненьо и луисеньо, заселявших побережье, хотя их цивилизация, в частности племени луисеньо, была одной из самых интересных в Калифорнии.

Миссионеры разрушили их социальные структуры, искоренили религиозные традиции. Даже их самоназвания забывались – испанцы присваивали им имена по названиям миссий, которые их эксплуатировали. Для местных племен они были «людьми с Запада», но сами они называли себя «народом». Конечно, луисеньо и другие индейские неофиты снова обрели свободу после секуляризации миссий, но они уже никогда не смогли объединиться в племена или в общины и как культурные и этнические группы полностью исчезли.

Но были народности, которые медленно поглощались западной цивилизацией. В интересующий нас период пайуты, уты, катуилла и серрано продолжали вести жизнь по заветам предков.

Например, серрано. Они занимали территорию вдоль гряды Сан-Бернардино и населяли район Медвежьего озера и Крика, а также Сьерра-Мадре к западу от горы Святого Антонио.

Они были разделены на два клана, каждый из которых владел тотемом, считавшимся их мифическим предком. И само слово «тотем» на их диалекте означа-

ло «мой прадед». Поскольку тотемизм «сотворил» сам создатель, тотем требовал абсолютного уважения. Так, строго запрещалось жениться внутри своего клана. Но серрано отличались одной особенностью: каждый клан был разделен на группы, каждая из групп имела свою землю – всегда вдоль какой-нибудь речки, на берегу которой строили деревню. В каждой деревне был наследственный вождь – кика, и каждый кика имел помощника, на котором лежали обязанности церемониймейстера.

Ритуальные церемонии позволяли членам обоих кланов собираться и помогать друг другу. Так, во время похоронных церемоний у Койотов заботу об умершем принимали на себя Дикие кошки. Бывало, что одна группа готовила пищу для другой. Эти индейцы были среднего роста, с кожей глубокого медно-красного цвета, с круглыми плоскими лицами и с возрастом полнели. Они жили в землянках под камышовыми крышами. В окрестностях росли дубы, приносявшие большое количество желудей, которые все еще были основной пищей. Серрано складывали урожай в хранилищах, плетенных из ивы. Кроме искусства изготовления плетеных изделий они занимались гончарным ремеслом, но редко когда раскрашивали свои изделия.

Их соседи купенью и кауилья относились к тому же физическому типу, имели ту же социальную организацию, правда, внутренняя жизнь этих кланов была менее известна, но и там были те же тотемы: Койот и Дикая кошка.

Картины мира

На заре испанского завоевания побережье населяла йуманская раса. На ее территории францисканцы создали свою первую миссию – Сан-Диего. Воинственное население Сан-Диего – дьегенью, как называли его испанцы, было гораздо менее мирным и апатичным, нежели его соседи. Это были люди гордые, агрессивные, отчаянно приверженные обычаям своих предков и трудно поддающиеся управлению. Неудивительно, что единственный францисканец, принявший мученическую смерть в Калифорнии, принадлежал миссии

Сан-Диего. Христианизация дьегеньо проходила медленно и трудно. Их независимый дух, йуманская наследственность дали им силы выжить после шока, нанесенного европейской цивилизацией.

Семьи объединялись в кланы. Режим был патриархальным и экзогамным. Тотемизм отсутствовал. В представлении дьегеньо клан ассоциировался с деревней. Они жили в чрезвычайно примитивных хижинах, крытых дерном. Мужчины ходили совершенно голыми, а женщины носили классический двойной передник. Полигамия запрещена не была, но преобладала моногамия. Женитьба не была для них поводом для пышной церемонии – обходились лишь пиршеством, а пара поселялась в деревне мужа. Не были ли дьегеньо плохими мужьями? Кребер сообщает, что среди женщин были нередки случаи самоубийства. Как все индейцы, они любили праздники и игры в загадки, занимались плетением и гончарным ремеслом. Их единственным оружием, наряду с луком, была тяжелая палица из очень твердого мескитового дерева. Своих врагов они скальпировали по-калифорнийски, вместе с ушами, и это событие отмечалось всеми мужчинами и женщинами деревни целой ночью танца, во время которой все танцующие по очереди надевали этот скальп себе на голову.

Важную роль в их жизни играли ритуалы инициации и похорон. Подобно луисеньо, купеньо и габриелино во время инициации подростков рисовали на земле ритуальные «картины», в которых выражали свои представления о мире.

Обряды происходили в священных местах. На заранее подготовленной земле черным, красным и белым порошками очерчивали образ, изображавший Вселенную. Круг означал горизонт или край земли. Очень тщательно изображали солнце, луну, созвездия Орла или Лебедя, Ориона и Плеяды. Изобразив Вселенную, дьегеньо населяли ее животными, в том числе страшной змеей с колокольчиками. И пока молодые люди глазели на это изображение, старейшина объяснял значение различных символов.

«Картина» на песке составляла также часть ритуала инициации девушек, которые, кроме того, получали наставление матерей. В течение нескольких дней они

лежали в своего рода яме, вокруг которой ночью пели и танцевали мужчины. Между ног девушек совершавший обряд клал подогретый камень в форме полумесяца. Эти камни были, разумеется, священными.

Ведущую роль в мировоззрении индейцев южной Калифорнии играла смерть. Дьегенью непрерывно думал о ней, постоянно о ней говорил, годами обсуждал все необходимое для своих похорон, заливался слезами, когда воспоминание об ушедших дорогих ему людях навевало мысли о собственном конце. Каждая кремация сопровождалась несколькими церемониями. В ходе одной из них, после ночи, проведенной в пении и танце, сжигали одежды покойного, чтобы его душа могла без помех вознестись на небо.

Раз в год устраивался праздник мертвых, на который собирались жители нескольких деревень. Изготавливались соломенные манекены, изображавшие умерших в этом году. Лица манекенов, изображавших мужчин, были выкрашены в черный цвет, женщин – в красный. Черты лица обозначались раковинами. По знаку церемониймейстера его помощники брали манекены и ходили с ними вокруг очага подряд шесть ночей, с пением и танцами. На заре седьмого дня манекены, а также большую часть имущества покойных складывали в керук – полукруглую хижину из веток, с выходом на восток, и церемониймейстер ее поджигал. Целью этого празднества было задобрить мертвых, помешать им вернуться на землю и облегчить боль оставшихся жить.

Существовала также специальная церемония в честь умерших вождей – дьегенью называли «вожаками танца». Во время обряда убивали и сжигали орла.

Могавки

Могавки – еще одно йуманское племя. От всех прочих его отличает место жительства – берег большой реки. Их территория, расположенная на реке Колорадо, была оазисом в центре пустыни. Численность их составляла около трех тысяч человек.

Крупные, мускулистые, длинноногие, они отличались благородством манер и воинственным духом.

Среди индейцев Калифорнии лишь они обладали национальным самосознанием. Они мыслили не в терминах деревни или клана, но в терминах нации. Их деревни были небольшими, рассеянными по региону, конструкции их домов были хрупки. Зимой они жили в землянках, летом спали под навесами из веток. Однако они не были кочевниками, совсем наоборот: могавки были единственными индейцами, занимавшимися сельским хозяйством, выращивавшими кукурузу, фасоль и тыкву.

Могавки чрезвычайно гордились своими физическими достоинствами и очень заботились о своих волосах. Женщины отпускали волосы до талии и постоянно их мыли, а мужчины – заплетали в 20 или 30 косичек. Обычно они красили себе лица и украшали себя татуировкой. Они были без ума от украшений.

Женщины готовили еду, мужчины не опускались ни до какой ручной работы за исключением строительства домов. Их жизнь занимала одна война. Они любили сражения и без колебаний нападали на племена, находившиеся в сотнях километров от их земель. Они всегда скальпировали мертвых врагов, но с пленными обращались хорошо. Целью их многочисленных набегов был захват новых рабов. Их не подвергали насилию, с ними не обращались грубо, их не заставляли выполнять непосильные задачи.

Основой религии могавков было сновидение. Эти индейцы были твердо уверены в том, что сновидения – источники талантов и могущества, из которых можно узнать и о результате сражения, и об излечении, об игре и о любви. Они считали, что любое знание человек может получить только через сновидения.

Многие из этих сновидений были странными. Могавки говорили, что душа спящего покидала тело и путешествовала во времени, восходя к периоду сотворения мира. «Великие сны» рассказывали публично, и старейшины не решались прервать рассказчика и исправить рассказ, если он не соответствовал традиционным установкам.

Предполагалось, что «обычные» сновидения проливают свет на будущие события. Поэтому их истолковывали буквально или же выявляли их символическое значение.

Поскольку могавки придавали толкованиям сновидений главенствующее значение в своем мировоззрении, на другие виды сверхъестественного они обращали гораздо меньшее внимание. Религиозные церемонии повсюду заменялись пересказами сновидений и мифов или пением. Боги были отдаленными существами, чьи легендарные свершения объясняли сотворение мира: Земля и Небо объединились, и от этого союза родились боги, все люди и все животные. Одна лишь смерть была для могавков поводом для важных церемоний. Как только один из них приближался к своему концу, начинались танцы и пение. Вокруг похоронного костра разворачивались сцены настоящей истерии. В огне пылала не только одежда покойного, но и его имущество, дом, хранилище продуктов, его поля. Душа умершего бродила по земле четыре дня, прежде чем попасть в царство мертвых, находившееся в верховьях реки.

Западная цивилизация коснулась могавков лишь вскользь. Контакты с испанцами были недолгими. Американское завоевание и открытие золота ничего не изменили ни в образе жизни, ни в верованиях, ни в привычках могавков. Несмотря на воинственный темперамент они больше с любопытством, чем с озлоблением смотрели на переселенцев, захватывавших их земли. Свято верившие в знаки свыше, они не разглядели в этих мужчинах и в этих женщинах, изможденных долгим путешествием по американскому континенту, завоевателей, которые скоро навяжут им свой закон. А потом аборигенам пришлось лишь покориться неумолимой судьбе. По ним, как и по другим индейцам Калифорнии, в памятный день 24 января 1848 года зазвонил похоронный колокол...

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Cité dans *California : A Guide to the Golden State*, Federal Writers' Project of the Works Progress Administration, State of California, Books Inc., New York, 1943.

² Цифра, полученная от антрополога А. Л. Кребера.

³ Carte du voyage autour du monde de D. Franc. Draci, due au cartographe Judocus Hondius (1595 ?) – *A Book of Old Maps* – compiled and edited by Emerson D. Fite et Archibald Freeman, Dover publications Inc., New York, 1969.

⁴ *Ibid.*

⁵ Cité dans: *From Wilderness to Empire*, par Robert Glass, Cleveland, Alfred A. Knopf, 1962.

⁶ *Fray Francisco, O.F.M. Historical Memoirs of New California*, éd. par Herbert Eugene Bolton, Russel and Russel, New York, 1966.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Voyages autour du monde et en Océanie... La Pérouse et alli*, revu et traduit par M. Albert-Monte-mont, Bry aîné, Paris, 1855.

⁹ *S.F. Cook. The Conflict between the California Indian and White Civilization*, U.C. Press, California, 1943.

¹⁰ *Miguel Venegas. A Natural and Civil History of California*, publié à Madrid en 1758.

¹¹ *M. De Saint-Amant. Voyages en Californie et dans l'Oregon*, L. Maison, libraire à Paris, 1854.

¹² Cité dans: l'introduction du *Journal de voyage en Californie* de A. Bénard De Russailh, Aubier, 1980.

Глава I. НОВОЕ ЭЛЬДОРАДО

¹ *Edwin Bryant. What I saw in California*, The Fine Arts Press, Santa Ana co., 1946.

² Приблизительные цифры историка Г. Г. Бенкрофта.

³ *California Gold Regions*, F. M. Pratt publisher. New York, 1849.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *H. H. Bancroft. History of California. Vol. VI, 1848–1859*, San Francisco, 1888, The History Company.

⁹ *J. Quinn Thornton. Oregon and California. 1846–1848*, Harper and Brothers, New York, 1864.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Чиновник юстиции в испанских странах, исполняющий также обязанности мэра.

¹² *J. Quinn Thornton*, op. cit.

¹³ *Frank Soule, John H. Gibon and James Nisben*, *The Annals of San Francisco*, Lewis Osborne, Palo Alto, 1966.

¹⁴ *Edouard Auger. Voyage en Californie*, Librairie L. Hachette, Paris, 1854.

¹⁵ Там же. Фактически гарнизон состоял из капитана и 50 солдат.

¹⁶ *Charles Edward Pancoast. A Quaker Forty Niner*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1930.

¹⁷ *John W. Audubon. Audubon's Western Journal*. The Arthur H. Clark Company, Cleveland, 1906.

¹⁸ Фанега – испанская мера веса, равная 100 фунтам.

¹⁹ *Robert Glass Cleland. The Cattle on a Thousand Hills*. The Huntington Library, San Marino, 1964.

²⁰ *Edwin Bryant*, op. cit.

²¹ *William Henry Bigler. Diary of a Mormon in California 1815–1900*. Manuscript Bancroft Library, Berkeley, California.

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.*

²⁴ *H. H. Bancroft*, op. cit. Vol. VI, 1848–1859.

²⁵ *Frank Soule et alii*, op. cit.

²⁶ *Walter Colton. The Land of Gold*, D. W. Evans and Co., New York, 1860.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Daniel Lévy. Les Français en Californie*, Grégoire. Tauzy et Co. Ed., San Francisco, 1884.

³¹ Cité dans: *California Gold Regions*.

³² Мейсон, военный комендант в Калифорнии. Между 1847 и 1849 годами – губернатор.

³³ Cité dans *California: Gold Regions*.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ Назван так потому, что жила была открыта мормонами.

³⁶ Cité dans: *California Gold Regions*.

³⁷ Сэм Бреннан, вождь мормонов, житель Нью-Йорка, приехал в Калифорнию через мыс Горн.

³⁸ *California Gold Regions*.

³⁹ Lettre publiée dans *California Gold Regions*.

⁴⁰ Письмо, опубликованное в приложении к *Oregon and California*, op. cit.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Ibid.*

⁴³ Приспособление для добычи золота.

⁴⁴ *Walter Colton*, op. cit.

⁴⁵ *H. H. Bancroft*, op. cit.

⁴⁶ *Steve Giacobbi*. Chile and her Argonauts in the Gold Rush 1848–1856. Mémoire de maîtrise, San Jose State college, 1957, Robert D. Reed publisher, Californie.

⁴⁷ *J. Müller*. California, Land of Gold or Stay at Home and Work Hard. Anthony Knight, The Book Club of California, trad. San Francisco, 1971.

Глава II. ПУТЕШЕСТВИЕ

¹ *Oscar Lewis*. Sea Routes to the Gold Fields 1849–1852. Alfred A. Knopf, 1949.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Albert Bénard de Russailb*, Journal de voyage en Californie 1850–1852. Op. cit.

⁵ «The Gold Rush by Panama 1848–1851», par John Haskell Kemble, dans Rushing for Gold, par John Walton Caughey, University of California Press, 1948.

⁶ Sea Routes to the Gold Fields. Op. cit.

⁷ *S. de Lapeyrouse*. Misères oubliées. Californie 1850–1853. Maurice Dreyfous éd. Paris, 1886.

⁸ Journal de voyage en Californie 1850–1852, op. cit.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ The Journal of John N. Stone. Dans John E. Pomfret, California Gold Rush Voyages, The Huntington Library, 1954.

¹¹ *Ibid.*, introduction.

¹² *Bayard Taylor*. Eldorado. Alfred A. Knopf, New York, 1949.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Edouard Auger*. Voyage en Californie, op. cit.

¹⁵ *Elisha Oscar Crosby*. Reminiscences of California. The Huntington Library, San Marino, California, 1945.

¹⁶ El Dorado, op. cit.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ Voyage en Californie, op. cit.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ El Dorado, op. cit.

²¹ *Hiram Dwight Pierce*. A Forty-Niner Speaks. Keystone Inglette, Oakland, 1930.

²² *Frank Marryat*. Mountains and Molehills. Harper and Brothers, New York, 1855.

²³ Cité dans: Oscar Lewis, op. cit.

²⁴ *M. de Saint-Amant*. Voyages en Californie et dans l' Oregon, op. cit.

²⁵ *George R. Stewart*. The California Trail. McGraw Hill Book Co., New York, 1962.

²⁶ *Charles Edward Pancoast*. A Quaker Forty-Niner, op. cit.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Grant Foreman*. Marcy and the Gold Seekers. University of Oklahoma Press, 1939.

²⁹ *Lee Whipple-Haslam*. Early Days in California, Jamestown, Ca., 1923.

³⁰ Cité par Everett Dick, dans *The Story of the Frontier*, Ph. D. Tudor Publishing Co., New York, 1941.

³¹ Marcy and the Gold Seekers, op. cit.

³² *Phineas Blunt*. Notes of Travel from New York to the Gold Region in California in the year eighteen hundred and nine. Manuscript, Bancroft Library, Berkeley.

³³ A Quaker Forty-Niner, op. cit.

³⁴ Marcy and the Gold Seekers, op. cit.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Archer Butler Hulbert*. Forty-Niners: The Chronicle of the California Trail. Little Brown and Company, Boston, 1932.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *H. H. Bancroft*. History of California, 1848–1859, op. cit.

⁴⁰ *Lieutenant Wise, USN*. Los Gringos, Baker and Scribner, New York, 1849.

⁴¹ A Quaker Forty-Niner, op. cit.

⁴² *William Lewis Manly*. Death Valley in '49. San José. The Pacific Tree and Vine Company, 1894.

⁴³ A Quaker Forty-Niner, op. cit.

⁴⁴ *Glenn S. Dumke*. «Across Mexico» dans *Rushing for Gold*, op. cit.

Глава III. ЖИЗНЬ НА ПРИИСКАХ

¹ *Leprechaun* – в ирландском фольклоре дух, принимающий образ старика, который может открыть тому, кто сумеет его схватить, тайник, в котором спрятано сокровище.

² Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, The Grabhorn Press, San Francisco, 1934.

³ *Ibid.*

⁴ *William Lewis Manly*, The Jayhawkers Oath, selected by Arthur Woodward, Warren F. Lewis pub., 1949.

⁵ Claim: droit de prospection d'un lot déterminé et, par extension, le lot lui-même.

⁶ Материнская жила.

⁷ *Rodman W. Paul*. California Gold. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1947.

⁸ *P. Maury Jr.* La Californie en février 1852, Durant imp. Bordeaux, 1852.

⁹ Chile and her Argonauts in the Gold Rush, op. cit.

- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *M. de Saint-Amant, op. cit.*
- ¹² *James H. Carson.* Recollection of the California Mines. Biobook, Oakland, 1950.
- ¹³ *J. Tyrwhitt-Brooks. M. D.* Four Months among the Gold Finders. Baudry's European Library, Paris, 1850.
- ¹⁴ Recollection of the California Mines, *op. cit.*
- ¹⁵ *Voyage en Californie, op. cit.*
- ¹⁶ *A Yankee Trader in the Gold Rush: the letters of Franklin A. Buck,* Houghton Mifflin Co., Boston, 1930.
- ¹⁷ *A Quaker Forty-Niner, op. cit.*
- ¹⁸ *Audubon's Western Journal,* The Arthur H. Clark Co., Cleveland, 1906.
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *A Quaker Forty-Niner, op. cit.*
- ²¹ *Daniel Lévy, op. cit.*
- ²² *S. Lapeyrouse, op. cit.*
- ²³ *Documents généraux et officiels sur la Californie,* Paris, 1849, chez l'editeur, rue Richer n° 10.
- ²⁴ Металлический брус с заостренным наконечником, предназначенный для подъема тяжелых камней.
- ²⁵ *J. Tyrwhitt-Brooks, op. cit.*
- ²⁶ *S. de Lapeyrouse, op. cit.*
- ²⁷ *A Quaker Forty-Niner, op. cit.*
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Leonard Kip.* California Sketches, N. A. Kovach, Los Angeles, 1946.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *James H. Carson, op. cit.*
- ³² *Notes of Travel from New York to the Gold Region in California, op. cit.*
- ³³ *A Quaker Forty-Niner, op. cit.*
- ³⁴ *Louise Knappe-Smith.* The Shirley Letters from the California Mines. The Grabhorn Press, San Francisco, 1933.
- ³⁵ *Milton Hall Jr.* Letters. Manuscrit, Bancroft Library.
- ³⁶ *Death Valley in '49, op. cit.*
- Цена за унцию золота постоянно колебалась. 16 долларов – это была максимальная цена за унцию.
- ³⁷ *Leonard Kip, op. cit.*
- ³⁸ *Statement of General Francis Dorn,* manuscript, Bancroft Library.
- ³⁹ *E. Gould Buffum.* The Gold Rush, *op. cit.*
- ⁴⁰ *Ibid.*
- ⁴¹ *Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, op. cit.*
- ⁴² *California Gold Rush Merchant,* The Journal of Stephen Chapin Davis, The Huntington Library, San Marino, 1956.
- ⁴³ *Ibid.*
- ⁴⁴ *Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, op. cit.*

- 45 *T. Warwick Brooks*. Letters, manuscript, Bancroft Library.
- 46 *George W.B. Evans*. Mexican Gold Trail. The Huntington Library, San Marino, 1945.
- 47 *T. Warwick Brooks*, op. cit.
- 48 *Leonard Kip*, op. cit.
- 49 *Ibid.*
- 50 Audubon's Western Journal, op. cit.
- 51 *Leonard Kip*, op. cit.
- 52 The Shirley Letters from the California Mines, op. cit.
- 53 Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, op. cit.
- 54 A Quaker Forty-Niner, op. cit.
- 55 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 56 The Shirley Letters from the California Mines, op. cit.
- 57 *Ibid.*
- 58 *T. Warwick Brooks*, op. cit.
- 59 The Jayhawkers' oath and other Sketches, op. cit.
- 60 *T. Warwick Brooks*, op. cit.
- 61 *Leonard Kip*, op. cit.
- 62 Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, op. cit.
- 63 The Jayhawkers' oath and other Sketches, op. cit.
- 64 *Ibid.*
- 65 *Franklin A. Buck*. A Yankee Trader in the Gold Rush, op. cit.
- 66 *Edouard Auger*. Voyage en Californie, op. cit.
- 67 Cité dans: *Stewart White*. The Forty-Niners. New Haven Yale University Press, 1918.
- 68 Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, op. cit.
- 69 A Quaker Forty-Niner, op. cit.
- 70 *Walter Perkins*. Three years in California – Journal of Life at Sonora. University of California Press, Berkeley, 1964.

Глава IV. МАЛЫЕ ГОРОДА

- 1 *Walter Perkins*. Three Years in California – Walter Perkins' Journal of Life at Sonora, op. cit.
- 2 *Ibid.*
- 3 *Jay Monaghan*. Chile, Peru and the California Gold Rush of 1849, University of California Press, Berkeley, 1973.
- 4 *Walter Perkins*, op. cit.
- 5 *Ibid.*
- 6 *Ibid.*
- 7 *Ibid.*
- 8 *Frank Marryat*. Mountains and Molehills, op. cit.
- 9 *Ibid.*
- 10 *Ibid.*
- 11 Агуардиенте – водка, полученная из сахара.
- 12 *Walter Perkins*, op. cit.
- 13 *Ibid.*

- 14 *Ibid.*
- 15 *Ibid.*
- 16 *Ibid.*
- 17 *Franklin A. Buck*. A Yankee Trader in the Gold Rush, op. cit.
- 18 *Frank Marryat*, op. cit.
- 19 Cité par *Kevin Starr* dans *Americans and the California Dreams*, Oxford University Press, New York, 1973.
- 20 *Walter Perkins*, op. cit.
- 21 *Frank Marryat*, op. cit.
- 22 *Walter Perkins*, op. cit.
- 23 *Bayard Taylor*. El Dorado, op. cit.
- 24 *Leonard Kip*. California Sketches, op. cit.
- 25 *Ibid.*
- 26 *Phineas Blunt*. Notes of Travel, op. cit.
- 27 *E. Gould Buffum*. The Gold Rush, op. cit.
- 28 *Bayard Taylor*. El Dorado, op. cit.
- 29 *Ibid.*
- 30 *Edouard Auger*. Voyage en Californie, op. cit.
- 31 *Ibid.*
- 32 *Franklin A. Buck*, op. cit.
- 33 *Alta California*, July 3, 1853.
- 34 *Isaac Baker*. Journals, manuscript, Bancroft Library, Berkeley.
- 35 *Franklin A. Buck*, op. cit.
- 36 California: A Guide to the Golden State, Federal Writers' Project of the W.P.A.
- 37 Mexican Gold Trail, op. cit.
- 38 Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, op. cit.
- 39 *Ibid.*
- 40 *T. Warwick Brooks*. Letters, op. cit.
- 41 *Ibid.*
- 42 *M. de Saint-Amant*. Voyages en Californie et dans l'Oregon, op. cit.
- 43 *Walter Perkins*, op. cit.
- 44 *Louise Knappe-Smith*. The Shirley Letters from the California Mines, op. cit.
- 45 *Ibid.*
- 46 *Franklin A. Buck*, op. cit.
- 47 *Ibid.*
- 48 *Ibid.*
- 49 *Ibid.*
- 50 Партия Вигов была основана противниками режима Эндрю Джексона. Она приняла имя «Виг», потому что собиралась – подобно тому как англичане в 1688 году восстали против своего суверена – бороться против «короля Эндрю». Крупными руководителями партии вигов были Уэбстер и Клэй. После их смерти партия прекратила существование. В 1855 году в конгрессе уже не было ни одного представителя вигов.

⁵¹ *Franklin A. Buck*, op. cit.

⁵² *Charles Caldwell Dobie*. San Francisco's Chinatown, D. Appleton Century Co., New York, 1936.

⁵³ *Ibid.*

⁵⁴ Chiffres donnés par Rodman W. Paul dans *California Gold*, op. cit.

⁵⁵ *California: A Guide to the Golden State*, op. cit.

⁵⁶ *John Russel Bartlett*, *Personal Narrative of Exploration and Incidents*, Vol. II, D. Appleton and Co., New York, 1854.

⁵⁷ *E.P.R. Crafts*. *Pioneer Days in the San Bernardino Valley, Redlands*, 1906.

Глава V. САН-ФРАНЦИСКО

¹ *Kimbal's San Francisco City Directory*, 1850.

² *Frank Soule, John H. Gibon and James Nisbet*. *The Annals of San Francisco*, op. cit.

³ *Bayard Taylor*. *El Dorado*, op. cit.

⁴ *William Taylor*. *California Life Illustrated*, Carlton and Porter, New York, 1859.

⁵ *Daniel Lévy*. *Les Français en Californie*, op. cit.

⁶ *William Heath Davis*. *Sixty Years in California*, A.J. Leary pub., San Francisco, 1889.

⁷ *T. Warwick Brooks*. *Letters*, op. cit.

⁸ *Isaac W. Baker*. *Journals*, op. cit.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Leonard Kip*. *California Sketches*, op. cit.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *A. Bénard de Russailh*. *Journal de voyage en Californie*, op. cit.

¹⁶ В действительности всего несколько месяцев.

¹⁷ *A. Bénard de Russailh*, op. cit.

¹⁸ *Frank Soule et alii*. *The Annals of San Francisco*, op. cit.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *William Taylor*. *Seven Years' Street Preaching in San Francisco*, Carlton and Porter, New York, 1856.

²¹ *Bayard Taylor*, op. cit.

²² *William Taylor*, op. cit.

²³ *M. de Saint-Amant*. *Voyages en Californie et dans l'Oregon*, op. cit.

²⁴ *A. Bénard de Russailh*, op. cit.

²⁵ *Edouard Auger*, op. cit.

²⁶ *Frank Marryat*. *Mountains and Molehills*, op. cit.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *A. Bénard de Russailh*, op. cit.

- 29 *Ibid.*
- 30 *Frank Marryat*, op. cit.
- 31 *Ibid.*
- 32 *Edouard Auger*, op. cit.
- 33 San Francisco's City Directory, 1852.
- 34 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 35 Young Men's Christian Association.
- 36 *Daniel Lévy*. Les Français en Californie, op. cit.
- 37 *Ibid.*
- 38 *Frank Soule et alii*. The Annals of San Francisco, op. cit.
- 39 *Ibid.*
- 40 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 41 *Ibid.*
- 42 Le comte de Raousset-Boulbon et l'expédition de la Sonore. Œuvres inédites publiées par A. de La Chapelle, F. Dentu, 1859.
- 43 S. de Lapeyrouse. Misères oubliées, op. cit.
- 44 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 45 *P. Maury, jr.* La Californie en février 1852, op. cit.
- 46 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 47 *S. de Lapeyrouse*, op. cit.
- 48 *Ibid.*
- 49 *Herbert Asbury*. The Barbary Coast, Alfred A. Knopf, New York, 1933.
- 50 Как большинство французов того времени, Альберт Бенар присваивает американскому слову «bar» женский род.
- 51 *A. Bénard de Russailh*, op. cit.
- 52 Французы и испанцы называли пиастром доллар.
- 53 *A. Bénard de Russailh*, op. cit.
- 54 Cité dans The Barbary Coast, op. cit.
- 55 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 56 *S. de Lapeyrouse*. Misères oubliées, op. cit.
- 57 Cité Curt Gentry. The Madams of San Francisco, Doubleday Garden City, New York, 1964.
- 58 *Frank Soule et alii*. The Annals of San Francisco, op. cit.
- 59 *Ibid.*
- 60 *William Taylor*, op. cit.
- 61 *Curt Gentry*. The Madams of San Francisco, op. cit.
- 62 *Ibid.*
- 63 *William Taylor*. California Life Illustrated, op. cit.

Глава VI. РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ИГРЫ

- 1 *Frank Soule et alii*, The Annals of San Francisco, op. cit.
- 2 *Frank Marryat*. Mountains and Molehills, op. cit.
- 3 *M. de Saint-Amant*. Voyages en Californie et dans l'Oregon, op. cit.
- 4 *Frank Soule et alii*, op. cit.

- 5 *Ibid.*
- 6 *S. de Lapeyrouse*. Misères oubliées, op. cit.
- 7 *Ibid.*
- 8 *Frank Marryat*, op. cit.
- 9 *Ibid.*
- 10 *A. Bénard de Russailh*. Journal de voyage en Californie, op. cit.
- 11 *Frank Marryat*, op. cit.
- 12 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 13 *Frank Marryat*, op. cit.
- 14 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 15 *S. de Lapeyrouse*, op. cit.
- 16 *Frank Soule et alii*, op. cit.
- 17 *A. Bénard de Russailh*, op. cit.
- 18 *Ibid.*
- 19 *Ibid.*
- 20 *Sarah Royce*. A Frontier Lady, Yale University Press, New Haven, 1932.
- 21 *Frank Soule et alii*, op. cit.
- 22 *Ibid.*
- 23 «Сегодня картофель! Картофель ко всем блюдам».
- 24 *Frank Soule et alii*, op. cit.
- 25 *Ibid.*
- 26 Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches, op. cit.
- 27 Alla California, juillet 1852.
- 28 *Curt Gentry*. The Madams of San Francisco, op. cit.
- 29 *Daniel Lévy*. Les Français en Californie, op. cit.
- 30 *Frank Soule et alii*, op. cit.
- 31 *Ibid.*
- 32 *Ibid.*
- 33 *A. Bénard de Russailh*, op. cit.
- 34 *Ibid.*
- 35 *Ibid.*
- 36 *Ibid.*
- 37 *Frank Soule et alii*, op. cit.
- 38 *Ibid.*
- 39 *M. de Saint-Amant*, op. cit.
- 40 *Ibid.*
- 41 *Ibid.*

Глава VII. ЗАКОН И ПОРЯДОК

¹ *Nelson Kingsley*. Diary of Nelson Kingsley, a California Argonaut of 1849, ed. by Frederick Teggard, University of California at Berkeley, 1914.

² Эта партия родилась в 1840-е годы. *Know nothing* – буквально «ничего не знающие». Названа так потому, что во вре-

мя ритуальных церемоний члены этой организации должны были отвечать на все вопросы «я ничего не знаю». Партия выступила против присутствия католиков в Соединенных Штатах и против иностранцев, требуя, чтобы они не могли получать американского гражданства раньше, чем проживут в Соединенных Штатах 20 лет.

³ *Herbert Asbury*. *The Barbary Coast*, op. cit.

⁴ *Frank Marryat*. *Mountains and Molehills*, op. cit.

⁵ Cue par Gertrude Atherton, dans *California – an Intimate Story*, Harper and Brothers, New York, MCXIX.

⁶ *Papers of the San Francisco Committee of Vigilance of 1851* ed. by *Porter Garnett*, assistant curator. *Academy of Pacific Coast History*, University of California at Berkeley, juillet 1910.

⁷ *A. Bénard de Russaïlb*. *Journal de voyage en Californie*, op. cit.

⁸ Распоряжение чиновнику, охраняющему заключенного, о доставке его в суд.

⁹ *Edouard Auger*. *Voyage en Californie*, op. cit.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *S. de Lapeyrouse*. *Misères oubliées...* op. cit.

¹² *Ibid.*

¹³ *Edouard Auger*, op. cit.

¹⁴ Cité par Curt Gentry dans: *The Madams of San Francisco*, op. cit.

¹⁵ *M. de Saint-Amant*. *Voyages en Californie et dans l'Oregon*, op. cit.

¹⁶ *James H. Carson*. *Recollections of the California Mines*, Biobooks, Oakland, Ca., 1950.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Newgate Calendar* – издание, печатающее отчеты о заключении в лондонскую тюрьму Ньюгейт, с описанием преступлений осужденных.

¹⁹ *Carey McWilliam*. *Southern California Country*, Duel, Sloan and Pearce, New York, 1946.

²⁰ *Louise Knappe-Smith*. *The Shirley Letters from the California Mines*, op. cit.

²¹ *M. de Saint-Amant*, op. cit.

²² *Ibid.* *Guzman de Alfarache est un roman picaresque de Mateo Aleman (1547–1614?)*.

²³ Хэнгтаун в 1854 году был переименован в Пласервилл. Сегодня город так и называется.

²⁴ *E. Gould Buffum*. *Six Months in the Gold Mines*, op. cit.

²⁵ *Walter Perkins*. *Journal at Sonora*, op. cit.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Josiah Royce*. *California*, The Riverside Press, Cambridge, Mass., 1886.

³⁰ *M. de Saint-Amant*, op. cit.

³¹ *H.H. Bancroft*. California Pastoral, The History Company, San Francisco, 1888.

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Daniel Lévy*. Les Français en Californie, op. cit.

Глава VIII. РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

¹ Cité par Rockwell D. Hunt dans «Pioneer Protestant Preachers of Early California», dans *Rushing for Gold*, op. cit.

² *William Taylor*. California Life Illustrated, op. cit.

³ *Frank Soule* et alii. The Annals of San Francisco, op. cit.

⁴ *William Taylor*. California Life Illustrated, op. cit.

⁵ *Ibid.*

⁶ *William Taylor*. Seven Years' Street Preaching in San Francisco, op. cit.

⁷ *Curt Gentry*. The Madams of San Francisco, op. cit.

⁸ *William Taylor*. Seven Years' Street Preaching in San Francisco, op. cit.

⁹ *William Taylor*. California Life Illustrated, op. cit.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *William Taylor*. Seven Years' Street Preaching in San Francisco, op. cit.

¹² *Ibid.*

¹³ Evening Star, 13 octobre 1856.

¹⁴ *Phineas Blunt*. Notes of Travel, op. cit.

¹⁵ *Louise Knappe-Smith*. The Shirley Letters from the California Mines, op. cit.

¹⁶ *Sarah Rouse*. A Frontier Lady, op. cit.

¹⁷ *Frank Soule* et alii. The Annals of San Francisco, op. cit.

¹⁸ *Charles Caldwell Dobie*. San Francisco's Chinatown, op. cit.

¹⁹ *Frank Soule* et alii. The Annals of San Francisco, op. cit.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *M. de Saint-Amant*. Voyages en Californie et dans l'Oregon, op. cit.

²² *Charles Caldwell Dobie*. San Francisco's Chinatown, op. cit.

²³ *Frank Soule* et alii. The Annals of San Francisco, op. cit.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *William Warren Ferrier*. Ninety Years of Education in California – 1846–1936, Sather Gate Book shop, Berkeley, 1937.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *John Swett*. History of the Public School System of California, Bancroft and Co., San Francisco, 1876.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.*

- 31 *William Warren Ferrier*. *Ninety Years of Education in California*, op. cit.
32 *Ibid.*
33 *Ibid.*
34 *H. H. Bancroft*. *California Pastoral*, op. cit.
35 *William Warren Ferrier*. *Ninety Years of Education in California*, op. cit.

Глава IX. СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ КАЛИФОРНИИ

- 1 *Walter Colton*. «Merry Making Magistrate», dans: *California. A Literary Chronicle*, W. Storrs Lee ed., Funk and Wagnalls, New York, 1968.
2 Название «ранчero», относящееся в Мексике к мелкому фермеру, в Калифорнии присваивалось владельцу гасиенды, то есть крупному землевладельцу.
3 *Robert Glass Cleland*. *The Cattle on a Thousand Hills. The Huntington Library*, San Marino, 1964.
4 *Ibid.*
5 *Richard Henry Dana*. «Into a Christian Country», dans: *California. A Literary Chronicle*, op. cit.
6 *Horace Bell*. *Reminiscences of a Ranger*, published by Wallace Heberd, Santa Barbara, 1927.
7 *William Heath Davis*. *Sixty Years in California*, op. cit.
8 *Carey McWilliams*. *Southern California Country*, Duell, Sloan and Pearce, New York, 1946.
9 Сорт кукурузной лепешки, которую едят теплой.
10 *Robert Glass Cleland*, op. cit.
11 *Edouard Auger*. *Voyage en Californie*, op. cit.
12 *Robert Glass Cleland*, op. cit.
13 *William Heath Davis*, op. cit.
14 *Ibid.*
15 *Walter Colton*. *A Merry-Making Magistrate*, op. cit.
16 *William Heath Davis*, op. cit.
17 *Ibid.*
18 *Ibid.*
19 *Edouard Auger*. *Voyage en Californie*, op. cit.
20 *William Heath Davis*, op. cit.
21 *Ibid.*
22 *Robert Glass Cleland*, op. cit.
23 *Ibid.*
24 *Ibid.*
25 *Harris Newmark*. *Sixty Years in Southern California*. The Knickerbocker Press, New York, 1916.
26 *Horace Bell*. *Reminiscences of a Ranger*, op. cit.
27 Cité dans: *The Cattle on a Thousand Hills*, op. cit.
28 *William Heath Davis*. *Sixty Years in California*, op. cit.
29 *Ibid.*

³⁰ *Charles Edward Pancoast*. A Quaker Forty-Niner, op. cit.

³¹ *Sixty Years in California*, op. cit.

Глава X. ИНДЕЙЦЫ

¹ Баням калифорнийских племен испанцы, а за ними и американцы, дали ацтекское название *темескал*.

² *Robert F. Spenser, Jesse D. Jennings*. The Native Americans, Harper and Row publishers, New York, 1965.

³ *A. L. Kroeber*. Handbook of the Indians of California, Government Printing Office, 1925, Washington Smithsonian Institution.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Louise Knappe Smith*. The Shirley Letters from the California Mines, op. cit.

⁸ *Edouard Auger*. Voyage en Californie, op. cit.

⁹ Sam Ward in the Gold Rush, Carvel Collins ed., Stanford University Press, 1949.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Cité dans: Sam Ward in the Gold Rush, op. cit.

¹² The Mariposa Indian War 1850–1851: Diaries of Robert Eccleston, University of Utah Press, 1957.

¹³ *L. H. Bunnell*. Discovery of the Yosemite, G. W. Gerlicher pub., Los Angeles, 1911.

¹⁴ The Mariposa Indian War: Diaries of Robert Eccleston, op. cit.

БИБЛИОГРАФИЯ

Albert-Montemont, éditeur, Voyages autour du Monde et en Océanie par... La Pérouse et alii, Bry aîné, Paris, 1855.

André (Alexandre). Mon itinéraire du Havre á San Francisco, Plon-Nourrit et Cie, Paris, 1913.

Asbury (Herbert). The Barbary Coast, Alfred A. Knopf, New York, 1933.

Atherton (Gertrude). California: an Intimate Story, Harper and Brothers pub., New York and London, MCMXIV.

Audubon (John W.). Audubon's Western Journal, The Arthur H. Clark Company, Cleveland, 1906.

Audubon (John W.). The Drawings of 1849–1850. The Book club of California, San Francisco, 1957.

Auger (Edouard). Voyage en Californie, Librairie L. Hachette, Paris, 1854.

Bancroft (H. H.). California Pastoral, The History Company, San Francisco, 1888.

Bancroft (H. H.). History of California, vol. VI, 1848–1859. The History Company, San Francisco, 1888.

Bancroft (H. H.). The Native Races of the Pacific States of America, vol. I, D. Appleton and Co., New York, 1874.

Bancroft (H. H.). California Inter Pocula. The History Company, San Francisco, 1888.

Bartlett (John Russel). Personal Narrative of Exploration and Incidents, vol. II, D. Appleton and Co., New York, 1854.

Bénard de Russailb (Albert de). Journal de Voyage en Californie, Aubier, 1980.

Billington (Ray Allen). Westward Expansion – a History of the American Frontier, The MacMillan Company, New York, 1954.

Bolton (Herbert Eugene). Outpost of Empire, Alfred A. Knopf, New York, 1939.

Brown (John Henry). The Early Days of San Francisco – 1845–1850, New York, 1939.

Bell (Major Horace). Reminiscences of a Ranger, published by Wallace Heberd, Santa Barbara, 1927.

Bryant (Edwin). What I saw in California, The Fine Arts Press, Santa Ana, 1936.

Buck (Franklin A.). A Yankee Trader in the Gold Rush, Houghton Mifflin Company, New York, 1930.

Buffum (E. Gould). The Gold Rush – An Account of six months in the California Diggings, The Folio Society, Glasgow, 1959.

Bunnell (L. H.). Discovery of the Yosemite, G. W. Gerlicher pub., Los Angeles, 1911.

Carson (James H.). Recollections of the California Mines, Biobooks, Oakland, 1950.

Caughey (John Walton) ed. Rushing for Gold, University of California Press, 1949.

Chapman (Charles E.). Ph. D., A History of California, The MacMillan Company, New York, 1936.

Cleland (Robert Glass). A History of California – From Wilderness to Empire, Alfred A. Knopf, New York, 1962.

Cleland (Robert Glass). The Cattle of a Thousand Hills. Southern California 1850–1870, The Huntington Library, San Marino, 1941.

Colton (Walter) Rev. U.S.N. The Land of Gold, D. W. Evans and Co., New York, 1860.

Cook (S. F.). The Conflict Between the California Indian and White Civilization, University of California Press, at Los Angeles and Berkeley, 1943.

Cook (S. F.). Expeditions to the Interior of California Central Valley 1820–1840, Anthropological Records, Vol. 20, University of California Press, 1960.

Coy (Owen C.) Ph. D. Pictorial History of California, University of California at Berkeley, 1925.

Crafts (E. P. R.). Pioneer Days in San Bernardino Valley, Redlands, 1906.

Crampton (C. Gregory) editor. The Mariposa Indian War, Diaries of Robert Eccleston, University of Utah Press, 1957.

Crosby (Elisha Oscar). Reminiscences of California, The Huntington Library, San Marino, 1945.

Davis (William Heath). Sixty Years in California, A. J. Leary pub., San Francisco, 1884.

Davis (Stephen Chapin). California Gold Rush Merchant, The Huntington Library, San Marino, 1956.

Delano (Alonzo). Alonzo Delano's Pen-Knife Sketches. The Grabhorn Press, San Francisco, 1934.

Dick (Everett) Ph. D. The Story of the Frontier, Tudor Publishing Company, New York, 1941.

Dobie (Charles Caldwell). San Francisco's Chinatown, D. Appleton Century Company, New York, 1936.

Ellison (William H.) et Price (Francis) ed. The Life and Adventures in California of Don Augustin Janssens 1834–1856. The Huntington Library, San Marino, 1953.

Evans (George W. B.). Mexican Gold Trail, The Huntington Library, San Marino, 1945.

Eyma (Xavier). La Vie dans le Nouveau Monde, Poulet Malassis, Paris, 1862.

Ferrier (William Warren). Ninety Years of Education in California 1846–1936, Sather Gate Book Shop., Berkeley, 1937.

Font (Pedro). The Anza Expedition of 1775–1776, ed. by Frederick J. Teggart, University of California at Berkeley, 1913.

Foreman (Grant). Marcy and the Gold Seekers, University of Oklahoma Press, Norman, 1939.

Fremont (Col.) and Emory (Major). Notes on Travel in California, D. Appleton and Company, MDCCCXLIX.

Gentry (Kurt). The Madams of San Francisco, Doubleday and Co., Garden City, New York, 1964.

Giacobi (Steve). Chile and her Argonauts in the Gold Rush 1848–1856. Mémoire, San Jose State College, 1967.

Hulbert (Archer Butler). Forty-Niners: The Chronicle of the California Trail, Little, Brown and Company, Boston.

Jackson (Joseph Henry). Bad Company, Harcourt, Brace and Company, New York, 1949.

Kingsley (Nelson). Diary of Nelson Kingsley – A California Argonaut of 1849, Frederick Teggard ed., University of California at Berkeley, 1914.

Kip (Leonard). California Sketches, N. A. Kovach, Los Angeles, 1946.

Knappe-Smith (Mrs. Louise-Amelia). The Shirley Letters from the California Mines, The Grabhorn Press, San Francisco, 1933.

Kroeber (A. L.). Handbook of the Indians of California, Government Printing Office, Smithsonian Institution, Washington, 1925.

Lapeyrouse (S. de). Misères oubliées 1850–1953. Maurice Dreyfus ed., Paris, 1886.

Lavender (David). California – A Bicentennial History, W. W. Norton and Company, New York, 1976.

Lee (W. Storrs). California – A Literary Chronicle. Funk and Wagnalls ed., New York, 1884.

Lévy (Daniel). Les Français en Californie, Grégoire, Tauzy et Co. ed., San Francisco, 1884.

Lewis (Oscar). Sea Routes to the Gold Fields – 1849–1852, Alfred A. Knopf, New York, 1949.

Manly (William Lewis). The Jayhawkers' Oath and other sketches. Warren F. Lewis, 1949.

Manly (William Lewis). Death Valley in '49. The Pacific Press and Vine Co., San Jose, 1894.

Marryat (Frank). Mountains and Molehills, Harper and Brothers pub., New York, 1855.

Maurry (P. jr.). La Californie en février 1852, Durand, imp., Bordeaux, 1852.

McWilliams (Carey). Southern California Country, Duell, Sloan and Pearce, New York, 1946.

Moody (Ralph). The Old Trail West, Thomas Y. Crowell Co., New York, 1963.

Monaghan (Jay). Chile, Peru, and the California Gold Rush of 1849, University of California Press at Berkeley, 1973.

Müller (J.). California, Land of Gold or Stay at Home and Work, The Book Club of California, San Francisco 1971 (?).

Neumark (Harris). Sixty Years in Southern California 1853–1913, The Knickerbocker Press, New York, 1916.

Pancoast (Charles Edward). A Quaker Forty-Niner, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1930.

Perkins (William). William Perkins' Journal of Life at Sonora, University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1964.

Palou (Fray Francesco. O.F.M.). Historical Memoirs of New California, Herbert Eugene Bolton ed., Russel and Russel. New York, 1966.

Paul (Rodman W.). California Gold, Harvard University Press, Cambridge, 1947.

Pierce (Hiram Dwight). A Forty-Niner Speaks, Keystone-Inglett Punting Co., Oakland, 1930.

Pomfret (John E.) ed. California Gold Rush Voyages – 1848–1849. The Huntington Library, San Marino, 1954.

Raousset-Boulbon (Comte de). Le comte de Raousset-Boul-bon et l'expédition de la Sonore, Œuvres inédites publiées par A. de La Chapelle, F. Dentu, Paris, 1859.

Read (George Willis). A Pioneer of 1850. Little Brown, Boston, 1927.

Riensenberg (Felix jr.). Golden Gate, Alfred A. Knopf, New York, 1940.

Royce (Josiah). History of California, The Riverside Press, Cambridge, 1886.

Royce (Sarah). A Frontier Lady. Yale University Press, New Haven, 1932.

Saint-Amant (M. de). Voyages en Californie 1850–1851, Garnier Frères, Paris, 1851.

Saint-Amant (M. de). Voyages en Californie et dans l'Oregon. Librairie L. Maison, 1854.

Smett (John). History of the Public School System of California, Bancroft and Co., San Francisco, 1876.

Smith (Frank Meriweather) ed. San Francisco Vigilance Committee of '56. Barry, Baird and Co., San Francisco, 1883.

Soule (Frank), Giton (John H.) and Nisbet (James). The Annals of San Francisco, Lewis Osborne, Palo Alto, 1966.

Spenser (Robert F.) et Jinnings (Jesse D.). The Native Americans, Harper and Row pub., New York, 1965.

Starr (Kevin). Americans and the California Dreams 1850–1915, Oxford University Press, New York, 1973.

Steele (James). Old Californian Days, Morrill Higgins and Co., Chicago, 1892.

Stegner (Wallace). Mormon Country, Duell, Sloan and Pears, New York, 1942.

Stewart (George R.). The California Trail, McGraw-Hill Book Co., New York, 1962.

Taylor (Bayard). Eldorado or Adventures in the Path of Empire, Alfred A. Knopf, New York, 1949.

Taylor (rev. William). California Life Illustrated, Carlton and Porter, New York, 1859.

Taylor (rev. William). Seven Years' Street Preaching, Carlton and Porter, New York, 1856.

Thornton (J. Quinn). Oregon and California 1846–1848, Harper and Brothers pub., New York, 1864.

Tyrbhitt-Brooks, Md. (J.). Four Months among the Gold Finders, Baudry's European Library, Paris, 1850.

Venegas (Miguel). History of California, 2 vol., translated from the original Spanish. Oxford Theatre, England, 1759.

Ward (Sam). Sam Ward in the Gold Rush, ed. by Carvel Collins, Stanford University Press, 1949.

Whipple-Haslam (Mrs. Lee). Early Days in California, Jamestown, California, 1923.

White (Stewart Edward). The Forty-Niners – a Chronicle of the California Trail and El Dorado, Yale University Press, New Haven, 1921.

Willey (Samuel H.) D. D. History of the College of California, Historical Society, San Francisco, 1887.

Williams (Mary Floyd) Ph. D. History of the San Francisco Committee of Vigilance of 1851, University of California Press, Berkeley, 1921.

Wise (Lieut.) U.S.N. Los Gringos, Baker and Scribner, New York, 1849.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

California – A Guide to the Golden State. Federal Writers' Project of the Works Progress Administration for the State of California, Books Inc., New York, 1943.

California Almanac. 1971.

California Gold Regions. F. M. Pratt pub., New York, 1849.

Documents généraux officiels et compilés sur la Californie, chez l'editeur, rue Rich n° 10, Paris, 1849.

Index to the Argonauts of California. Charles Warren Haskins ed., Polyanthos, New Orleans, 1975.

La Vérité sur la Californie, par H. E. - M. Gérard, Paris, 1849.

San Francisco, California Historical Society, 1887.

Papers of the San Francisco Committee of Vigilance of 1851. ed. by Porter Garnett, University of California, at Berkeley, juillet 1910.

San Francisco City Directory, octobre 1856, par Harris, Bogardus and Labatt.

San Francisco City Directory, septembre 1852, par A. W. Morgan and Co.

San Francisco City Directory, 1850, par Kimball.

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Déclaration du général Francis Dorr faites en 1885 pour H. H. Bancroft, Bancroft Library, Berkeley.

Milton Hall. Lettres. Bancroft Library.

Phineas Blunt. Notes of Travel, Bancroft Library.

Déclaration de Louis Henry King faite pour H.H. Bancroft.

William Squire Clark. Recollections of a San Francisco Pioneer of '46, Bancroft Library.

William Henry Bigler. Diary of a Mormon in California, Bancroft Library.

T. Warwick Brooks. Lettres. Bancroft Library.

E. Cartwright. Journal. Bancroft Library.

David Brown. Papers 1853–1887. Bancroft Library.

William Booth. An Argonaut at Rest, Bancroft Library.

Isaac W. Baker. Journal. Bancroft Library.

Persifor F. Smith. Letter from San Francisco, Special Collections Division, Tulane University.

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Уткин. Люди гибли за металл
6

Предисловие
11

Введение
Завоевание душ. – Ветер революции. –
Тридцать первая звезда.
15

Глава I
НОВОЕ ЭЛЬДОРАДО
Владение краснокожих. – Город падших ангелов. –
Золото! Золото! Золото! – «Золотая лихорадка». –
Ветер безумия над Калифорнией. –
«Золотая лихорадка» охватывает Европу.
28

Глава II
ПУТЕШЕСТВИЕ
Курс на мыс Горн. – Жизнь на борту корабля. –
Первые пароходы. – Крокодилы и желтая лихорадка. –
Переход через Большие Равнины. –
Индейцы. – Мормоны. –
Долина Смерти.
48

Глава III
ЖИЗНЬ НА ПРИИСКАХ
Россыпи. – Капризы Фортуны. –
Тяжелая доля золотоискателя. –
Смерть золотоискателя. – Лагеря золотоискателей. –
Торговый пост. – Будни золотоискателя. –
Порок и добродетель. –
Демон игры.
70

Глава IV
МАЛЫЕ ГОРОДА
Космополитическое общество. –
Женщины Соноры. – Стоктон – город,
выросший как гриб. – Сакраменто. – Грас Велли. –
Патриотические праздники. – Вивервил. –
Переселенцы из Поднебесной Империи. –
Райский уголок.
92

Глава V

САН-ФРАНЦИСКО

Палаточный город. –
Дома и улицы. – Длинный Причал. – Почта. –
Уличный шум. – Город возрождается из пепла. –
Малая Чили и Малый Китай. – Французы. –
Сан-францисские бандерши. –
Поиски супруги.

118

Глава VI

РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ИГРЫ

Весы и револьвер. –
Терпсихора, Купидон и Мом. –
Храмы гастрономии. – Театр. –
Цирковые представления.

143

Глава VII

ЗАКОН И ПОРЯДОК

Сиднейские утки. – Суд Линча. –
Закон прииска. – Судьбы повешенных. –
Наказание кнутом. – Романтичный разбойник. –
«Бдительные» 1856 года.

159

Глава VIII

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Проповеди на Плаза. – «Валаамова ослица». –
Слуги Господа. – Кладбища. – Образование
и налогообложение. – Школы Сан-Франциско. –
Орфография и нормы морали.

178

Глава IX

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ КАЛИФОРНИИ

Испанистское общество: его касты и экономика. –
День ранчеро. – Женщины. – Родео. –
Насилие, распутство и пьянство. –
Праздники и конные состязания.

196

Глава X

ИНДЕЙЦЫ

Юроки: деньги... и любовь. –
Племя помо: вкус к празднику. –
Майду, винтуны и йокуты. – Похороны у мивоков. –
Война 1851 года. – Шошонская семья. –
Картины мира. – Могавки.

213

Примечания
234

Библиография
248

Другие источники информации
251

Рукописные источники
252

Крете Л.

К 80 Повседневная жизнь Калифорнии во времена «золотой лихорадки» / Пер. с фр. Г. Г. Карпинского; Предисл. и науч. ред. А. И. Уткина. – М.: Мол. гвардия, 2004. – 255[1] с.: ил. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02640-3

В 1848 году многих американцев охватило стремление перевернуть свою жизнь, бросить все и погнаться за удачей. Это было время, когда калифорнийский строитель мельниц Джеймс Маршалл впервые обнаружил на берегах Американской реки золотые самородки. Вслед за ним в Калифорнию устремились тысячи людей с надеждой на скорое и легкое обогащение. Они грезили золотом, их не пугали опасности многочисленных странствий и тяжелые испытания.

Автор книги – французская писательница Лилян Крете рисует поразительную картину массового безумия людей, жаждущих быстрого обогащения. Однако автору за внешней канвой истории «золотой лихорадки» удалось увидеть и внутреннюю силу человеческой природы. Не золото подняло Калифорнию, а те люди, которые пришли за ним.

**УДК 94(7) «654»
ББК 63.3(0)5**

Крете Лилян

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЛИФОРНИИ
ВО ВРЕМЕНА «ЗОЛОТОЙ ЛИХОРАДКИ»**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **Е. М. Лопухина**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редакторы **Н. А. Тихонова, Н. И. Михайлова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманни**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

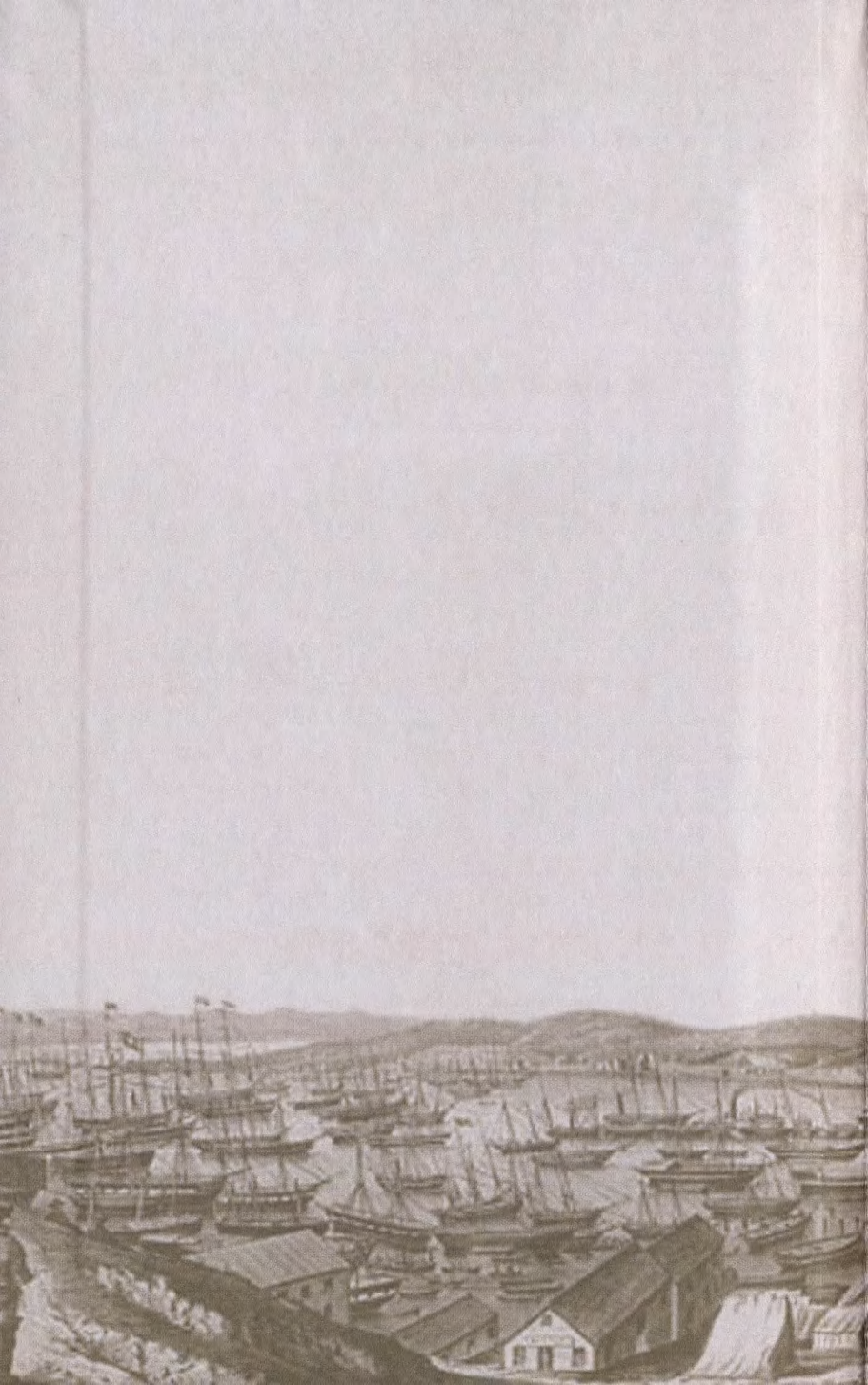
Сдано в набор 24.12.2003. Подписано в печать 20.04.2004. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 13,44 +
0,84 Тираж 5000 экз. Заказ 43154.

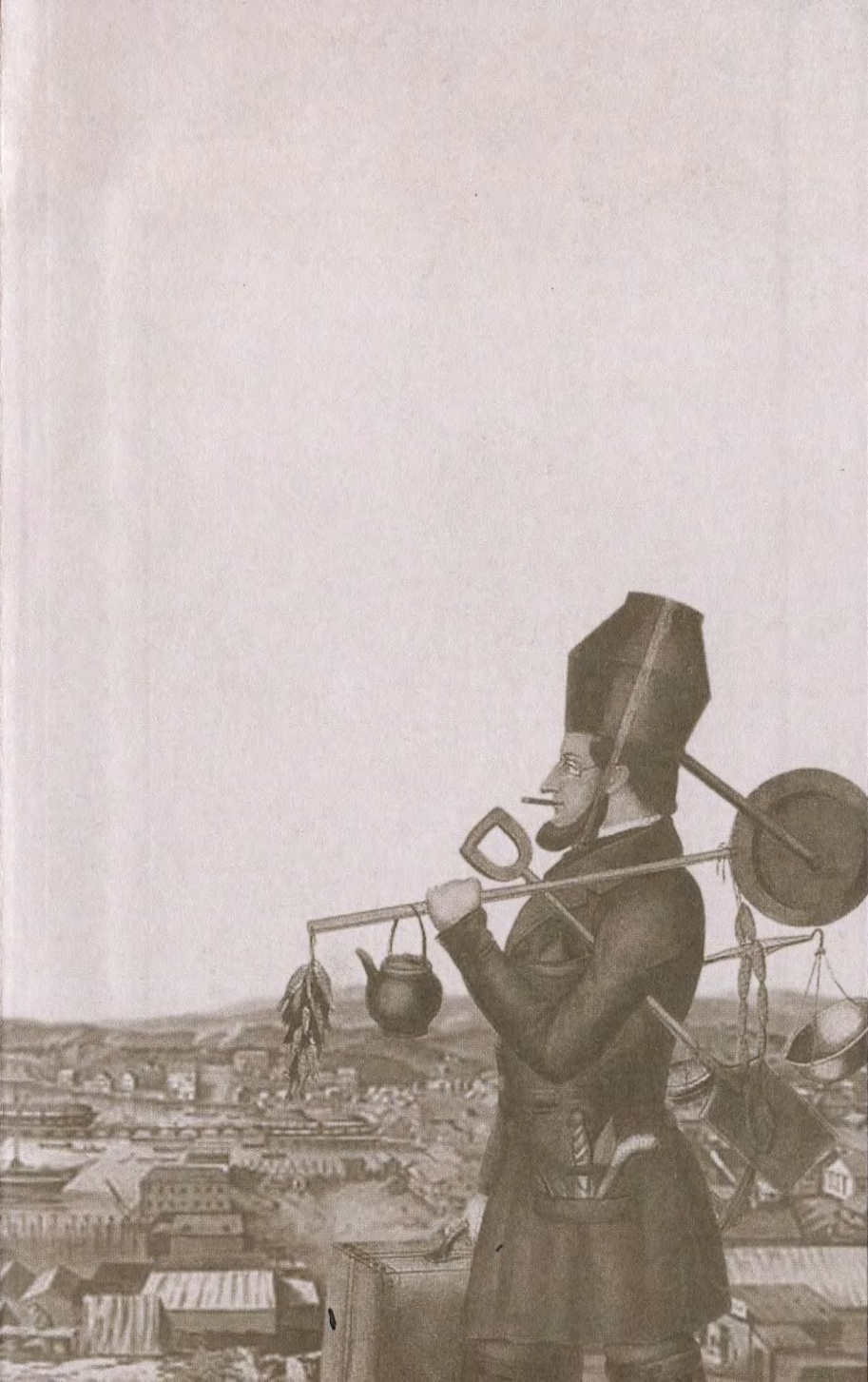
Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва,
Суцеская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru> E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва,
Суцеская ул., 21.

ISBN 5-235-02640-3

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

В. Шевченко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КРЕМЛЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ

Ж. Бордонов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАМПЛИЕРОВ В XIII ВЕКЕ

Л. Адлер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙСКИХ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ

М. Дефурно

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ ЗОЛОТОГО ВЕКА

ISBN5-235-02640-3

9 785235 026407 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ